

ФАЛЛОС

СВЯЩЕННЫЙ МУЖСКОЙ ОБРАЗ

Юджин Моник

Аналитическая психология

купить книгу на Озоне

<http://www.ozon.ru/context/detail/id/936863/>

Юджин Моник

Фаллос. Священный мужской образ

Phallos. Sacred Image of the Masculine

Серия: Аналитическая психология

Издательство: Инфра-М, 2000 г.

Мягкая обложка, 136 стр.

ISBN 5-16-000416-5

Тираж: 1000 экз.

Формат: 60x90/16

От издателя

Для многих поколений диктат маскулинности считался непреложной данностью. Его `естественное` превосходство впиталось в социальные и культурные нормы. Но старые патриархальные ценности - уже не очевидная истина. Характерные черты маскулинности должны отличаться от обветшалых, но все еще очень цепких патриархальных установок.

Делая акцент на типичных чертах мужчины, автор затрагивает архетипические основы маскулинности. Сопоставляя физиологические, мифологические и психологические проявления фаллоса, он открывает автономного внутреннего бога, равного по значимости первичному материнскому началу.

Фаллос рассматривается как таинственная реальность, и земная, и неземная одновременно. Для мужчин и для женщин он - и объект наслаждения, и предмет религиозного почитания, а для половины человечества - признак индивидуальной идентичности.

СОДЕРЖАНИЕ

Интервью доктора Юджина Моника Базаре Сэмюэлс,
опубликованное в 1992 году в журнале Reflections
издаваемом Центром К. Г. Юнга в Кливленде

ВВЕДЕНИЕ

ФАЛЛОС И РЕЛИГИОЗНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ФАЛЛОС

ФАЛЛОС В ПСИХОАНАЛИЗЕ

О ПСИХОИДНОЙ ПРИРОДЕ ФАЛЛОСА

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ФАЛЛОСА

ТЕНЕВАЯ СТОРОНА ФАЛЛОСА

ФАЛЛОС ЗА РАМКАМИ ОБЫЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

ЭПИЛОГ

ЗАМЕЧАНИЯ

Юджин МониК
Фаллос.
Священный мужской образ.

*Новые взгляды, как Правило,
не появляются в уже освоенной области,
а наоборот, вдалеке от проторенных путей, в местах,
которые пользуются дурной славой и которых поэтому
стараятся
избегать.*

К.Г. Юнг. Синхронизм: Акаузальный соединяющий принцип

*В борьбе против язычества... святость становится недерастией,
поклонение — прелюбодением, и так далее...
Иудаизм и христианство, находясь где-то между ними
— включая сюда же и Фрейда, — налагают на это недоразумение
тяжелое и злое клеймо. Тот, кто со временем обретет
способность видеть трансперсональное, может обратить этот
процесс.*

Эрих Нойманн. Природа и история сознания

**Интервью доктора Юджина Моника Базаре Сэмюэлс,
опубликованное в 1992 году в журнале Reflections
издаваемом Центром К. Г. Юнга в Кливленде**

Барбара Сэмюэлс: Юнгианцы часто считают, что фрейдисты придают слишком большой акцент сексуальности, а сам Фрейд критиковал Юнга за слишком сильное увлечение мистикой. Создается впечатление, что Ваша работа синтетически соединяет в себе эти два основных аспекта, несмотря на то, что даже сами Фрейд и Юнг этого сделать так и не смогли. Фактически их расхождения во взгляде на этот вопрос были настолько серьезными, что в конце концов даже разрушили их отношения.

В своей книге Айон Юнг полагал, что фаллоцентрический и, главным образом, сексуально-ориентированный подход к психике представляет собой компенсацию своей чисто биологической интерпретации сексуальности, что этому взгляду "не хватает духовного и "мистического" приложения сексуального инстинкта (пар. 357). Как бы иронично это ни прозвучало, неужели Вы действительно думаете, что Юнг недооценивал сексуальность?

Юджин Моник: Я смотрю на это так: нельзя сказать, что, согласно Фрейду, сексуальность недооценивается как, скажем, реальность существующего инстинкта. Однако Фрейд на этом остановился. Юнг сделал акцент на метафорических, архетипических и символических аспектах, которые Фрейд оставил на уровне конкретики.

Сэмюэлс: Что же, в каком-то смысле Юнг тоже недооценил сексуальность?

Моник: Я бы сказал, что, согласно Фрейду, сексуальность недооценивалась как религиозное переживание, а она является таковым. У Юнга сексуальность недооценивается как конкретное переживание. Когда вы совместите эти два аспекта, что, собственно, я и попытался сделать в своей книге "Фаллос", и еще больше в книге "Кастрация и мужская ярость", вы получите нечто более полное: одновременно конкретное и метафорическое, и архетипическое.

Сэмюэлс: Как Вы пришли к осознанию нуминозности фаллоса и захотели написать об этом?

Моник: Этому послужили две причины: прежде всего, мое личное переживание: мне кажется, что каждый, кто писал на подобную тему, должен иметь собственное переживание в этой области. С другой стороны, им слишком занята голова человека и куда меньше дух и

тело. Это ключевой момент. Мое собственное переживание фаллоса было нуминозным. Но затем как терапевту и как человеку, проявляющему интерес к общей культуре, стало все более и более ясно, что при упадке патриархальной социальной структуры, от которой мужчины зависят просто по определению, — что же им еще остается, кроме переживания собственной значимости, поддерживающей их социально-половую принадлежность?

Чем больше этот вопрос занимал место у меня в голове, тем больше я размышлял над тем, есть ли вообще необходимость искать путь функционального определения символа мужской идентичности или, как Вы бы сказали, разделяющей черты. Определение, которое должно быть проверено с точки зрения его способности создать для мужчины то, что социальная структура, сооруженная патриархальностью, просто не способна больше сделать. Поэтому в основном это исследование символа мужской идентичности в качестве альтернативы патриархальности.

Сэмюэлс: И как аналитик, и как священник, почему Вы думаете, отчего на западе религия традиционно так неловко смешивает чувственное и сакральное?

Моник: Мне думается, что здесь надо сделать шаг назад, чтобы понять материальность как некую сущность, находящуюся во власти архетипа женственности. Материя — это mater (мать). И определение дополняющей ее противоположности, ее контрапункта, дает маскулинности шанс.

Признавая тот факт, что в физической стороне мира преобладает женственность, чтобы как-то себя определить, маскулинность пошла в направлении политики, социального устройства и духовности. А потому, думая о маскулинности, мы обычно пользуемся архетипическими понятиями. Мы связали маскулинность с развитием эго: мы определили маскулинность в понятиях социального совершенства, заставили ее двигаться прочь от всего, что имеет отношение к физическому миру.

То, чего я стремился добиться в своей книге "Фаллос", пользуясь концепцией психоидности Юнга, — это сделать работу, которая бы шла в направлении, где и маскулинность, и женственность оказываются и Духовны, и материальны. Таким образом я хотел показать, что маскулинность обладает материальной размерностью, которая имеет своим Источником именно фаллос, символ маскулинности.

Итак, я попытался раздвоиться, вернувшись на путь, разделяющий

Маскулинность и женственность. В западной культуре определенно существует культурная основа для таких размышлений над маскулинностью и Женственностью. Однако она фундаментально ненадежна, ибо постоянно заканчивается усилиями маскулинности обесценить женственность, Чтобы доказать свою собственную жизненную силу и достоверность.

Сэмюэлс: Значит, патриархальность.

Моник- Да, значит, патриархальность и все вытекающие из нее последствия. И на ее пути борьбы с Вселенной находится скважина.

Сэмюэлс: Ваша следующая книга посвящена Грюневальду, художнику XVI века?

Моник: Да В ее основе лежат мои впечатления от расписанного им алтаря Айзенхайма, в Кольмаре, провинции Эльзас во Франции Речь идет об образе Черного Христа, в котором отражена идея Юнга, что любой образ Самости имеет свои темные и светлые стороны, что зло имеет свою сущность. Оно не является только отсутствием добра, а имеет теневую размерность, которая является частью психики и скрыто в ее ящике Пандоры.

ВВЕДЕНИЕ

Мужчины испытывают потребность в существенно более полном понимании психологического фундамента, лежащего в основе своего пола и своей сексуальности, по сравнению с тем, которым они обладают. Можно было бы подумать, что в патриархальном обществе мужчины спонтанно и естественно вбирают в себя основу мужской идентичности. Обычно этого не происходит.

Большинство мужчин воспринимают доминирование маскулинности как само собой разумеющееся, очень хорошо им известное переживание положения превосходства. Таким мужчинам обычно нелегко представить себя, свое поведение и свое место в жизни. Они чувствуют, что в их психологическом состоянии чего-то не хватает, и они приходят на терапию, чтобы исправить положение вещей. То, что они обычно получают, — определение маскулинности, имеющее лишь косвенное отношение к возникшему в их жизни ощущению разобщенности. Такие мужчины обладают маскулинностью, но при этом не достигают ощущения патриархальности. Даже те из них, которые ощущают себя свободно в

рамках патриархального мира, признают, что нечто уже исчезло, что законы предков канули в прошлое.

В современной юнгианской литературе существует пробел в отношении аспектов, связанных с маскулинностью вообще, и об архетипической основе маскулинности нет практически ничего с момента выхода "Природы и истории сознания" Эриха Нойманна. Я полагаю, что этот пробел связан с преобладанием патриархальной установки в самом психоанализе, включая аналитическую психологию Юнга. Авторы просто не писали то, что казалось им очевидным. Но проблема, связанная с патриархальными установками и ценностями, больше не является неоспоримой истиной. До тех пор пока маскулинность отделена от патриархальности, они будут взаимно истощать друг друга.

Писать об архетипической маскулинности — значит делать акцент на фаллосе, на эрегированном пенисе, на общеизвестной эмблеме и общепринятом мужском стандарте. Все образы, определяющие маскулинность, в качестве отправной точки имеют фаллос. Движущая сила, определенность, эффективность, проникновение, стремительное движение вперед, твердость, сила — все эти качества характерны для фаллоса. Фаллос — отличительная черта маскулинности, ее клеймо, ее образ. Эрекция указывает на энергичную внутреннюю реальность мужчины, не совпадающую с его самоконтролем. Эта внутренняя реальность в данный конкретный момент времени может отличаться от сознательного желания мужчины. Фаллос — субъективная власть маскулинности, объективная для Цсех, вступающих с ней в контакт. Именно она делает фаллос архетипом. Она предстает перед ним подобно богу. Мужчина использует свой фаллос; если он этого не делает, то не может называться мужчиной. Мужчинам необходимо знать источник своей власти и с уважением относиться к своему сакральному символу. Фаллос открывает дверь в глубину мужской сущности.

В рамках психоаналитической литературы фаллосом как изначальным источником психической энергии просто пренебрегали. Основатели анализа такие предположения делали, но все-таки фаллос не получил своего теоретического развития в качестве первичного элемента психики. Психоаналитическая теория, как фрейдовская, так и юнгианская, отдает однозначное предпочтение матери как источнику жизни. Это ошибка.

Недостаточное присутствие фаллического образа в теориях о природе и развитии жизненного процесса приводит к искажающим

компенсациям фаллоса, которые дают себя почувствовать в терапевтических отношениях. В психоаналитическом лечении преобладают патриархальные установки, даже если они не оставляют подобающего места фаллосу. Вот примеры: психоаналитик считает себя правым в собственных суждениях. Переживания аналитиков и их связь с бессознательным не принимаются в расчет по сравнению с оценкой ситуации аналитиком. Постоянный выход за рамки этических норм, устанавливаемых комитетами аналитических сообществ, может считаться реакцией на неуместное появление фаллоса в кабинете аналитика; фаллос будет присутствовать в размышлениях, даже если не получит осознанного допущения. Последние детальные обсуждения вопросов, связанных с "рамками" анализа в юн-гианских сообществах, отражают недостаточную восприимчивость к бессознательному нервной системы и регрессию к патриархальному методу.

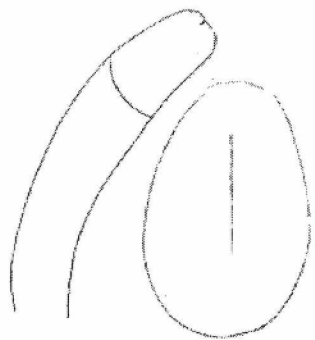
Имеются и более существенные обстоятельства, по сравнению с психотерапией. Теодор Райх, выдающийся фрейдистский психоаналитик, сделал следующее предостережение: "Будущее покажет, что применение анализа в лечении индивидуальных неврозов не станет самым важным его применением"¹. Он отмечал, что психоанализ является основой для нового понимания человеческой природы. Райх предполагал восстановление связи между психологией и философией и появление в конце девятнадцатого столетия синтетического единства медицинской и социальной науки. Философское исследование, изучение причин и законов, лежащих в основе реальности, — это неизбежное развитие работ И Фрейда, и Юнга, и общепринятой точки зрения на бессознательное, подспудное напластование психической реальности. Эпистемология как ответвление философии, изучающее природу процесса познания, претерпела радикальные изменения при включении субъективного, интрапсихического переживания, равного по своей значимости объективным эмпирическим данным.

Психоаналитическое лечение в своей основе неизбежно имеет философские и эпистемологические положения в отношении человеческой Природы. Наличие или отсутствие маскулинности и фаллоса в системе Ценностей аналитика — это аспекты ключевой важности в системе ценностей пациента, как мужчины, так и женщины. Фаллос всегда присутствует в психоанализе так же, как он присутствует в жизни. Если не обратили должного внимания на архетипический фаллос, он обязательно найдет возможность внедриться в процесс бессознательно. Если же архетипический фаллос

признается и становится частью аналитического процесса, он привносит с собой новые знания, о которых упоминал Райх.

Это исследование обязательно должно быть личным. Читатель достаточно скоро узнает, что для меня фаллос является экзистенциальным образом бога. Я попытался написать психологически, не внося в свой текст личную компоненту. И потерпел неудачу. В результате я попал именно в те области, которых хотел избежать, как и предупреждал Юнг. Если читателя не затронет мой личный материал, я позволю себе напомнить, что психоанализ — больше искусство, чем наука. Психология занимается душой, а душа всегда рассматривается индивидуально.

"Находясь в 1986 году во Франции, в Дордоньи, в пещере Ле Комбарель вблизи Лез Изи, я рассматривал настенные рисунки, относящиеся к XV веку до нашей эры. Женщина-гид указала на женский половой орган, нарисованный рядом с фигурами зверей. Я спросил ее, существует ли какое-либо изображение мужского органа. Она сместила влево на несколько дюймов луч фонаря и там оказался фаллос..."

(Рисунок и подпись автора)

ФАЛЛОС И РЕЛИГИОЗНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ

Фаллос как образ Бога

Однажды летним утром, будучи семилетним мальчиком, то есть в

начале психосексуального периода, названного Фрейдом латентным, я забрался в родительскую постель. Мы тогда жили в своем летнем доме на берегу озера Белого Медведя, которое сейчас находится в пригороде Св. Павла, но в те времена обратная дорога домой занимала не менее двух часов езды. Мать уже встала, чтобы приготовить завтрак. Отец, совершенно обнаженный, продолжал спать. Я залез под одеяло и приступил к изучению всего, что вызывало у меня интерес. Я даже прихватил с собой фонарь, что свидетельствовало о заранее продуманном намерении. Однако я совершил для себя открытие на чувственном уровне; это произошло, когда я вылез на свет из-под одеяла. Так или иначе, ползая в темноте рядом с телом отца, я натолкнулся на его гениталии. Я направил на них луч света и созерцал открывшееся передо мной таинство. Сейчас уже точно не помню, сколько я там оставался; все подробности того события уже стерлись из памяти. У меня не было слов: ни тогда, ни после. Насколько я знаю, отец так и не узнал о том, что я находился у него под одеялом.

Но у меня от случившегося осталось сильное впечатление. Теперь я считаю, что совершил открытие: я увидел нечто, свидетельствующее о том, что мой отец является мужчиной. Конечно же, тогда я не мог выразить в словах, что именно увидел. Да и сейчас мне это довольно трудно сделать. Я знаю, что мне совершенно явственно открылось мужское естество. Зрелище этих органов представляло собой картину, которую я раньше никогда не видел. Передо мной предстал совершенно другой мир. Это был мир, о существовании которого я как-то догадывался, но до этого открытия у меня отсутствовал характерный образ, который бы воплощал мое формирующееся внутренне ощущение. И вдруг он мне открылся при виде обнаженного отцовского тела.

Совершенно точно: именно этот другой мир стал потенциалом для развития моей будущей сексуальной жизни, о которой тогда я имел очень смутное представление. Я даже думаю, что его значение намного больше. Он послужил началом трансперсонального сознания, представлявшегося мне связанным с мужскими половыми органами. Это были половые органы моего отца; именно благодаря им я появился на свет. В то же время они по своей сути были архетипическими, то есть представляли собой нечто большее, даже больше отца. Он и я составляли единую мужскую идентичность, уходящую своими корнями в неведомую нам глубину.

В последующие годы отец давал мне надежную поддержку, и я чувствовал его близость на расстоянии вытянутой руки. Став старше, я

постепенно открыл, что во многом похож на него: куда больше, чем считал раньше. Время от времени я искоса на него смотрел, словно стараясь поймать в витринах магазинов собственное отражение. Когда я брился, мне иногда приходило в голову, что вижу его смотрящим на меня в зеркало. Я начал курить именно потому, что курил он, и стал сутулиться, как сутулился он из-за существовавшей у него эмфиземы. В свободную минуту я смеялся так же, как он; меня так же, как и его, беспокоило отсутствие денег. Часто мне приходит в голову, что я так же, как и он, боюсь своих чувств, даже пройдя многолетний психоанализ. Я многим ему обязан, и не в последнюю очередь — своим появлением в то утро у него в постели. Сам не сознавая того, он дал мне нечто очень важное. Он никак не мог знать, насколько я в этом нуждался; а если бы и знал, у него не было никакой возможности возбудить у меня такое переживание. Однако это случилось. Во многих отношениях эта изначальная обнаженность отцовских гениталий на многие годы стала парадигмой в наших отношениях. То, чему я научился, наблюдая за ним, скорее связано с ним лично, чем с моим изумительным открытием и с начавшимся в тот момент моим стремлением понять, что я пережил в то утро. Это стремление продолжалось пятьдесят лет.

Джорж Элдер из Хантер-Колледжа пишет:

Подобно всем религиозным символам, фаллос указывает на таинство божественной реальности, которую иным образом постичь просто невозможно (выделено автором). Однако в данном случае кажется, что тайной окружен сам символ... Это вовсе не поникший вялый член, символ которого... так важен в религиозном мире, а энергичный орган, находящийся в состоянии эрекции².

Карл Юнг под психикой понимал душу в том изначальном смысле, как ее понимали древние греки, имея в виду, что частично переживание приходит к человеку изнутри. Психика погружена в тайну и обогащается нюансами и смыслами, постоянно взаимодействуя с внешним миром, но ни в коем случае не приобретая надмирный характер. Юнг понимал религию в основном как внутреннюю психическую активность, не сводимую к любому другому объяснению. Он придерживался этого убеждения, принимая насмешки и подвергаясь гонениям, тем самым отрезав себе путь к проторенной дороге психоанализа. Но в результате его поступка у меня появились инструменты, необходимые для исследования переживания, полученного в отцовской постели. Без Юнга и открытого им перспективного видения психики я оказался бы в сетях своего

переживания, лишенный этих образов и лежащего в их основе мировоззрения. Поскольку это видение стало появляться, когда я сообщал людям о своем интересе к сакральной природе фаллоса, они добродушно усмехались и меняли тему разговора.

Людям непросто увязывать религию и сексуальность. В особенности это касается христианства, которое разделилось на две ветви, демонстрирующие существующие между ними непримиримые противоречия. Психиатрия этому расколу сопутствует, рассматривая его с точки зрения психопатологических понятий. Церковь ставит во главу угла религию, принижая значение сексуальности. Союз сексуальности и религии подобен электрическому контакту. Неправильный контакт приводит к несчастью. Отсутствие контакта не дает энергии вообще. Полноценный контакт дает надежду.

Здесь следует особенно отметить точку зрения Юнга, ибо он был убежден в том, что невидимая душа представляет собой по крайней мере столь же важный психологический феномен, как обозримое эго, которое можно наблюдать, исследовать и изменять, подвергая внешнему влиянию. Юнг понимал, что душа — это вход в царство психики для каждого отдельного человека, которая является вечной и универсальной, трансцендентной по отношению к ограничениям эго. Юнг считал, что психология занимается изучением души и позволяет найти средства ее исцеления. Этого нельзя сделать, не включив в сферу внимания мир, отличающийся от мира эго.

В таком смысле можно ли назвать мое переживание в отцовской постели религиозным переживанием, встречей с душой? Это не столь простой вопрос, чтобы сразу на него ответить.

Недавно ко мне на прием пришел молодой человек, испытывающий любовь к женщине, с которой встречался на протяжении четырех лет. Его невеста отменила их свадьбу всего за несколько дней до того, так как она должна была состояться. Он боялся давления, которое будет испытывать она со стороны своей семьи; он чувствовал себя брошенным, отвергнутым, раздраженным и ущемленным. И в первую очередь — ущемленным. Я видел, насколько была уязвлена его мужская гордость. Он был . привлекателен, испытывал базовое доверие, занимал хорошую должность, позволявшую работать самостоятельно, опираясь на свое образование и профессиональный опыт, настойчиво добивался женщины и при этом с ранних лет научился владеть собой. Лишившись отца в раннем возрасте, он стал отцом самому себе. Его боль была вызвана душевной травмой. Возможная потеря его возлюбленной оказалась для него ,

страшным эмоциональным потрясением. В то же время он ощущал боль, опасаясь потери самоуважения, сомнения в своей мужской состоятельности и вызова избранному им пути. Все эти качества внутренне связаны с фаллосом. И молодые, и пожилые мужчины испытывают страдания, чувствуя угрозу своей фаллической идентичности.

Ее можно рассматривать как тревожность, связанную с угрозой кастрации. Это один из способов описания рассмотренного здесь случая, составляющий лишь часть нашей истории. Говоря на клиническом языке о тревожности, связанной с кастрацией, мы упускаем из виду многочисленные нюансы и таинства. Почему унижение человеческой маскулинности приравнивается к потере мужского полового члена, а достижение мужественности связывается с его активной деятельностью? Этот вопрос подводит нас ближе к качеству фаллического откровения. Возникает психическая реальность: для мужчины фаллос несет в себе внутренний образ бога. Молодой человек ощущает угрозу этому образу, чувствуя боль, вызванную потерей самоуважения. Фаллическая травма находится на самом дне человеческих страданий.

Именно это обстоятельство имеет в виду Эдлер, говоря о том, что фаллос "указывает на таинство божественной реальности, которую иным образом постичь просто невозможно". В близких отношениях со своей невестой молодой человек видел ее великодушие, ее любовь, ее способность к самоотдаче. Близость давала ему возможность почувствовать женственность и в своей спутнице, и в себе (говоря на языке юнгианской терминологии, — свою аниму). Более того. Его внутренний мужской мир был связан с этими отношениями; он давал возможность молодому человеку получить представление о том, кто он такой. Для него проблема заключалась не только в потере женщины. Не последнюю роль сыграла его потеря мужской идентичности. Такая потеря — или приобретение, которое я испытал в постели отца, — представляет собой религиозное переживание в юнгианском смысле этого понятия. Это распад души или же создание души как психики, невидимой реальности, поддерживающей наше существование и придающей ему смысл.

Иными словами, при появлении фаллоса происходит постижение мужского божества, которое совершенно невозможно в его отсутствие. В таком случае нависает ужас кастрации. Так было всегда. Молодой человек сознательно культивировал свою страсть к невесте не больше, чем я создавал для себя открытие в отцовской постели. И в том, и в

другом случае все происходило по наитию. Появление фаллоса становится сюрпризом, благодатью, переходящей от одного времени к другому, из поколения в поколение; оно во многом сходно в самых разных культурах. Юнг чувствовал, что вследствие такого постоянного и одинакового повторения в психике происходит срастание всех культурных паттернов. В течение многих столетий мужской идентификации с присущими им фаллическими проявлениями и исчезновениями, фаллос стал олицетворением их внешних успехов и неудач, превратившись в мужского бога-символа. Я имел возможность войти в контакт с молодым человеком, ибо в тот момент тоже ощущал опустошенность, обусловленную фаллической потерей. Я оказался в состоянии его почувствовать, поскольку к тому же знал славное чувство фаллического Воскресения.

Фаллическое Воскресение связано со способностью мужского полового члена через какое-то время вновь возвращаться к жизни после поражения и смерти. Каждый раз фаллос взрывается в оргазме и умирает. Энергия, как фонтан жизни, изливается из находящегося в огромном возбуждении фаллоса, и тогда его время кончается. Мужчина себя израсходовал. Возвращается покой, у мужчины наступает желание отдохнуть, будто он опускается в могилу, — ему хочется спать. Как отмечает Элдер, фаллос — это эрекция, это не мягкий пенис. Физический фаллос становится религиозным и психологическим символом, так как принимает собственное решение, независимое от решения эго своего владельца, когда и с кем он хочет иметь дело. Здесь заключена весьма уместная метафора для бессознательного в целом и особенно для его мужской части.

Пенис — это потенциальный фаллос, вне зависимости от того, насколько это обстоятельство проявляется внешне. В обоих случаях: во время сессии с молодым человеком и во время переживания, связанного с отцом, несмотря на отсутствие фаллоса как такового, присутствовал фаллический потенциал. Я могу себе представить, что тогда сказал себе нечто подобное: "Наверное, когда вырасту, буду таким же". Сейчас я могу себе это представить, ибо у меня внутри по-прежнему находится семилетний мальчик, преисполненный удивления при поднятии таинственного покрывала.

С точки зрения психологии, это религиозное переживание. Переживание — тоже откровение, подобное моему детскому открытию или травмирующей любовной коллизии молодого человека, — которое постоянно влияет на человеческую жизнь. Если этого не происходит, значит, переживание нельзя назвать религиозным. То, что мы считаем

само собой разумеющимся, — это общественное мнение, которое поддерживается обществом, не имеющее ни особого смысла, ни божественного содержания, ни особенного очарования. Может возникнуть вероятность появления нуминозного, однако здесь искать глубину бесполезно. Это тот самый случай, когда мужчина мочится, взяв в руку пенис, совершенно забывая о том, что держит в руке источник огромной энергии и величественный меч героя. Будучи еще очень молодым человеком, отправляясь пописать, я забывал о своем переживании, как это делали все остальные мальчики. В процессе своей деятельности это ограничивает осознание раннего религиозного переживания, чтобы трава была вовремя скошена, а задания по арифметике сделаны без ошибок. Однако религиозное переживание возвращается во мраке ночи, между тончайшими умопомрачениями во время бесцельных блужданий эго, во время интимной связи и эротических всплесков, когда человек меньше всего ожидает этого возвращения. Тогда он узнает, где скрывается бог, несмотря на то, что давным-давно чувствовал намеки на его присутствие. В последующие годы я сопротивлялся тому, чтобы принять свое детское откровение в качестве проявления образа бога. Из культурного контекста моей социализации: образования, образа примерного гражданина, профессии — фаллос был вытеснен. В этом мире не было места для божественного образа фаллоса; ему не было позволено принимать участие в повседневной жизни. Физический фаллос получал признание косвенно: в тайне меблированных комнат и порнографических открытках, в забористых шутках и анекдотах, в бесконечных фантазиях и мире гомосексуалистов. Но это происходило украдкой, под прикрытием тем-ноты. Нигде фаллос не выступал открыто: он прятался, ибо смущал нас своим присутствием. Можно сказать, что в моем раннем переживании одеяло, служившее покрывалом, тусклый свет и бессознательный характер встречи послужили определенной парадигмой.

Мужчины скрывают источник своей силы и власти, не демонстрируя своей сексуальности и своих гениталий; точно так же из культуры Исключается божественный образ фаллоса. Мужчины подменяют сам Предмет его фаллическими суррогатами: авторитетом в семье, престижной работой, хорошим образованием, победами над женщинами, физической привлекательностью, здоровьем, религией, политикой, интеллектом и социальным конформизмом. Таким способом они пытаются защитить бога, словно запрет на откровенную демонстрацию может стать защитой от вторжения в тайну святыни и

снижения его оплодотворяющего потенциала. Физиологический феномен, связанный с подтягиванием в моменты опасности яичек ближе к туловищу, отражает психологическую тенденцию к защите. Богу оказывается почитание в коллизиях процесса мужского таинства. Мужчины знают нечто такое, о чем не хотят говорить прямо. Они вместе над этим смеются, они внутренне понимают друг друга, но открыто не говорят об этом. Область общего понимания возникает у мужчин без особого стремления к пониманию конкретных фактов. Именно здесь можно приблизиться к религиозному смыслу фаллоса, а также к глубине, из которой он возникает в жизни мужчины. У мужчин нет возможности сказать о том, что одновременно известно и неизвестно.

Мужчины выставляют свой фаллический член, уединившись от общества, когда чувствуют себя достаточно комфортно, чтобы показать свою мужскую силу. Тогда эту тайну можно разделить в интимной обстановке с другим человеком или же когда они позволяют себе в одиночестве признать наличие своей потенции. Они так поступают, когда таинственная сила становится слишком велика, чтобы ее сдерживать, и бог требует своего появления. Мужчины находятся обнаженными вместе лишь в тех местах, которые для них являются общепринятыми и общеприемлемыми: в банях и душевых спортивных комплексов. И даже тогда они стараются не выставлять напоказ свой фаллос. В результате рождается конфликт. У мужчин гениталии расположены вовне по отношению к телу, их трудно скрывать. По своей природе фаллос экстравертирован, тогда как женские половые органы интровертированы. Фаллос направлен вовне; он стремится показать себя окружающим, а иногда делает это просто вызывающе. Фаллос встает, как будто хочет, чтобы его заметили. Здесь мы имеем дело с двойным посланием: потребностью скрыться, чтобы потребовать своего появления. Как уже отмечалось ранее, привычное мужское поведение и некоторые его схемы служат для того, чтобы разрешить этот конфликт. Однако в современном западном обществе мужчинам приходится споткнуться не один раз при самостоятельном разрешении этой проблемы. Культурное осознание важности фаллоса находится на столь низком уровне, что не существует адекватных мер, необходимых молодым мужчинам для достижения состояния зрелости. У мужчин существует склонность к тому, чтобы состоять в мужском братстве — совместном почитании бога, однако и этот путь связан с большими трудностями. Дело в том, что не происходит инициации. И тогда, в конце концов, чаще всего нам приходится сталкиваться либо с

преувеличенной демонстрацией фаллоса, либо с чрезмерным его сокрытием.

Двадцать пять лет назад, сразу после вступления в брак, епископальная церковь направила меня в Уганду преподавателем на один семестр в теологический колледж неподалеку от Мбалы. Студентами колледжа были мужчины, получавшие подготовку для прохождения пасторской практики. Все они, за исключением двоих, несколько лет назад в своих племенах прошли ритуальное обрезание. В те времена в Уганде мужское обрезание служило поводом для великого праздника целого племени. Ритуальное обрезание фактически было событием, после которого мальчик становился мужчиной, и поэтому требовалось, чтобы молодой человек прошел через испытание, не отступив и не дрогнув. Два необрезанных мужчины в нашем студенческом коллективе отличались от остальных. Они были единственными, которые не имели жен, а, кроме того, были намного менее сдержаны в манере поведения, да и во всем мужском облике в целом. Один из них был вынужден отсутствовать во время ритуального обрезания из-за необходимости присутствовать на похоронах бабушки, жившей от него далеко. Но это никого не трогало: он упустил свой срок, и его жизнь сразу изменилась. Он не стал мужчиной.

Ритуалы мужской инициации все-таки оказывают слабое влияние, несмотря на то, что в наше время пренебрегают их значимостью. Что касается лично меня, в дополнение к тому удачному моменту, когда мне открылись мужские атрибуты отца, я принимал участие в очень сплоченной организации бойскаутов, располагавшейся в лагере, где люди жили в землянках на северном берегу реки Миннесоты. Там существовал, следующий ритуал: каждого мальчика ночью вели на ближайшее деревенское кладбище, раздевали догола и оставляли одного. Он должен был сам вернуться обратно в лагерь, расположенный на расстоянии мили прямого пути через лес. Совершенно очевидно, что он не мог никого попросить указать дорогу, если бы даже набрел на ферму или вышел на шоссе. В конце концов, эти ритуалы прекратились, поскольку считались «издевательством более опытных товарищей над новичками; возможно, это было сделано правильно, но иначе им никак не удалось достичь цели посвящения. Эту проблему оказалось не так-то легко решить. Все-таки С совершенно очевидно, что фаллос не терпит вакуума. Что касается лично меня, связанный с фаллосом конфликт между внутренним богом и внешним социумом подвел меня к такому выбору: либо я принимаю

всерьез значимость откровения, полученного в переживании в отцовской постели, либо должен допустить для себя неадекватность своего восприятия реальности бессознательного. Избегание фаллического образа бога было избеганием бессознательного ради адаптации эго. Бессознательное делало предложения, а фаллос предъявлял требования. Я был вынужден сделать вывод, что фаллос — это чудо и одновременно — очень своенравный ревнитель. Именно этими качествами религиозные люди обычно наделяют богов.

1 Religio и редуکتивный анализ

По мнению Юнга, латинское слово *religio* изначально произошло от слова *religere*, означающего "проходить снова", "обдумывать", "вспоминать". Он считал, что отцы церкви вывели понятие *religio* из *religare*, что означает "воссоединять", "связывать вновь"³.

Воспоминание и воссоединение связывают религию с психоанализом, а именно: с дисциплиной, основанной на восстановлении забытых и вытесненных переживаний. Проявляя интерес к коллективному бессознательному, Юнг имел в виду под *religio* гораздо больше, чем восстановление во времени личных событий, а также влияния, которые они оказывают на текущие затруднения в повседневной человеческой жизни. Юнг хотел облегчить экзистенциальную связь с тем, что находится вне пределов эго — то есть с Самостью, центральным организующим архетипом. В этом смысле воспоминание является скорее родовым* общечеловеческим, чем личным. Это уже идет от Сократа: вытянуть из человека все, что присуще его строению психики. Вот почему Юнг интересовался личными человеческими мифами. Миф — это язык архетипического наследия. Это вовсе не значит, что человеку с юных лет следует заниматься активными поисками в своем бессознательном. Вдруг получается так, что он испытывает переживание, подобное тому, которое испытал я в отцовской постели, — и все. Другой переживает что-нибудь подобное позже, когда перспектива и пресыщенность переживаниями приводят к появлению рефлексии. Тогда волны воспоминаний продолжают накатывать одна за другой.

Психоанализ может предоставить ряд объяснений для переживания откровения. Редуکتивному объяснению, которое имеет отношение только к динамике личного переживания и ни к чему больше, не хватает образов бессознательного. Наличие или отсутствие архетипического образа бога никогда понять нельзя, исходя лишь с точки зрения редуکتивного анализа, то есть, рассматривая его только в качестве личного исторического фактора. Поворотным пунктом

становится замечание Элдера, что фаллос "указывает на таинство божественной реальности, которую иным образом постичь просто невозможно". Оно свидетельствует о том, что символ оказывается важнее тех обстоятельств, в которых он проявляется. Он не может появиться в жизненной ситуации, которая бы не способствовала проявлению архетипа, и суть заключается не в самой жизненной ситуации. Точно так же за физическим фаллосом стоит архетипический фаллос, как за извержением семени при половом акте стоит физический фаллос. Пристальное внимание Юнга к истинным символам говорит о следующем: символ существует, он указывает на реальность, которую невозможно постичь иным способом. Иначе это уже не символ. Воссоединение, повторное проживание должно происходить при накоплении энергии в исходном переживании. Поэтому психоаналитики возвращают пациентов к их личной истории, к отреагированию прошлого травматического переживания. Ситуация требует оживления во имя уничтожения травматической фиксации. Однако, если исходное переживание было архетипическим, возвращение образа происходит само собой, как откровение психики, а не просто в качестве указания на фиксацию и задержку в развитии. По существу, недостаточное осознание откровения само по себе является задержкой в развитии. Все зависит от того "прошлого", с которым воссоединяется человек. Редуктивное объяснение архетипических откровений с точки зрения особенностей жизненной ситуации — принимая во внимание, что появление архетипических образов само зависит от этой жизненной ситуации, — равноценно такому отношению к откровению, когда мы считаем его не архетипическим, а социальным, не содержащим архетипической энергии. С точки зрения психологии, здесь можно усмотреть эквивалент христианскому греху, противопоставленному Святому Духу.

Автономия фаллоса

Английское слово "автономный" образуется при соединении греческих слов *autos* (сам) и *nomos* (закон). Таким образом, автономное образование управляется собственными законами или своей внутренней природой.

Важность автономии в религиозном переживании подтверждается в жизни тем обстоятельством, что трансперсональная размерность психики внедряется в эго в самый неподходящий и в самый уникальный момент. Как только мы полагаем, что все идет хорошо и наша жизнь в основном находится под контролем, с нами происходит нечто, свидетельствующее о том, что это совсем не так. Если бы

человек был листочком, парящим на ветру, то ветерок намного больше влиял бы на место, куда следует приземлиться листу, чем собственное намерение листа, а также его цвет, форма и время появления на ветке. Автономия по отношению к фаллосу основывается на пережитой мужчинами реальности, на том, что они не могут, как бы ни надеялись, заставить фаллос подчиниться эго. Фаллос обладает своим собственным разумом. Фаллос и трансперсональная размерность имеют общую автономию.

Мой старый друг, приверженец методистской церкви, который, скажем так, испытывай некоторое напряжение при шутливых замечаниях на сексуальные темы, улыбаясь, рассказал мне такую загадку: "Вопрос: Что такое солдат? Ответ: Стоящий член, на конце которого находится человек". Можно привести и другие примеры народной мудрости, которые звучали на психологических группах в отношении маскулинности: "Что делать с членом, который не прекращает болтать?" "Мужчина всегда думает с помощью своего члена".

Один мужчина как-то мне сказал, что всегда становится импотентом, когда имеет связь только с одной постоянной женщиной. Что бы он в таких случаях ни предпринимал, его пенис ни за что не превращается в фаллос. Однажды он пригласил молодую женщину выпить. Они провели время, разговаривая о себе и на темы, близкие им обоим. Пока он говорил, у него под столом встал фаллос, направленный на цель и готовый к действию. То, что он не мог совершить усилием воли в присутствии сексуального партнера, совершенно свободно получилось во время разговора с молодой подружкой. Он оказался в тупике, как чувствует себя любой мужчина, оказавшийся в такой ситуации. Он хотел, чтобы все это получилось по-другому, однако фаллос, пользуясь своей автономией, сделал все по-своему. Его тело (Арнольд Минделл сказал бы его "спящее тело")⁴ выступило против намерения эго эго.

Мужчине следует осознать, что все случившееся свойственно эго фаллической природе. Это может быть вовсе не то, к чему стремится эго эго, но преданность своей подружке не навешивает гирю на автономное шевеление фаллоса, несмотря на возможное наличие запрета на сексуальное поведение мужчины. Мужчины, приходящие на анализ, полны беспокойства, что с ними происходит что-то неладное, ибо наличие у них фаллических импульсов предполагает поведение, противоположное тому, которое они считали правильным и соответствующим ситуации. Ну конечно! Фаллос не управляется ни

эго, ни супер-эго, хотя фаллическая активность определенно может иметь место. Поведение фаллоса может быть ограничено требованиями цивилизации. К ним мы еще вернемся в этой книге. В этом соединении проявляется аспект фаллической автономии и его внутреннее сходство с автономией бессознательного. Именно здесь встает и поднимается вопрос о религиозной значимости фаллоса, да простит мне читатель эту игру слов.

В своем предисловии ко второму изданию работы "Связь между эго и бессознательным" Юнг писал:

Я отмечаю эти факты, поскольку надеюсь, что они найдут отражение в тексте, ибо данное эссе выходит не в первый раз, но тем не менее оно выражает долговременное стремление уловить и отразить — по крайней мере, только самую суть — странный характер и протекание этой внутренней драмы (*drame interieur*), а именно — процесса трансформации бессознательного человеческой психики. Эта идея независимости бессознательного, которая столь радикально отличает мои взгляды от взглядов Фрейда, пришла ко мне еще в 1902 году⁵ (выделено автором).

В своем описании бессознательного человеческой психики Юнг употребляет слова "автономный" и "независимость" в качестве взаимозаменяемых. И действительно, ощущение Юнгом таинственности и власти бессознательного, превосходящей власть эго, привело его к радикальному разрыву с Фрейдом в 1914 году. Так отмечено в цитате. (Фрейд также признавал превосходство бессознательного, но скрежетал на этот счет зубами и ставил перед собой цель перевернуть ситуацию.) Как сознательный человек, стоящий перед неизвестным, эго чувствует страх и трепет перед силами автономного бессознательного. На уровне микрокосма он во многом похож на упоминавшегося ранее мужчину, подверженного влиянию собеседницы, который внезапно ощущает у себя наличие фаллоса, шевелящегося под столом в присутствии другого человека. Такое открытие вряд ли заставляет его дрожать и трепетать от страха... хотя, если вдуматься, возможно, именно так все и происходит. Чудо не знает границ. Его неожиданная фаллическая реакция на эту "конфетку" потрясла все его основы.

Рассматривая это обстоятельство в более широком контексте сексуальности, полезно отметить вклад последних работ Мирче Элиаде, отмеченных им как история религии. В своей книге "Образы и символы" Элиаде признает "удивительную популярность психоанализа", которая приносит новое осознание символа,

"рассматриваемое как автономный способ познания"⁶. Употребление прилагательного "автономный" объединяет точку зрения Элиаде со взглядами Юнга относительно независимости психики от эго. Элиаде рассматривает сексуальность как один из таких "автономных способов познания". Он следует непреложному утверждению, что сексуальность везде и всюду... является поливалентной функцией, главной и, возможно, высшей валентностью которой становится космологическая функция: поэтому, чтобы перевести психическую ситуацию в сексуальные понятия, вне всякого сомнения, следует ее принизить; ибо, за исключением современного мира, сексуальность всегда и везде была иерофанией, а сексуальный акт — это интегральное действие, а потому также становится средством познания⁷ (выделено автором).

При таком видении сексуальность представляет собой средство переживания космоса. Сексуальность как "автономный способ познания" превращается в путь, в таинство творения, в достижение божественного образа и соучастия в нем. Кажется, Элиаде полагает, что сексуальность — больше, чем просто способ. Она может быть вполне определенным способом. Человеческие создания вступают в контакт со своими глубинами через сексуальные, чувственные, оргастические, инстинктивные переживания.

Иерофания означает проявление сакрального. Hieros на греческом означает "сакральный"; phainein — "показывать, делать явным, прояснять". Согласно Элиаде, значение сексуальности состоит в том, чтобы открыть человеку область, находящуюся за пределами эго. По религиозным понятиям, — это божество. Выраженная в юнгианских понятиях сексуальность содержит в себе откровение архетипического характера бессознательного. Таким образом, религия неизбежно связана с сексуальностью. Религиозные институты либо одобряют связь с архетипической реальностью, либо подвергают ее обструкции. С одной стороны, это хорошая религия, с другой — нет. В любом случае люди оказываются беспомощными и вследствие своей сексуальной природы втягиваются в процесс иерофании, независимо от того, считают они себя религиозными или нет. Огромная важность, которую все придают сексуальности, основывается на психологическом факте, что сексуальность представляет собой средство для вступления и познания сакральной сферы. Инстинкт и архетип — рядоположенные понятия; по словам Юнга, — это две стороны одной медали. Образ бога говорит на языке либидо. Бог, как учит Библия, есть любовь.

Как уже отмечалось во введении, Теодор Райх верил, что будущее покажет: "применение анализа в лечении индивидуального невроза не является самым важным его применением"⁸. Я бы поместил пророчество Райха рядом с замечаниями Элиаде, имея в виду, что более глубокое и более общее понимание символа, включая сюда же в качестве символа и сексуальность, расширит и углубит самосознание человечества, а также его понимание огромных сил, живущих в бессознательном. Психотерапия может служить способом придания иерофанического смысла сексуальности людям, имеющим лишь частичное представление о том, как

им относиться к своей сексуальности. Только тогда психотерапия станет средством самопознания, а не будет применяться лишь для облегчения симптомов. Религиозное приложение концепции бессознательного Юнга с большим трудом нашло свое применение в практике психоанализа спустя шестьдесят с лишним лет после того, как были написаны основные труды.

Numinosum, Fascinum, порабощение

Концепция Юнга относительно высшего архетипа, Самости, обозначающей "целый спектр феноменов человеческой психики"⁹, основывается на работе немецкого теолога Рудольфа Отто. Книга Отто *Das Heilige* ("Идея святости") впервые появилась в 1917 году, когда Отто был профессором в Марбурге. Цель Отто заключалась в том, чтобы получить экспериментальное понимание религии — в противовес рациональному или догматическому. Именно эта цель сблизила его с Юнгом.

Отто описывает аутентичное переживание святости как *numinous* (нуминозное), ведущее к непосредственному субъективному познанию сверхъестественной божественной силы. Он описывал нуминозное переживание как "уникальное представление о Нечто, свойства которого сначала, кажется, имеют мало отношения к нашим обычным понятиям морали, но позже 'обретают полноту' высочайшего и глубочайшего морального смысла"¹⁰. У Отто термин "мораль" связан не с этическим процессом, а с "Нечто", имеющим психологическое, а вовсе не реальное воздействие. Словами Отто фактически описывается мое собственное переживание в отцовской постели, если под "Нечто" понимать мое восприятие фаллоса.

Для Отто психическое состояние восприятия нуминозного является "совершенно особенным и несводимым ни к какому другому"¹¹. Заключение Отто в отношении сверхъестественного субъективного свойства в переживании питеп (которое переводчик

Отто назвал "самым общим латинским понятием, обозначающим сверхъестественную божественную силу"¹²) Юнг взял на вооружение, поскольку стремился к тому, чтобы прояснить моменты личного переживания Самости. Этот аспект продолжает сохранять свою важность. Юнг искал способ выражения, как появление образа бога могло бы стать проявлением Самости, а значит не патологическим, а психологически достоверным. Более того, если в понимании психики Юнг вышел за рамки редуктивного метода Фрейда, ему требовался соответствующий язык, который ему не могла дать существующая психология. Терминология Отто помогла Юнгу объяснить существующее восприятие помимо эго вместе с эмоциональной реакцией, возникавшей у человека вследствие этого восприятия.

Юнг позаимствовал у Отто термин *mysterium tremendum*, чтобы выразить субъективное переживание нуминозного; этот термин у Отто означал, что человек ощущает трепет, воздействие сверхчеловеческой силы, наплыв энергии, осознание присутствия "целостного другого" и очарование¹³. Юнг видел в этих ощущениях человеческие реакции на присутствие образа бога, символ Самости. Юнг понимал, что за

каждым проявлением архетипа находится его сущность. Кто-то ощущает присутствие архетипа через образ (сознательно, чувственно или аффективно) и, что еще более существенно, — по силе эмоционального отклика, индуцируемого в человеке этим образом. Труды Отто и Юнга помогают понять фаллос в качестве нуминозного божественного образа.

Один из откликов на присутствие нумена Отто определяет как очарование. В 1866 году Томас Рихт в своем эссе "Поклонение силе рождения" написал, что "среди римлян одним из названий мужского полового органа было *fascinum* ("очаровательное")... от него вошли в обиход слова очаровывать и очарование"¹⁴. Юнг описывал человеческую реакцию на образ Самости в *poHaTnaxfascinosum* и *puminosum*, но, насколько я знаю, он никогда не находил связи между *fascinum* и фаллосом. Однако он сделал одно замечательное утверждение, что "фаллос является источником жизни и либидо, творцом и создателем чудес, и сам по себе везде служит объектом поклонения"¹⁵.

Фаллос как очаровывающий объект должен иметь отношение к своей способности очаровывать, создавать шарм (*charm*) — слово, по смыслу совпадающее с латинским корнем *fascio*. Возвращаясь еще раз к описанной мной сцене в отцовской постели, открытие фаллоса отца

было одной из разновидностей очарования. Очарование — это любопытство дикаря, великая, притягательная сила, магическая способность перехода от ординарного к нуминозному, — это характерная черта религиозного переживания. Например, пациент рассказывал о своей реакции на памятник во время недавнего путешествия в Египет: "Я не мог отвести от него глаз", — и об этом переживании он повторял каждую сессию. Очарование — это вовлеченность души; это переживание чарующего свойства символа, его способности захватывать человека эмоционально, заставляя проявляться скрытую в нем энергию.

Когда наступает такое переживание, ему часто сопутствует другая реакция, которую можно назвать порабощением. Порабощение — совершенно анахроничное слово, чрезвычайно эмоциональное по тону; здесь оно употребляется в смысле женского пленения фаллосом. "Приковать внимание человека" — было бы гораздо менее витиеватым выражением, если вести речь о порабощении, однако это выражение по сравнению с порабощением содержит в себе мало почитания. Мужчины стремятся подавить данный аспект своего интереса к фаллосу и при его наличии чувствуют некоторое неудобство, порицая его и в других. Порабощение означает подчинение, узы, поклонение. Мужчины считают, что такая реакция на фаллос является уместной, даже желательной для женщин, но только не для них самих: здесь имеет место запрет их бога. Фаллосом являются, прежде всего, сами мужчины. Человек не может служить культом самому себе.

Достойная скромность по отношению к фаллосу является установкой эго и никоим образом не может описывать реальную психологическую ситуацию, в которой находится мужчина. Мужчины могут попасть в порабощение к фаллосу не меньше, чем женщины, а возможно, даже больше, так как против него не столь сильны культурные запреты. По существу, люди поклоняются тому, что они собой представляют; они могут связать себя с идеализированной версией совокупности человеческих качеств; они могут служить богам, которые связывают человеческие качества с образами бессознательного. Нуминозное вторгается в жизнь человека и при возможности посылает эго к чертовой матери. Это обстоятельство является общим для женатых мужчин, которые в среднем возрасте попали под власть фаллического порабощения и в ужас подозревают у себя наличие гомосексуального компонента. Означает ли это обстоятельство мужскую гомосексуальность — спорный вопрос. Однако оно точно означает архетипическое и нуминозное присутствие

фаллоса, существующее за пределами сознания, которое для одних мужчин проявляется сильнее, чем для других, но при этом не вызывает истерической тревоги. Фаллическое порабощение — это симптом маскулинной иерофании. Оно может воздействовать на человеческую жизнь, как повлияло порабощение на жизнь Иисуса или даже на жизнь Юнга: как говорится, поезд никогда не оставляет на рельсах следов.

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ФАЛЛОС

Культ фаллоса

Вообще говоря, здесь не хватает места для обзора древнейших проявлений культа фаллоса, хотя вакцина истории оказала бы весьма полезное влияние на понимание фаллоса как божественного образа. Для тех, кто собрался заняться серьезным изучением этой темы, существует несколько источников. Среди них книга Александра Стоуна "История фалличества" (1927) и два эссе: одно — Ричарда Пэйна Найта "Исследование культа Приапа" (1786), а другое — Томаса Рихта "Поклонение силе рождения" (1866), изданные в одном сборнике под названием "Символы сексуальности".

В западном обществе фактически не существует коллективного, разработанного в деталях ритуального поклонения фаллическому культу. На сегодня нигде в мире этот культ открыто не признается, за исключением отдельных народностей хинди в Индии, которые фактически считают Шиву лингамом (lingam), то есть фаллосом, признавая его открыто в качестве божественного образа. В наше время шиваизм, культ, существующий внутри современного индуизма, согласно Алену Данилоу, является древнейшей религией, возникшей в эпоху неолита (10000—8000 лет до нашей эры) среди дравидян (которые фактически являются предками современных индусов) и перенесенной ими на Ближний Восток. Эта религия послужила основой для греческого дионисизма. Лингам или фаллос, символ Шивы, Данилоу называет

таинственным органом, наглядно воплощающим принцип творчества... [содержащим] сперму, которая в своем потенциале хранит все наследство предков, все расовые и генетические черты и характеристики будущего человеческого существа... орган, позволяющий установить связь между мужчиной (животным или цветком) и творческой силой, которая по своей природе является божественной. Это самый превосходный пример символа¹⁶.

Шива сказал,

Я неотделим от фаллоса.
Фаллос то же, что я.
Он привлекает верующих в меня
И потому достоин поклонения.
Где бы ни восстал мужской член,
Там есть и я, даже в отсутствие других моих проявлений¹⁷.
В учении Линга Пурана эта тема находит свое продолжение:
Основа целого мира — фаллос.
Все порождается Лингой.
Тот, кто желает добиться души совершенства,
должен поклониться Лингеп.

В учении Шива Пурана, Видьешвара Самита, тема продолжается дальше: "Это символ природы всех вещей. / Фаллос... это символ бога"¹⁹.

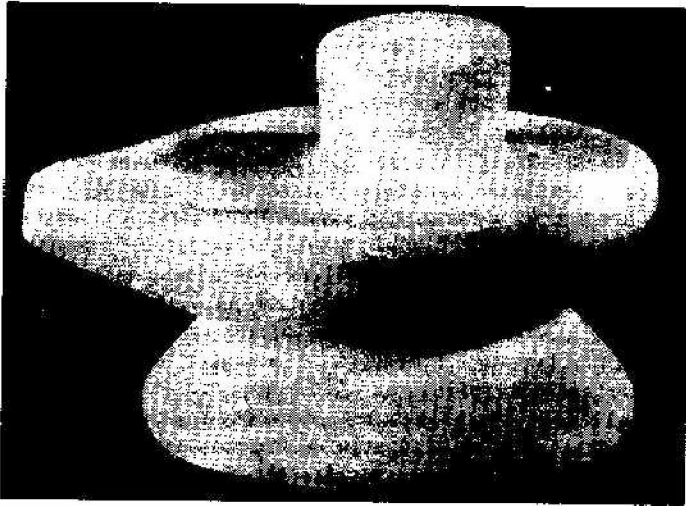
Здесь кроется причина порабощения, и не только женского. У шиваитов хинди в Индии культ лингама почитается в виде выступающего камня или образа бога с эрегированным членом, а в храмах шиваитов лингам представлен введенным в йони (yoni), — в округлый камень, воплощающий женский половой орган. Данилоу утверждает, что очень часто лингам появляется в форме каменных столбов, "которые можно найти почти что в любой части света"²⁰.

Приведенное выше утверждение представляет собой реминисценцию важного, но все еще недостаточно проработанного утверждения Юнга, приведенного в предыдущей главе. Вот оно: "Фаллос является источником жизни и либидо, творцом и создателем чудес, и сам по себе везде служит объектом поклонения"²¹. Замечание Юнга выглядит довольно-таки странно, оставляя в стороне главную дискуссию относительно психической энергии, а потому ремарка "фаллос везде служит объектом поклонения" не находит своего подкрепления. Тем не менее это утверждение остается конгруэнтным шиваистскому пониманию важности фаллоса, выступающего в качестве наглядного воплощения мужской творческой энергии, достигшей уровня сакральности.

Культ фаллоса как историческое явление и фаллос как психологический образ бога — далеко не одно и то же. Они имеют между собой определенную связь, но при этом совершенно не обязательно зависят друг от друга. Утверждение Юнга о всеобщем поклонении фаллосу является психологической декларацией, а не общественно-историческим фактом. Мое краткое описание религии Hindu Shiva направлено на то, чтобы продемонстрировать энергию

фаллоса, в полной мере проявляющую себя в религиозной культуре, и отметить определенное направление, когда человек достигает фаллоса с психологической точки зрения. Чудом сохранившееся до нашего времени упрямое фаллическое божество шиваитов фактически исчезло с поверхности западной жизни. Совершенно определенно можно утверждать, что фаллос отошел в область бессознательного, где его воздействие оказывается не столь настойчивым.

А теперь давайте вспомним, что Юнг существенно разошелся во взглядах с Фрейдом в концепции относительно структуры бессознательного. И Фрейд, и Юнг разделяли бессознательное на две концептуальные части. При этом у Фрейда разделение было несколько менее ясным, чем у Юнга. Для Фрейда оно существовало в области индивидуальной человеческой психики, и все, что не входило в сознание, считалось бессознательным. Первую часть составляли забытые или вытесненные содержания сознания, воспоминания событий прошлой жизни. Вторая часть, "ид", представляла собой инстинкты, наследие рода, в котором преобладали сексуальность и самоотрицание. Юнг назвал первую часть — забытые и вытесненные события личной истории человека — личным бессознательным. То, что Фрейд назвал "ид", Юнг включил в коллективное бессознательное. Фрейд в первую очередь обращал внимание на то, что Юнг назвал личным бессознательным, на влияние, которое оказывает прошлое человека на его настоящее. Юнг главным образом обращал внимание на инстинктивные паттерны в человеческой психике, в основном заставлявшие людей думать, чувствовать и вести себя именно так, а не иначе.

Лингам, введенный в йони, — соединение маскулинности и женственности (Питт Риверс Мьюзем, Оксфорд, Англия)

Концепция коллективного бессознательного Юнга стала более развитой, чем концепция "ид" Фрейда. Мало сказать, "более развитой". Включение Юнгом фрейдовского "ид", очень важного понятия, стало не только стартовой точкой в его исследованиях и теоретических моделях обширной природы психики. С точки зрения структуры в коллективном бессознательном (которое Юнг называл объективной психикой) центральное место занимали архетипы или типичные модели, в соответствии с которыми строились сходные паттерны — в платоновском смысле идеи или идеала. Юнг чувствовал, что архетипические паттерны определяют способы поведения человека и животных, а также образы, появляющиеся в человеческом сознании. Архетипическое образование паттернов оставалось неизвестным. Эти паттерны в каком-то смысле оказались сродни инстинктам (фрейдовскому "ид") и были универсальны для всех народов, независимо от особенностей их культуры. В этом смысле эти паттерны были трансперсональными: они были универсальны, не ограничиваясь индивидуальной связью с архетипом.

Архетипы создают образы, воспринимаемые и психически, и телесно. Одним из таких образов оказывается фаллос. Фаллос — архетипический образ, в котором присутствует универсальный атрибут маскулинности, обладающий везде одинаковой валентностью и одним и тем же смыслом. С рождением каждого нового мужчины нет никакой необходимости открывать или изучать его заново. Фаллический паттерн встроен в психику на самом глубинном уровне и столь же

внутренне обусловлен, сколь обусловлена сама маскулинность. Мужчина наследует архетипические фаллические черты в той степени, в какой он наследует свой пенис. Насколько собственным является его мужской пенис, настолько же индивидуальным является его фаллический паттерн. Хотя образ каждого мужчины чем-то отличается от образа его соседа, обязательно удастся распознать сходный фаллический паттерн, который кстати легко отличить от нефаллических паттернов.

В оставшейся части этой главы я приведу три примера архетипических фаллических образов, оказавших непосредственное влияние на мою жизнь, когда я стал уже взрослым. Это образы, с которыми я установил очень важный личный контакт и о которых могу писать, чувствуя энергию и интимную близость, делающие их личностно-религиозными. В каждом из этих примеров по-своему содержится поклонение, автономия, очарование и нуминозность, существовавшие в моем субъективном переживании объективного архетипического образа.

Трансперсональный фаллический сон

С 1968 года я три года был викарием в церкви Св. Климента в Нью-Йорке. Почти каждый день это была необычная епископальная церковь, которая мне больше всего напоминала чудесного, не по годам развитого ребенка шестидесятых. За исключением воскресной Евхаристии, это был театр. Наличие театра в пространстве литургии создавало возможности для культовых экспериментов, постепенно избавляясь от определенных привычек, оказывающих влияние на целостное восприятие, слышать "слово", идущее от иных источников по сравнению с теми, которые традиционно считались религиозными. Церковная община была восприимчивой и воспринявшей это новшество; она обладала высоким интеллектом и артистичностью, оказывая серьезное сопротивление попыткам нарушения границ, установленных в соответствии с договоренностями и должностными полномочиями. Наша деятельность вызвала широкий политический интерес и была скорее исследовательской, чем проповеднической. Каждое воскресное утро было похоже на волшебную ночь; никто никогда не знал, что может произойти. Более того, в церкви Св. Климента был хороший копировальный аппарат, поэтому у нас не было никаких трудностей с распространением информации.

Давление на меня, викария, было огромным. Я был готов и вместе с тем совершенно не готов к такому назначению. Мне следовало дорасти до него. Предполагалось, что я стану лидером общины, и

такими же были мои собственные ожидания, однако у меня не было никакой уверенности в том, как стать таким лидером, имея в лучшем случае всего

несколько точек опоры. Мои политические и теологические взгляды были довольно консервативны и пребывали в процессе мучительных изменений. Нельзя сказать, что я плыл по течению, однако я нервничал и время от времени терял в себе уверенность. Бывало и так, что сами прихожане вели меня за собой.

В то время я проходил анализ у Эстер Хардинг, которая была первым юнгианским аналитиком в Соединенных Штатах. Это была пожилая и внешне довольно деликатная старая дева, дочь английского викария. Я принес ей свой сон, в котором в кругу лежащих на земле обнаженных мужчин появился огромный фаллос. Ступня каждого мужчины находилась у основания фаллоса, и каждый из них рукой держал своего соседа за половой член, находящийся в состоянии эрекции. Доктор Хардинг задала вопрос о центральном образе: "Это был фаллос мужчины?" "Наверное, нет, — ответил я, — для человека он был слишком велик". "Это был фаллос великана?" — спросила она. "Нет, он был огромен даже для великана". "Хорошо, господин Моник, чей же, по-вашему, мог быть этот фаллос?"

По моему впечатлению, это был образ бога, даже символ Самости. Мне запомнилось, что ее позабавила и последовательность ее вопросов, и преподнесенный мной сюрприз. Я припомнил, что меня смутила сама возможность фаллического выражения божественного присутствия. Как христианский пастор я чувствовал себя неловко, имея в виду фаллический образ Св. Климента или другого святого. Я не знал, куда деваться с такой мыслью, не видя способа, как его встроить в свою жизнь.

В качестве науки о душе психология занимается главным образом скрытой внутренней личностью, центром которой, как считал Юнг, является Самость. Юнг выбрал для центрального архетипа психики такое название, поскольку в понятии Самость коренным образом соединяются *mysterium tremendum* (используя выражение Отто) с индивидуальным переживанием воспринимающего эго. На английском языке слово "one" употребляется для отнесения к себе: например, "oneself" (используемое в качестве эго) в первом лице единственного числа будет "myself". Юнг не мог так пользоваться английским языком, даже в незначительной степени. "Myself" — это сочетание двух слов: "ту", означающего эго, и "self", означающего центральную сверхчеловеческую личность. В таком случае английский язык в

некоторой степени говорит о восприятии Юнгом Самости несмотря на то, что лишь очень немногие англоязычные люди осознают глубинный смысл, который они придают этому термину, употребляя его.

Образы сновидений, подобные отмеченным ранее, оказывают на сновидца воздействие независимо от того, осознает он его или нет. Функция сновидения во многом подобна функции другого "данного" психологического или физиологического феномена. Если я несусь с крутой горы на огромной скорости и дорога у подножия делает крутой поворот, моя машина должна вписаться в него либо я окажусь в кювете. Существование крутого поворота не зависит от моего осознания. Какая разница в том, что я сознаю надвигающуюся опасность и по-прежнему продолжаю вести машину?

Мой сон стал подарком бессознательного именно тогда, когда я испытывал в нем потребность. В сновидении передо мной предстал образ маскулинности и стабильности, силы и зрелости, когда мое эго исчерпало свои возможности, и мне требовалась помощь. Юнг не устает утверждать, что в такие моменты Самость дает почувствовать свое присутствие: христиане могли бы назвать их воздействием благодати. Но почему фаллос? В первую очередь потому, что моему эго-сознанию требовался такой образ, чтобы иметь его сущность. Тогда он позволил мне воспрянуть, подобно фаллосу. Возможно, время от времени я ошибался кое-где в своих проповедях, но при этом ожил и, безусловно, был самим собой. Он вселил в меня мужество, позволив мне посмеяться над той чепухой в отношении Св. Климента, которую раньше я принимал всерьез. Этот образ поместил мое эго на столь сильный и крепкий фундамент, каким может быть только основательный фаллос. Он наделил меня способностью распространять семена религиозного учения способом, который был для меня правильным и естественным.

Образы мужчин, находящихся в основании фаллоса в образованной таким образом мандале и держащих в руке половой член соседа, очевидно, имеют гомосексуальные обертоны. Бессознательное мало волнуется, что мысль о гомосексуальности заставляет мужчину чувствовать себя неловко. Если такой образ может встряхнуть мужчину как следует, указав ему на источник силы, который он раньше не принимал во внимание, направив ее в нужную сторону, — тогда этот образ появится обязательно, независимо от того, насколько будет удобным его появление. Вот пример, который противоречит взгляду Фрейда на охраняющую функцию сновидения с целью защиты эго.

Гомосексуальное влечение часто свидетельствует о том, что мужчина испытывает потребность в притоке в свою жизнь маскулинности. Возникнет или нет сексуальное отреагирование вовне вследствие этого сознания — это уже второй вопрос. Такая потребность вполне конкретно концентрируется на фаллосе или же на некоторых символических выражениях, которые понимаются неординарно или воспринимаются как эротические. Фаллос всегда привносит в мужскую силу энергетическое наполнение. Для несвободного мужчины фаллос почти буквально становится посланцем бога, появляется ли при этом он в своем первоизданном виде (как в моем сне) или же в виде любого количества более мелких форм.

Мой сон про фаллос в основном не был эротическим. Это был образ мужской связи вокруг божественного образа, воплощающего маскулинность. Мужчины не занимались друг с другом любовью и не были вовлечены в эротическую игру. Их связь была структурной и прямой, за которой скрывался не эрос, а нечто совсем иное. Трансперсональный фаллос — член больше-чем-жизнь, вознесшийся над кругом мужчин, основа, на которую делал упор каждый из них, поставив свою ногу, как на твердую "землю". При этом каждый мужчина примкнул к своему соседу, соединившись с ним рукой и своим собственным фаллосом, образовав нечто наподобие мужского братства. Мандала, состоящая из общепризнанных обладателей фаллоса, — вот главное послание этого сновидения. Каждый мужчина в определенной степени обладает некоторой склонностью к гомосексуальности. Каждый мужчина имеет "гомосексуальный радикал", как его называет датский психоаналитик Трокил Ванггард²². Его проявление у каждого конкретного человека зависит от соотношения в его психике маскулинности и женственности, структуры архетипов в его глубинном бессознательном, влиянии его окружения, генетического наследия и той степени, в которой он подавляет или вытесняет гомосексуальное влечение.

Гомоэротическое влечение выходит на сцену, когда у мужчины срочно возникает потребность в мужской поддержке и его фаллический голод превращается в сексуальное желание. Здесь имеет место влияние трех противоположных факторов. Первый — существующий у всех мужчин гомосексуальный радикал. Второй — возникновение эротического влечения, основанного на этом радикале и на имеющейся склонности. И еще один фактор — отреагирование вовне в сексуальном поведении гомо-эротического влечения. Как и когда один из этих факторов трансформируется в другой — вопрос

важный, но он выходит за рамки этой книги. Отраженная здесь суть заключается в том, что гомосексуальные и гомо-эротические проблемы, с которыми мужчины приходят к психоаналитику, имеют архетипическое ядро и в этом свете должны быть терапевтически исследованы. И Элиаде, и Юнг пишут, что сексуальность и гетеросексуальной, и гомосексуальной ориентации находится на самом дне религиозной проблемы, это открытая дверь в человеческую психику, позволяющая стоящему за ней образу бога войти в эго-сознание.

Великан из Церна

Знаменитый архетипический образ фаллоса можно увидеть в фигуре Великана из Церна, 180-футовой фигуре, выгравированной на склоне известняковой горы, расположенной вблизи деревеньки Церн Эббэс в Дорсете, в сельской местности, на южном побережье Англии. У Великана заметна эрекция полового члена, который, включая яички, имеет длину 36 футов, что составляет 20% его полного роста. Это очень сильная эрекция. Эрекция 6 дюймов у человека ростом 6 футов (в метрическую систему единиц желающие переведут самостоятельно. — В.М.) составляет до 8% веса его тела; 20% от 6 футов будет 14.5 дюймов: такая эрекция действительно встречается крайне редко (и практически бесполезна). У Великана размер эрекции достигает размеров его головы. Совершенно очевидно, что такое изображение имеет символический смысл.

В правой руке Великан держит суковатую дубину, поднятую так, будто находится в возбужденном состоянии. Левая рука отведена в сторону, пальцы сжаты в кулак: это может служить знаком, что изначально на этой руке находился плащ, как у греческого бога Гермеса. Английский национальный комитет по исследованию наскальных рисунков установил, что эта фигура имеет романо-британское происхождение. Джон Шарки в книге "Кельтские мистерии: древняя религия" оценил возраст этой фигуры: согласно его оценке, она появилась в первом столетии до нашей эры²³.

Великан из Церна (фото из туристической поездки в Дорсет)

Вызывает немалое удивление, что это изображение пережило викторианскую эпоху ханжества. Однако странно, что даже в наши дни Великан из Церна по большому счету остается в тени. Мой хороший друг, мать которого родилась в Дорсете, познакомил меня с Великаном пятнадцать лет назад, прислав открытку с его изображением. Планируя посетить Англию вместе с сыном и таким образом отметить его окончание колледжа, я решил разузнать о Великане в Английском Туристическом Агентстве в Нью-Йорке. Ни один сотрудник даже не слышал о нем. (Позже я обнаружил его изображение в офисе туристического бюро в Дорсете!) В Дорсете есть старожилы, живущие там лет пятьдесят и ничего не знающие о существовании Великана. Вне всякого сомнения, эта монументальная фаллическая фигура является вытесненным из психики образом бога или каким-нибудь иным образом в этом духе.

Это изображение можно видеть лишь с одного места, из небольшого парка на повороте дороги, при спуске с северной стороны в крохотную деревушку Церн Эббэс. Если при спуске не повернуть

голову в сторону Великана, он скроется прежде, чем вы успеете его заметить. Ровная долина длиной около мили отделяет наблюдателя от изображения. Кажется очевидным, что фигура Великана не предполагалась обозримой, так как она доступна прямому наблюдению лишь с одной-единственной дороги. Во время последней телепередачи об английских наскальных изображениях предполагалось, что они были сделаны для того, чтобы их смогли увидеть боги. Возможно, это были подношения, сделанные согласно обету, или праздничные божественные атрибуты, к которым следовало привлечь божественное внимание.

Когда мы с сыном пришли посмотреть на Великана, нам навстречу ехала на велосипедах группа американских подростков, юношей и девушек, не имеющая к нам никакого отношения. Они схлопнули свои складные велосипеды. Они не могли поверить своим глазам. Девочки отпрянули, несколько смутившись. Мальчики были возбуждены. Они прыгали вокруг, как мексиканские бобы (на сковородке. — В.М.), кричали, свистели, хлопали друг друга по спине. Их реакция вызвала у меня интереса не меньше, чем сам Великан.

На следующий день мы с сыном решили нанести Великану более краткий визит и вскарабкались на гору. Я лягнул Великана, совершив действие, которое мой друг, приславший открытку, назвал настоящей неолитической дрожью, — на левом яичке Великана мы сделали небольшой пикник. Я перелез через ограждение и переступил линию, очерчивающую фаллос и яички. Я сел на головку фаллоса, как делают даже сегодня женщины, которые хотят зачать. Особой дрожи не ощущалось, но было довольно интересно. Возникла связь с моим детским открытием в отцовской постели. Возникла связь и с моим сном, в котором мне приснился бог-фаллос, и с детским фаллическим сном Юнга (который будет обсуждаться в следующей главе). Мне было важно поделиться всеми этими переживаниями со своим сыном и сделать это на более осознанном уровне по сравнению с той связью, которая возникла в постели между мной и моим отцом. Это было признание разделяемой нами фаллической идентичности. При этом предполагается, что эта идентичность носит трансцендентный характер.

У меня нет полной уверенности в том, что данное событие означало для моего сына. Мы не говорили об этом много. Сознание у поколения может возрасти в несколько раз, при этом не достигнув своей высшей точки. Оттуда мы отправились в Стоунхейдж, Сэлсбери, Уэльс, в героическое Гластонбери (где Стефен вскарабкался на

фаллический Тор), далее на могилу Т.С.Эллиота на Ист-Кокер, Эйвбери Серкл и Вуки Хал, а также нанесли визит леди Мэппоудер, последней оставшейся в живых сестре писателей братьев Пау.

Расписание путешествия я составил собственноручно. Мой сын, Стефен, знал, что его отец придавал этому путешествию большую важность, и взял его с собой, чтобы показать все, что было для него (отца) особенно значимым, а именно: ритуал посвящения, ибо сын уже начал Движение к мужской независимости.

Несмотря на разногласия в отношении машины, отелей, слишком большого числа соборов, оптимального пути к Великану, который, казалось бы, должен проходить через противоположный склон горы, мы держались вместе. Такое единение сын объяснял — я в этом абсолютно уверен — воздействием древних сил. Жена проявила легкое подозрение, узнав про мой план путешествия, который я предварительно ей показал и спросил ее мнение. Здесь следует отметить, что моя жена — заядлая альпинистка, покорявшая в молодые годы десятки горных вершин в Нью-Хэмпшире и Швейцарии, которая все время тащила нас за собой. Сейчас Стефен — опытный альпинист, покоривший Килиманджаро.

Любовь — не демократия. Мы пробовали ввести демократию в нашей семье, но все попытки окончились неудачей. Любовь — это приглашение человека в личную нишу желаний. Эта ниша не обязательно принадлежит другому человеку. Желание идти вместе с фантазией другого — знак ответной любви, полной или хотя бы частичной.

Святой Михаил и дьявол работы Эпштейна

Во время другой подобной мини-одессеи отца и сына мы со Стефеном посетили Ковентри, чтобы посмотреть средневековый собор, горевший при немецкой бомбежке во время второй мировой войны, а также примкнувший к нему новый собор, построенный по проекту сэра Бэзила Спенса в 1958 году. Несмотря на его громадные размеры и чудеса изобретательности современная архитектура чем-то меня разочаровала. Восстановление заново собора из пепла и обгоревших развалин заслуживало самой горячей похвалы, и результат был налицо. Однако в новом здании собора отсутствовало нечто, на первый взгляд, неуловимое. Новый собор Спенса, даже при наличии исполинского сатерлендского гобелена в алтарном приделе, не мог впитать в себя атмосферу таинства и аутентичной духовности, присущих старому собору. Символизм нового собора, если его вообще можно назвать таковым, был сознательно изобретен заново: в эпоху,

когда популярная вера в христианский миф уже пережила свои лучшие времена.

Однако в новом соборе была одна вещь, заставившая меня замереть от восторга. На фасаде новой церкви была сооружена металлическая скульптура Св. Михаила, по имени которого был назван собор, работы сэра Якоба Эпштейна, а также скульптура дьявола. Архангел Михаил стоял во весь рост, подняв одну руку, державшую копье, и позой напоминал Великана из Церна. Михаил представлял собой худощавого эфемерного юношу, одолевшего дьявола, лежавшего в цепях у его ног. Вместе с тем у дьявола в отличие от Михаила было тело не мальчика, а настоящего зрелого мужчины. Он был изображен в самом расцвете сил, хорошо сложенным, мускулистым и совсем не воздушным. Очень существенным было наличие гениталий. Нижнюю часть туловища Михаила облекали складки плаща. Едва заметная выпуклость предполагала под одеждой наличие пениса. У дьявола все было не так. Его обнаженный и вполне реальный пенис и яички, достаточно хорошо заметные в тени раздвинутых ног, были смуглыми и имели достойные размеры. Совершенно ясно, что в отличие от Михаила дьявол был носителем сексуальности. Духовное копье Михаила покорило телесность и психологически лишило ее маскулинности.

Скульптура работы сэра Якоба Эпштейна "Св. Михаил и дьявол"

В этой работе мне было необходимо проиллюстрировать именно образы Св. Михаила и дьявола. Эта композиция воплощает точку зрения на сексуальность Ап. Павла, которую он выразил в своем Послании к Галатам:

Я говорю: поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожелений плоти;

Ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы²⁴.

Ап. Павел далек от понимания сексуальности Элиаде как иерофании. Вместо божественного откровения для Ап. Павла

сексуальность стала врагом святости. Есть причины, по которым я не стану обсуждать, почему христианство приняло отвержение плоти Ап. Павлом. То, что было святым, профанировалось. Совершенно очевидно, что Св. Михаил скульптора Эпштейна осуждает плотское и сексуальное. Согласно Ап. Павлу, мужественность должна быть только духовной. В качестве физиологического органа фаллос является дьявольским. Физиология и духовность оказываются фундаментальными противоположностями. Если побеждает одно начало, другое терпит поражение, а в случае физического фаллоса в проигрыше остается сама Божья воля.

Альтернативные суждения в отношении важности физического фаллоса стали частью традиции гностиков. Они были сметены торжествующим христианством и таким образом оказались в бессознательном западной цивилизации. Именно по этой причине Юнг придавал столь огромную ценность алхимическим и другим отвергнутым сторонним направлениям развития средневековой европейской культуры. Именно там лежит фаллос дьявола — спрятанный и сознательно игнорируемый, по-

являющийся лишь в таинстве сновидений и прочих местах, скрытых от постороннего глаза, дающий о себе знать в поведении отверженных.

В соответствии с современным наследием институтов христианства и христианской доктрины и возможностью вступления в брак церковной патриархии, а также благодаря павликанской церкви, фаллос появился из своего гностического укрытия. Ирония заключается в том, что скульптура, помещенная на современной христианской церкви, делает весьма драматический акцент на понимании мужской сексуальности и мужского тела, хотя сегодня сексуальность открыто признается враждебной доктриной только наиболее отсталыми и забытыми христианами.

Пройдет еще очень много лет, прежде чем фаллос полностью выйдет из своего подземного убежища. Должно пройти немало времени, прежде чем дьявол будет считаться психологическим компонентом, присущим каждому человеку, и, согласно Юнгу, и самому божеству²⁵, а не бедному фаллосу, сексуальности и телу. Разумеется, фаллос участвует в зле, как и любая другая грань сотворенного миропорядка. Но только не так, как изображено на скульптуре Эпштейна. Такой образ существенно искажает психологическую реальность.

ФАЛЛОС В ПСИХОАНАЛИЗЕ

Материал, рассматриваемый в данной главе, ни в коем случае не следует считать обзором литературы о фаллосе или фаллически ориентированных концепциях в трудах психоаналитиков. Вместо этого мы исследуем две замечательных и широко известных точки зрения: Фрейда и Юнга. Это исследование позволит читателю представить первооснову идеи фаллоса в представлении отцов психоанализа. Глазами читателя мы увидим, как в каждое из этих представлений встраивалась идея матери, создавая тем самым необходимость включения хотя бы краткого объяснения ее важности при рассмотрении истоков маскулинности с психоаналитической точки зрения.

"Последнее" слово Фрейда

В последнем разделе своего эссе "Анализ конечный и нескончаемый", написанном в 1937 году (незадолго перед смертью, последовавшей в 1939 году), Фрейд писал:

Сегодня на первый план выходят две темы, занимая особое положение и причиняя аналитику небывалое беспокойство. Скоро станет очевидным, что здесь работает главный принцип... связанный с половым противопоставлением... [и] между этими темами существует очевидная связь... Этими двумя связанными между собой темами в сфере женственности является зависть по отношению к пенису — позитивное стремление владеть мужскими гениталиями, а в области маскулинности — борьба против его пассивной или женственной установки по отношению к другому мужчине (выделено автором). Общая связующая черта этих двух тем значительно раньше была названа психоаналитической элитой установкой в отношении к комплексу кастрации... Мне думается, что для начала "отказ от женственности" следовало бы считать корректным описанием этой замечательной черты в психической жизни человека... У нас часто возникает представление, что вместе с надеждой на пенис и мужским протестом мы проникли сквозь все психологические слои и достигли глубинного пласта (выделено автором), тем самым завершив свою деятельность²⁶.

Эти слова, написанные исходя из полувекового опыта и размышлений первооткрывателя, оказываются очень важными. Наверное, Фрейд имел в виду, что фаллос (по Фрейду, пенис) обладает такой огромной важностью, что вся психоаналитическая работа вращается вокруг его присутствия или отсутствия в жизни человека:

как мужчины, так и женщины. Страх отсутствия или потери пениса в жизни мужчины и желание его иметь (зависть к пенису) женщины определяют так называемый "комплекс кастрации". Фрейд считал, что "замечательной чертой в психической жизни человека" мог бы оказаться "отказ от женственности". Для Фрейда владение фаллосом отождествлялось с отказом от женственности, а потеря фаллоса, в какой-то мере считавшаяся поражением, которое терпит мужчина от другого мужчины, и психологически воспринимаемая как частичное женоподобие, — приравнивалась к феминизации. Без фаллоса все становилось женственным.

Важно понять концепцию, стоящую за этим утверждением. Оно имеет отношение к важности материнской фигуры как источника жизни, известного из личного опыта, а также в качестве кормилицы в пренатальный период и период раннего детства. Кроме того, в данном случае мы сталкиваемся с тенденцией человека к идентификации с воспринимаемым им источником жизни, а именно — с матерью, а также с изначальным смыслом благополучного бытия, которого он стремится достичь в ее присутствии. Универсальное человеческое желание заключается в том, чтобы придать материнской фигуре самую большую власть, и такой она понимается и принимается каждой психоаналитической школой.

Если идет речь о женщине, идентификация с матерью не привносит никаких структурных проблем в ее собственное ощущение себя как женщины. Она имеет ту же природу, что ее источник. Однако в мужском варианте сразу возникает серьезная проблема. Мужчина обладает иной природой по сравнению с породившим его источником. Если он это осознает, должна произойти фундаментальная мужская рефлексия. Мать может помочь мальчику тем, что принимает его базовое отличие от себя, или же она будет препятствовать этому процессу, наоборот, привязывая его к себе.

Таким образом, жизнь ставит перед мужчиной задачу, в которой фаллос выступает в качестве символа. В жизни мужчины эта задача может принимать различные формы. Ребенком мальчик стремится покинуть материнский дом, жилище своей матери. (Если он не хочет этого делать, скорее всего, получит прозвище маменькиного сынка; его маскулинность с самого начала будет подвергнута сомнению.) Он хочет и должен лазить в окна, совать нос в чужие дела, грубо себя вести. Позже мальчик совершает более серьезные проступки, попадает в переделки, приходит поздно домой, становится для матери закрытым и непроницаемым; в этом смысле она уже не может назвать его "мой

мальчик". Несколько позже его интерес начинает смещаться на девочек. Это обычный и естественный процесс, без которого развитие мужчины тормозится и продолжается инфантильная идентификация с матерью. Фаллос остается в собственности у породившей его матери. Она обладает всей полнотой власти. Начинается кастрация. В мужчине происходит процесс феминизации, направленный против психологического воссоединения с фаллосом.

Согласно Фрейдю, угроза психологической кастрации начинает появляться у мужчин с более или менее нетронутой мужской идентичностью. Поражение, нанесенное другим мужчиной, напоминает о матери-кастрации и возбуждает в отношении нее страх. Потеря для мужчины неизбежно включает в себя потерю фаллоса, будь то потеря денег, собственности, любовницы, жены, детей, должности, влияния, власти. Мужчина хочет получить облегчение, восстановить уверенность в себе, силы, то есть все, что ассоциируется с матерью. Он хочет получить материнский комфорт и одновременно восстановить свою фаллическую идентичность, связанную с освобождением от матери. (Часто эта ситуация повторяется снова и снова: в большинстве случаев, потому что так и не состоялось полного отделения от матери. Это классический пример психологии типа *puer aeternus*, вечного юноши.)²⁷

Нельзя одновременно двигаться вперед и назад. Если мужчина скатывается на путь регрессии, он несет на себе следы психологической кастрации. Он остается сыном своей матери или же материнского суррогата, в качестве которого может выступать его жена или, как догадывается читатель, его исповедник. Часто его собственником становится родная мать, чья зависимость от сына, как можно предположить, не может служить точкой опоры для развития его мужественности. Наоборот, она его опустошает, отказывая ему в независимости и автономии, снижает его способность к фаллической активности. Такая связь представляет для мужчины угрозу вследствие неразрешенной эдиповой любви к матери. Мужчина никогда не сможет избавиться сам от главенствующей жестокой внутренней связи со своим изначальным партнером; психологически он является сыном-любовником, чья фаллическая энергия пожирается по взаимному соглашению.

Мы можем видеть многочисленные внешние проявления брака между матерью и сыном. Существуют сыновья, которые не сделают ни одного телодвижения, не советуясь с матерью. Есть и такие, которые позже к ней возвращаются, часто издалека, когда матери требуется

защита, и борьба за раздельное существование больше не может служить ценой, которую должен платить сын. Это последнее возвращение на могилу матери. Это патриотическое стремление вернуться домой, признавая таким образом связь с родиной-матерью (motherland), которая оказывается намного сильнее и более точно соответствует терминологии, чем fatherland (земля отцов). В конце концов, мать побеждает. В Скрэнтоне, где я живу большую часть времени, на каждой из двух воскресных газет около тридцати страниц занято семейными портретами в День Матери в мае; при этом часто включаются до четырех поколений матерей и сыновей со своими потомками, и здесь воочию находит свое подтверждение сила материнской связи. Для дочери в ее сильной психологической связи с матерью не существует структурной проблемы, поскольку ослаблять воздействие этой связи может ее анимус, ее муж и ее дети. Однако для сына такая ситуация потенциально смертельна.

Захватчиком мужчины может быть его мать или любовница, которым ему остается только подчиниться. Захваченный в плен мужчина чувствует, что он сам по себе, без женщины, ничего не представляет. То

или иное продолжение привязанности к матери превращается в стремление к благосостоянию с его ослепительно созданными удобствами, включая приверженность стилю, эстетизм и пробуждение собственной значимости. Здесь налицо все признаки кастрации, отсутствия фаллоса, вне зависимости от того, сколько женщин побывало в постели у мужчины или же скольких из них он хотел в свою постель получить.

Мужчина, маскулинность которого подавляет мать, совершает ряд завоеваний, но отступает назад, едва на первый план выступает трудная задача поддержки женщины и детей. На этом примере эрекция ограничивается своим выражением через гениталии; проникновение в женщину — это проникновение в уютное, восприимчивое к фаллосу тепло. Половой акт можно рассматривать в качестве восстановления материнского комфорта. Яичко воплощает мужскую способность превращать инстинктивную силу фаллоса в социальную фаллическую цель и обратно — в инстинктивную силу, при этом оно осознает внутри себя, что каждое из них представляет собой отражение другого и что они неотделимы друг от друга.

Это не может произойти до тех пор, пока мать так или иначе не окажется "брошенной" своим сыном ради независимой фаллической веры и, в конце концов, ради принятия на себя фаллической

ответственности — постройки собственного дома, стремления стать во главе своего племени. В эдиповой ситуации на плечи отца ложится ответственность за то, чтобы позаботиться о матери, оттолкнуть прочь сына, дать ему свободу и открыть для него возможность пойти собственным путем, без ослабляющей и кастрирующей его ответственности по отношению к матери. Таким образом, отбирая у сына комфортные условия, созданные своей женой, отец дает ему дорогу для развития его маскулинности.

Основным принципом Фрейда является частичная потребность мужчины в психологическом отделении от женственности — "отказ" от нее. Такой принцип вполне приемлем настолько, насколько он работает. Однако, чтобы найти противоядие от кастрации, нам следует отправиться в глубинные слои бессознательного, а тогда придется обратиться к Юнгу.

"Первый" сон Юнга

В книге "Воспоминания, сновидения, размышления" Юнг записал самый ранний сон, который он смог запомнить, сон, всю жизнь напоминавший ему о себе. Юнгу еще не было четырех лет, когда он увидел во сне темную, каменную, прямоугольную дыру в земле и в страхе в нее спустился по каменной лестнице.

В самом низу за зеленым занавесом был вход с круглой аркой. Занавес был большой и тяжелый, ручной работы, он был похож на парчовый и очень роскошно выглядел. Любопытство мое требовало узнать, что за ним. Отстранив его, я увидел перед собой в тусклом свете прямоугольную палату, метров десять длиной, с каменным сводчатым потолком. Пол был тоже выложен каменными плитами, а в центре лежал большой красный ковер. Там, на возвышении,

стоял золотой трон, украшенный с удивительной роскошью. Я не уверен, но возможно, что на сидении лежала красная подушка. Это был величественный трон, — действительно сказочный королевский трон. Что-то на нем стояло, сначала я подумал, что это мог быть ствол дерева (где-то около 4—5 метров высотой и полметра в диаметре). Это была огромная масса, достигающая почти до потолка и сделанная из странного сплава — кожи и ободранного мяса; на вершине находилось нечто вроде круглой головы без лица и волос. На самой макушке был один глаз, постоянно устремленный вверх.

В комнате довольно светло, хотя не было ни окон, ни какого-нибудь другого видимого источника света. Однако от головы аурой исходило яркое свечение. То, что стояло на троне, не двигалось, и все же у меня было чувство, что оно в любой момент может сползти с

трона и, как червяк, подползти ко мне. В этот момент я услышал снаружи, сверху голос матери. Она кричала: "Ты только посмотри на него. Это же людоед!" Это лишь усилило мой ужас, и я проснулся в испарине, напуганный до смерти²⁸.

Юнг продолжает: "Гораздо позже я понял, что это был образ фаллоса, и прошло еще несколько десятилетий, прежде чем я узнал, что это был ритуальный фаллос... фаллос из этого сна казался мне 'безымянным' подземным богом"²⁹.

Юнг написал автобиографию, когда ему исполнилось восемьдесят лет. Почему этот сон запомнился ему вплоть до столь преклонного возраста и зачем он решил его поведать всему миру? Очевидно, в данном случае имеет место связь с трансперсональным фаллическим образом, занимавшая всю его жизнь.

Противоядие Юнга против базового страха кастрации или заключения в материнскую тюрьму заключается в том, что в развитии мужской психологии и мужского сознания он выдвигает на первый план мифологему героя³⁰. Трансформация героического образа символизирует не только процесс развития мужской индивидуальности, но и филогенетический и архетипический процесс развития эго в истории народов. Эго должно отделиться от своей бессознательной основы, как сын должен отделиться от матери. Как и в модели Фрейда, герой должен идти вперед, а не назад, бросая вызов своей кастрирующей матери и препятствиям, возникающим в результате этой независимости. Если он отступит в главном, — он погиб. Время от времени возможны стратегические отступления, однако они должны быть подобны фаллическим, а вовсе не отступлениям от намеченной цели.

Герой Юнга следует главному фрейдовскому принципу маскулинности — "отказу от женственности", но лишь в определенной степени: его юная женственность должна быть отодвинута в сторону вместе с матерью, с которой идентифицируется его женственность. Герой совершает отделение, подвергаясь серьезному личному испытанию: направляясь от матери-защитницы к доверию самому себе. Он вступает в бой с драконом-матерью, пускается в одиночку в опасное ночное путешествие по морю, закаляя изнутри свой характер, завоевывая прекрасную даму. Далее — потомство, пребывание в роли мужа, затем помощь в обновлении короля или даже вступление на королевский трон. Маскулинность приобретает в испытаниях, она не дается от рождения — такой сильной, как зов матери-природы. Но герой Юнга как мифологема развития маскулинности появляется из

области архетипов; изначально вздымается фаллос, который, оставаясь за спиной, постоянно направляет процесс. Точка зрения Юнга оказывается более цельной в отношении перспективы по сравнению со схемой Фрейда, ибо именно действие дает толчок к развитию маскулинности, а не только "отказ от женственности".

При идеальном развитии маскулинности все эти подвиги совершаются постепенно. Мальчик становится юношей, который становится зрелым мужчиной — в чем-то более уставшим от борьбы, чем в прежние времена, больше склонным затянуться сигаретой и взвесить положение дел. Затем наступает время второй трансформации. Когда появляется брюшко, а волосы становятся белыми, как снег, наступает время мудреца или *senex*'а. Мужчины сопротивляются этим признакам, указывающим на окончание их юношеской потенции, и бегут в тренировочные залы и к парикмахерам, чтобы избавиться от плохого настроения. Господа, не так быстро! Эти искусственные ухищрения не могут, да и не должны" остановить изменения. Для пожилого человека новое удовольствие заключается в том, чтобы стать кладезем мудрости, в котором существует потребность. Он медленно идет, отмечая свой путь фаллической тросточкой, зная и давая знать другим разность между тем, что важно, и тем, что нет, между материей и шлаком. Он может вызывать беспокойство, но свое уважение он заслужил.

Внутренним качеством, осуществляющим и питающим развитие мужественности, является фаллос. Мужчина это знает вследствие важности, которую имеет для него мужской член, находясь в состоянии, полном энергии, готовый к вторжению и проникновению. Твердость фаллоса — свойство, присущее юности и молодости, признак героизма, копьё поднято высоко вверх над серебряным конем. С возрастом твердость фаллоса меняется, становится менее заметной, менее выражающей его тело, реже наступающей в каждом конкретном случае. Пожилые мужчины редко заявляют о своей значимости так, как это важно сделать мужчинам в среднем возрасте: начинают новое дело, строят новый дом, вступают в новый брак, начинают новый роман. Вмешивается появившаяся мудрость. Основное место занимает зрелый фаллос: этот аспект в маскулинности присутствует всегда, но у молодых, еще неоперившихся мужчин он, вероятно, еще дремлет, обойден вниманием и совершенно точно — недостаточно развит.

Убежденность в подчиненности женственности при достижении мудрости и возраста — собственно, еще не женственность. Это более благородный фаллос, его грубая мужская сила смягчилась вследствие

осознания, что выиграно достаточно сражений, что наступило время с любопытством посмотреть на своих внуков. Усердие все еще имеется, однако во всем соблюдается умеренность: усталость становится более приемлемой. Нежная мудрость всегда была характерной чертой фаллоса, как бы ее не оставляли без внимания во времена атлетических соревнований. Фаллос чрезвычайно чувствителен, как парчовый занавес в тронном зале в сновидении Юнга подразумевает "обнаженную плоть". Женщины могут изумляться мягкости ткани головки члена во время его полноценной твердой эрекции, нежной, как пух. Мужчины знают о тонкости ощущений своих яичек и прилагают максимум усилий, чтобы их защитить. Мужчины наиболее ранимы в том месте, которое на общеизвестном жаргоне зовется признаком или воплощением их мужества (конечно же — у него есть "яйца"). Согласно предвестнице-мудрости, это и есть *coniunctio oppositorum* (соединение противоположностей).

"Ритуальный фаллос" Юнга, который, по его словам, он понял спустя десятилетия после сна, — это внутренняя особенность маскулинности, которая проявляется в поведении как эрекция, а психологически переводится в мужской архетипический образ. Фаллос на троне в сне Юнга, интегрирующий в себе свойства молодости, героизма, энергии эрекции и древней правящей мудрости, становится соединяющим символом того, что, говоря на языке Элдера, является "таинством божественной реальности, непостижимой иначе".

Ритуал — это стереотипное действие, пробуждающее в воображении трансперсональный или надисторический миф, от которого зависит человеческая жизнь. Ритуальный фаллос указывает на сущностную важность маскулинности, координирующего творческого фактора. Ритуальный фаллос — это утверждение мифического факта, средство для наступления торжества маскулинности, таинственное превращение принадлежности к мужскому полу во внутренний символ, в образном выражении которого на первый план выходят характерные черты, свойственные мужской природе. Для женщин фаллический ритуал стал путем, который привел к признанию зависимости от фаллоса, воплощающего в себе мужскую деятельность оплодотворения и защитную функцию рождения. Юнг понимал этот патологический ритуал как навязчивое действие, представляющее собой ущербное личное стремление к трансперсональному смыслу, который стал необходимым из-за отсутствия соответствующих коллективных ритуалов, связывающих внутренний смысл с внешним опытом.

Ранний трансперсональный фаллический сон Юнга фактически стал полигоном для его психологических исследований. "Один глаз смотрел вверх, не делая ни малейшего движения", демонстрируя непоколебимость фаллоса, его концентрированное внимание, приверженность выбранной цели, его безоговорочное требование останавливаться на мужчине (на женщинах тоже, но совершенно по-иному). Я испытывал потребность в таких силах будучи молодым викарием в церкви Св. Климента, увидев свой собственный фаллический сон прежде, чем прочитал сон, увиденный Юнгом.

Находясь под влиянием этого детского сна практически в течение всей жизни, Юнг, тем не менее, не написал много о сущности фаллоса. Он косвенно упоминал этот аспект в исследовании фаллических богов Греции, Рима и Египта и в особенности Гермеса-Меркурия, психопомпа алхимического деяния, которое Юнг называл средневековым аналогом психоанализа. Как мы увидим в пятой главе, Юнг понял, как мифологи-

чески работает фаллос в Меркурии, образе бога, наполненном духом, *logos spermatikos*, оплодотворенным миром, оживляющим психику³¹.

Власть матери

Фрейд уделял внимание материнскому аспекту, рассматривая вопрос кастрации и "отказ от женственности", находя в этом аспекте отказ сына от продолжающегося стремления матери удерживать в своих руках сына. Размышляя на эту тему, Юнг делал акцент на странствии героя, цель которого состояла в уходе из материнского дома и продолжении своего личностного развития отдельно от матери, стремившейся его удержать в безопасности своей психической колыбели. Каждый из них видел в матери стремление к овладению сыном, желание удержать его именно ради своего блага, а вовсе не на пользу ему, хотя на словах она заявляла совсем противоположное.

"Отказ" на языке Фрейда означал возможность сына заявить о своем нежелании оставаться во власти матери. На языке Юнга странствие героя означало желание сына заявить о своем желании искать счастья где угодно, только не в объятиях матери, какими бы тяжелыми ни были испытания на его пути. Оба объяснения ясно предполагают опасность материнского влияния на судьбу сына. Отсутствие необходимого отделения от матери равносильно недостатку маскулинности, недостаточному воздействию фаллоса на психологию сына.

В середине девятнадцатого столетия в холостяцком жилище в

Базеле, работая над своим монументальным трудом "Миф, религия и материнское право", Дж. Дж. Бахофен настаивал на господстве матриархата в начале истории развития психики. Эта первичная материнская власть "выходит на сцену, когда эго-сознание еще не развито и воплощается в природе и мире"³². Как свидетельствуют следующие строки, Бахофен встраивает свою концепцию в мировоззрение:

Мать появилась на свет раньше сына. Женственность является первичной, тогда как мужская творческая способность может появиться только потом как вторичное явление (выделено автором). Женщина пришла первой, потом "стал" мужчина... Женственность первична, мужчина возникает из нее только после... В нашем мире женщина изначально существует как мать, а мужчина изначально существует как сын.

...Мужчина становится ее игрушкой, козел — ее средством передвижения, фаллос — ее постоянным спутником... Везде и повсюду материнский, женский, природный принцип пользуется преимуществом³³.

Такова главная бахофеновская концепция книги "Миф, религия и материнское право". Она лежит и в основе отмеченной Фрейдом закономерности в отношениях между сыном и матерью, и в архетипической юнгианской концепции зависимости эго от коллективного бессознательного, рассматриваемого в качестве первоосновы.

Герой Юнга, подобно зарождающемуся и развивающемуся эго, должен отделиться от исходного примата женственности, утвердить независимость своих достижений, а затем, по мере приближения к концу жизни, быть готовым к возвращению, когда наступит его время. И мужская независимость, и самоопределение эго должны казаться временными и иллюзорными, ибо первооснова, материнский принцип рождения и смерти, продолжает играть основную роль. Приоритет этого принципа не подлежит сомнению, независимо от того, очевиден он или нет, понятен ли он сыну, добывается он или нет в жизни определенной героической идентичности. Ставка в этой игре очень высока.

Для Бахофена даже фаллос относится к женскому началу, ибо состоит из материи. Нет ничего удивительного в том, что Фрейд в своем заключении относительно возможности выживания эго, которому противостоит переполняющая его инстинктивная энергия (природа, мать, ид), имел склонность к пессимизму. "Природа, —

писал он, — обладает присущей ей одной способностью ограничивать нас: она подвергает нас разрушению холодно, жестоко и безжалостно... главная задача культуры, реальная основа ее существования (*raison d'être*) заключается в том, чтобы защитить нас от природы"³⁴. У Юнга такой пессимизм отсутствует. Он видит в бессознательном не только антагонизм, но и дружеское участие по отношению к человеку. Для Юнга бессознательное в одинаковой степени добрая и пожирающая мать. И несмотря ни на что оно остается матерью.

В своей последней книге "Борьба Юнга с Фрейдом" Джорж Хогенсон соглашается с тем, что "Юнг в превосходной степени утверждает приоритет матери. Отца не видно нигде". И снова: "Юнг считает, что на первобытном уровне отца не существовало"³⁵. И Фрейд, и Юнг в данном случае ошибались, придавая так мало важности фаллосу. Поскольку отец по своей значимости приравнивается к фаллосу, низведение роли фаллоса до второстепенной и производной придает сверхзначимость "ключевой" фрейдовской зависти к пенису. Юнговское странствие героя тоже трудно понять исходя лишь из его расширенного архетипического представления о бессознательном как о первооснове.

В обоих случаях это несоответствие можно легко осознать, представив себе, что и Юнг, и Фрейд жили в культуре, не подвергавшей никакому сомнению приоритет патриархальности. Для этих двух мужчин, столь восприимчивых к бессознательному как к непреложной реальности, компенсация заключалась в вознесении на недостижимую высоту образа матери и придании ему первостепенной важности. И тогда во имя спасения маскулинности от компенсации, а также для установления ее в качестве партнера, равного первичной материи, культура создала комплементарные концепции Фрейда и героического эго-сознания Юнга.

По-моему, этот процесс не находит своего развития. Маскулинность, неправоммерно обоснованная психоаналитической теорией, становится врагом бессознательного Фрейда и сообщницей Юнга. Если бы в психике имелась возможность определения первоосновы архетипического фаллоса, не было бы никакой необходимости в компенсации всех соответствующих искажений.

Вне всякого сомнения, материнский фактор является главным в развитии мужской идентичности. По всей вероятности, это даже самый главный фактор, ибо все мужчины появляются в результате познания природы противоположного пола и в какой-то степени его неизбежного противоположного влияния. Однако мать не обладает

мужской идентичностью и с точки зрения метафизики не считается единственной первоосновой существования. Фаллос — больше, чем "постоянный спутник" матери, чем ее "игрушка", по выражению Бахофена. Несмотря на несомненную правоту Юнга в понимании зависимости эго от бессознательного нельзя полагать прямо, что эго равно маскулинности (фаллосу), а бессознательное равно матери. Природа рождения шире материнской, но появление ранее невидимого фаллоса возможно по истечении некоторого времени после оплодотворения.

Джеймс Хиллман называет такой способ мышления — когда человек считает истиной положение, принятое конвенционально и ставшее ясным сознанию, — "натуралистической фалличностью"³¹. Проблема, связанная с натуралистической фалличностью, состоит в торможении подлинного психологического мышления вследствие буквальных аналогий между так называемым физическим миром и миром психики. Возможен переход на психологическую точку зрения исходя из жизненного опыта в направлении психического сходства. Таким образом я поступил с фаллосом, используя свойства эрекции и мужской сексуальности для развития идеи внутреннего архетипического фаллоса. Однако такая логика не может считаться строго последовательной. Если в раннем возрасте у ребенка меньше жизненного опыта получено от отца, чем от матери, нет никаких оснований для утверждений, что при образовании нового человека мужское участие вообще отсутствует, а в жизни ребенка оказывается по существу второстепенным. Ребенок может не воспринимать отца столь же непосредственно, как воспринимает мать, но архетипический фаллос все равно существует, независимо от того, ощущается или нет внешнее присутствие мужчины. Психологическое мышление столь же парадоксально, сколь линейно. Замечание Хиллмана привлекает наше внимание к идеям, образам и энергиям, которые, на первый взгляд, кажутся противоречивыми, но оказываются вполне совместимыми с точки зрения мифа. Хиллман аутентично следует Юнгу, подтверждая его убеждение в отношении того, что *coniunctio oppositorum* является основным действующим принципом психики.

Труд "Миф, религия и материнское право" вносит свой вклад в конечное решение вопроса о природе маскулинности, участвуя в "натуралистической фалличности" наряду с психоаналитической концепцией, понимая физический фаллос как "ничего, кроме" всеобъемлющей власти вселенской космической матери после обычной зависимости мальчика от его родной матери. Можно

привести весьма наглядный пример сложного использования естественных процессов для подтверждения психологической теории, имея в виду генетические исследования Мани и Экхардта из Университета Джона Хопкинса. Они пишут:

Закон природы заключается в том, чтобы обязательно добавить маскулинности нечто... чтобы подавить развитие женских качеств... Исходя из их анатомии, задержка в мужском развитии аналогична развитию женственности... далее делая очевидным, что у природы возникает больше трудностей в отделении мужской половой идентичности, чем женской. Создавая мужчину, природа больше ошибается³⁷.

Кажется, данное заключение придает веские основания выводу, сделанному Бахофеном в отношении приоритета женственности, а также принятию доминирующей роли матери и Фрейдом, и Юнгом. Казалось бы, оно противоречит замечанию Хиллмана о "натуралистической фалличности", ибо женская природа способна к самовоспроизведению и только при вмешательстве маскулинности движется в его направлении. Более того, Мани и Экхардт поставили под вопрос теорию кастрации Фрейда, поддерживающую приоритет фаллоса, ибо женщины не являются кастрированными мужчинами. Наоборот, мужчины оказываются женщинами, сделавшими в своем развитии шаг вперед: юный клитор становится пенисом, поверхности губ влагалища делаются очень тонкими, сращиваются между собой и превращаются в мошонку. Однако, если зависть к пенису представляет собой ревность, связанную с великой мужской революцией, теория Фрейда продолжает оставаться верной, придавая веру энергичным усилиям феминисток в их борьбе за достижение равноправия с мужчинами.

Фактически "нечто", которое следует добавить, — это андрогины, группа гормонов-стероидов, развивающих в утробном плоде мужские черты. Андрогины привносятся сперматозоидами, в состав которых входит Y-хромосома. Когда же ты, наконец, появишься, эта Y-хромосома? Вот здесь мы подходим к предостережению Хиллмана в отношении "натуралистической фалличности". Что у истоков идентичности стоит за матерью или с ней рядом? Мать не обладает монополией на сотворение жизни несмотря на ее преобладающее присутствие в младенческом возрасте ребенка или в генетической формуле, или в психоаналитической теории. Определяющее "нечто" весьма активно, но при этом недостижимо. Оставаться приверженцами натуралистической фалличности — значит потерять не только

психологическую точность, но и расписаться в потере воображаемого тона и тембра. В конце концов, это всего лишь появившееся по капризу эго повторение его ограниченной и конвенциональной точки зрения.

И Фрейд, и Юнг предполагали психологическую значимость фаллоса, не вдаваясь в исследование основы такого предположения. Можно понять их интерес к фаллосу, если в итоге их рассуждений и трудах их последователей-аналитиков выявляется важность материнской фигуры. Кроме патриархальной культуры, о которой шла речь выше, могут быть и другие причины относительного пренебрежения теми или иными элементами, каждый из которых может считаться ключевым (вспомним слова Юнга о том, что это обстоятельство довлекло над ним всю жизнь). Ссылки на фаллос и производные от него понятия и концепции едва занимают полстраницы в "Главном перечне полного собрания сочинений К.Г.Юнга", который состоит из 735 страниц, и большинство этих ссылок имеет отношение к фаллическим символам, использовавшимся в трудах других авторов. Антипатия Юнга к фрейдовской парадигме сексуальности, которая оказалась существенной причиной смещения фокуса внимания Юнга с мужской сексуальности, с большим трудом сочетается со значимостью для него ритуального фаллоса из его детского сна.

Почему же они не исследовали фаллос более подробно? Подозреваю, что более тщательное изучение важности влияния пениса и кастрации привели бы Фрейда в те области, куда он совсем не хотел попадать, так как прервал отношения с Юнгом. Работа Юнга "Символы трансформации" предвосхитила этот разрыв, ибо в ней автор подверг тщательному анализу религиозно-мистическое направление, выбранное им наперекор своему учителю. Фрейд мог бы осуществить более глубокое исследование фаллоса, пройдя тот же путь. Сдержанность Юнга может послужить зеркальным образом поведения Фрейда. Подобно тому, как Фрейд сразу прекратил целенаправленную работу с коллективным бессознательным, Юнг сопротивлялся исследованиям в области физической сексуальности, и точно так же, вплоть до настоящего времени поступают многие юнгианские аналитики. Юнг подверг критике способ работы со сновидением, рассказанным ему Фрейдом на корабле в 1909 году по пути в Америку. Согласно Юнгу, Фрейд отказался давать некоторые личные ассоциации к этому сновидению, объяснив это следующим образом: "Я не могу подвергать риску свой авторитет!"³⁸ Такое

объяснение Юнга можно было понять как бессознательную самоуверенность тени Юнга, спроецированной на Фрейда. Но могло быть и так: Юнг прилагал значительные усилия, чтобы исследовать фаллос, только делал это, находясь на дистанции, продиктованной ему интересом к символическим интерпретациям³⁹.

Лукавили или нет — Фрейд — с феноменом мистерии, а Юнг — с физиологией, — факт остается фактом: ни тот, ни другой не проводили непосредственных исследований фаллоса; их последователи в этом отношении тоже сделали не так уж много. По большому счету это оказало плохую услугу возрастающей значимости архетипической маскулинности и внесло определенное несоответствие в теорию, и это несоответствие настойчиво напоминает о своем устранении.

Индийский жест, на пальцах демонстрирующий лингаму в пони

О ПСИХОИДНОЙ ПРИРОДЕ ФАЛЛОСА

*В той самой точке, где вращается мир. Ни телесное, ни
бесплотное;
Не отклоняясь ни на йоту; прямо в той самой точке, происходит
танец,
Причем, нет ни движения, ни остановки. И нельзя назвать это
постоянством,
Где прошлое и будущее воедино связаны. Ни движения, ни
остановки,
Ни подъема, ни спуска. Все происходит лишь в той самой точке,
Там, казалось, нет никакого танца, и вместе с тем только танец
и есть.
Я могу лишь сказать, мы там были: но не могу назвать, где
именно.
И не могу сказать, сколько это продолжалось, ибо этого места
во времени нет.*

Т.С. Элиот "Сожженный Нортон", Четыре четверти
Концепция Нойманна о двойственности фаллоса
Эрих Нойманн (1905—1960) был одним из основных толкователей

Юнга и совершенно изумительным специалистом в области психомифологии⁴⁰. Нойманн создал впечатляющую систему трактовки юнгианской психологии, основанную на труде Бахофена "Миф, религия и материнское право", о первичности и приоритете материнского начала в человеческой психике. Психоанализ многим обязан Нойманну, создавшему эволюционное направление развитию концепции Юнга.

В фундаментальной работе "Истоки и история сознания" Нойманн пишет:

Ипполитус сам пребывает на стадии критического сопротивления Великой Матери, уже осознавая себя в качестве молодого мужчины, который борется за свою автономию и независимость. Это становится очевидным вследствие его отречения от помощи Великой Матери и ее фаллической оргиастической сексуальности. Однако его "целомудрие" имеет гораздо больше значения, чем просто отвержение секса; оно означает наступление сознания "высшей" маскулинности, противоположной "низшей" фаллической разбросанности. Это сознательное представление на субъективном уровне "солярной" маскулинности, противопоставляемой Бахофеном сущности «хтонической». Эта высшая маскулинность соотносится со светом, солнцем, зрением и сознанием⁴¹ (выделено автором). 58

Таким образом, Нойманн вводит концепцию двойственности фаллоса: так сказать "низшего" фаллоса, погруженного в мир сексуальности, в царство Великой Матери, и "высшего", развивающегося отсюда в направлении духовной сферы. Точно такой же смысл несет в себе находящаяся в Ковентри скульптура Эпштейна Св. Михаила и дьявола. Нижний фаллос заключен в подземном мире, хтоническом, мрачном, растительном и животном царстве, скованный и поработанный оргиастическими прихотями magna mater (Великой Матери). Высший фаллос бросает вызов такой судьбе, "отказывается", как говорит Фрейд, от Великой Матери и вступает в сферу солярной маскулинности, в которой глаза могут видеть, где изобилует солнечный свет, где сознание способно безгранично расширяться. Тогда вступает в силу следующая формула: фаллос = поработание женственностью = темнота; духовный фаллос = = свобода от женственности = свет.

Позже в той же работе Нойманн переформулирует суть этой концепции:

С точки зрения мифологии фаллически-хтонические божества являются спутниками Великой Матери, не представляя собой никаких

особенных проявлений маскулинности. С точки зрения психологии это означает, что фаллическая маскулинность по-прежнему определяется телом, а значит — подвластна Великой Матери, инструментом которой, собственно, тело и является⁴².

Здесь все говорится прямо: проявление мужчиной интереса в сексуальной сфере, в использовании своего тела, своего фаллоса, материального воплощения своей маскулинности фактически диктуется Великой Матерью, поскольку все тело, включая фаллос, является ее инструментом. Вся физиология относится к матери. Инстинктивный фаллос не имеет других источников. Согласно Нойманну, даже мужчины, сильно вовлеченные в солярную сферу, "когда становятся народными лидерами", могут спать, "могут просто попасть под влияние великой хтонической плодородной богини и возвести ее в культ, поклоняясь некоему воплощению женственности, вследствие того, что мужское бессознательное подвластно Великой Матери"⁴³.

Такая доктрина имеет ряд довольно необычных следствий: использование телесного фаллоса и наслаждение, сопровождающее необходимость в воспроизводстве, считаются регрессивными, в недостаточной степени маскулинными, по своей сути подчиненными и прямыми источниками вины и унижения. Истинной маскулинной идентичности можно достичь лишь в результате отрицания физического фаллоса, то есть — целомудрием. Только возводя физический фаллос в символ и тем самым избегая материнского владычества, мужчина может занять достойное место в сообществе взрослых мужчин. Снижение значимости патриархальных установок и совершение насилия над природой ради собственной выгоды — таковы побочные следствия такой точки зрения. Можно поразмышлять над тем, как символизация фаллоса может привести к подлинно развитой маскулинности. Все фаллические символы: университетские шпили, небоскребы, церковные башни или космические ракеты являются конечными продуктами матери, если фаллос на начальной стадии своего развития находится в ее власти. Причиной тому является дьявольский замкнутый круг, не позволяющий избежать рамок циклического движения. Мужчины, прибегавшие к услугам психоаналитика, лечение которого основывалось на такой предрасположенности, часто сталкивались со скорбью, и в этом нет ничего удивительного.

Концепция двойственности фаллоса:

слева — вырезанная из дерева человеческая фигура в Индонезии; справа — статуя Христа в соборе Шартра с "высшим" (символическим) фаллосом (книга, Логос, Слово) вместо "низшего" фаллоса

Не приходится сомневаться в том, что можно различать фаллические свойства, видя в них как хтонические, так и солярные черты, и такое различие будет обладать определенной ценностью. Проблема возникает в том случае, когда различие начинает превращаться в разделение, как это происходит у Нойманна, с очернением хтонических и внутренних женственных качеств. Наличие этих качеств говорит о подчиненности. Наряду с этим в качестве

развитой маскулинности и соответственно — высшего начала превозносится солярность, словно подобное разделение стало естественным законом психики. Это две формы фаллоса; обе могут нести в себе добро, но в равной степени — и зло (этот аспект будет рассматриваться в шестой главе). Каждая сторона обуславливает существование другой.

Основная проблема Нойманна

Трактовка Нойманна развития сознания физически и психологически ставит во главу угла бессознательную первооснову жизни наряду с развитием эго-сознания. Следуя Юнгу, Нойманн понимает эго-сознание в качестве мужского героического феномена, требующего для своего появления отделения от матери, *prima materia* (первоматерии). Однако такое представление является значительным изъяном в концепции двойственности фаллоса.

Согласно Нойманну, природа психики и человеческого рода является женственной; именно так, а не иначе. Изначально не существует никакого функционального или независимого мужского естества, никакого фаллоса. Нойманн утверждает, что матриархальный уроборос можно определить как "проживающий цикл своей жизни... кольцеобразный змей, первобытный дракон, кусающий собственный хвост, порождающий самого себя уроборос"⁴⁴ (выделено автором). В образе уробороса можно найти намек на наличие фаллоса: хвост змея, находящийся у него во рту, — но это не более чем намек, ибо ясный общепризнанный смысл уроборического образа — это замкнутый "круг", то есть самая известная классическая форма женственности. По существу Нойманн отмечает наличие "патриархального уробороса" в виде неявного изначально присутствия маскулинности, то есть "мужского духовного аспекта женственности"⁴⁵. В данном случае можно говорить лишь об очень смутном представлении о фаллосе, который остается аспектом женственности: именно здесь кроется проблема. В мифологии творения Нойманна скрыт серьезный изъян, равный по значимости самой теории, связанный с отсутствием первичного фаллоса.

Нойманн выделяет четыре стадии развития маскулинности: две пассивных и две активных. Первая — пребывание целиком и полностью в чреве матери или внутри уроборического кольца. Вторая — матриархальная, характеризующаяся служением мужчины царице-матери, который в каком-то смысле существует от нее отдельно, но по-прежнему с ней связан самим фактом служения. Третья (первая активная стадия) заключается в героическом, мужском сражении с

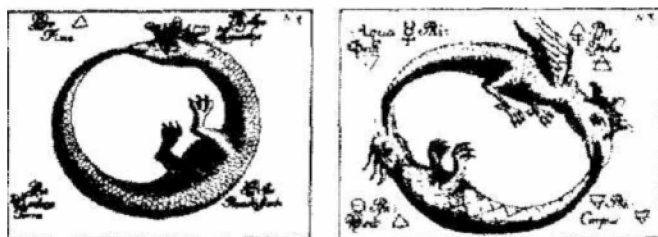
множеством проб и ошибок, целью которого является освобождение от матери и возвращение к

самому себе и своему опыту а, возможно, и к правлению царством. Чет-ертая — репродуктивная фаза, в процессе которой мужчина в половом акте соединяется с материнским суррогатом во имя производства потомства и продолжения рода. Так происходит осуществление первобытной эдиповой связи, которая, однако, оказывается на шаг короче традиционной. Несмотря на то, что третья и четвертая стадии являются активными, тем не менее, они по-прежнему зависят от силы женственности. Никогда мужчина не получает абсолютной независимости. Все, что совершает герой, в конце концов, относится к Великой Матери, находящейся у истоков процесса. Следуя Фрейду и Юнгу, Нойманн обобщает труд Бахофена "Миф, религия и материнское право", а все они, каждый в своей исходной концепции, обобщают христианское отношение, а точнее, отношение Ап. Павла, принижающее значение тела и сексуальности.

Рассматривая концепцию Нойманна, следует отметить две взаимосвязанные проблемы; обе они значительные и приносят определенное беспокойство. Первая связана с пренебрежением женственностью и характеризует вторичную природу фаллоса, имея в виду его физическую форму и соответствующее применение. Если развитие высшей маскулинности эквивалентно отвержению маскулинности физической (мать = материя = женственность), тем самым негласно находит свое одобрение особенно оскорбительная форма патриархальности. Нойманн считал духовные качества, свойственные эволюции "высшего" фаллоса, всего лишь человеческими возможностями, существующими в контексте отрицания маскулинностью материнского начала и женственности.

Другая проблема, особенно серьезная для юнгианцев, — принижение роли бессознательного по сравнению с ролью эго. Отсутствие первичного фаллоса как координатора человеческих деяний заставило Нойманна придать эволюции функцию, имеющей целью достижение "высшего" фаллоса. Мужское героическое эго должно появляться в образе победителя; хтоническое бессознательное должно быть повержено в прах. Возможно, Эпштейн изобразил материальное воплощение зла в виде маскулинности, но согласно Нойманну, материальное всегда маскирует уроборическую мать. Таким образом, бессознательное становится основой (и основанием), на которую карабкается сознание с учетом своего веса. Рассматривая с такой точки зрения, Нойманн, как это ни странно, оказывается ближе к

Фрейду, чем к Юнгу. Нойманн видит в "ид" врага культуры, а в хтоническом бессознательном — врага солярного фаллоса. Несмотря на все противоречия в своем определении женственной основы бессознательного, Юнг никогда не ставил во главу угла цели психической деятельности ни эго-сознание, ни солярный фаллос. Он считал автономию и нуминозность архетипического бессознательного изначальными по отношению к сознанию и заслуживающими самого пристального внимания и признания. Несмотря на то, что Юнг, насколько мне известно, никогда открыто не подвергал критике взгляды Нойманна, тем не менее у него должна быть иная точка зрения на выводы, вытекающие из его работ. В своих трудах, посвященных природе сознания и Великой Матери, Нойманн неумолимо следует в общепринятом направлении эго-сознания.

Два образа уробороса (*Eleazar, Uraltes chymisches Werk, 1760*)

Эта проблема может выйти на поверхность при юнгианском анализе зрелого мужчины. В процессе анализа он поощряется аналитиком к тому, чтобы выйти за рамки привязанностей и адаптации эго, за рамки будущей солярной полноценности, двигаться в направлении бессознательного и столкнуться с тем, что его там ждет. Бессознательное имеет мужскую природу. Куда бы человек ни пришел в процессе эволюции личности, достаточно вернуться "к исходному месту". Как писал Т.С.Эллиот, "а конец нашего странствия наступит там, где мы его начали. И тогда мы снова очутимся там впервые"⁴⁶. Если этим местом для мужчины оказывается мир его матери — и потому в основном становится ему антагонистическим, — связь с бессознательным будет осложняться. Если природа бессознательного считается исключительно женской, мужское сопротивление вполне объяснимо: оно придает мужчине энергию, необходимую для образования маскулинности, независимой от исходной (женской) первоматери. Тогда мужчина либо остается на месте, которого он достиг, лишаясь возможности пойти вглубь, либо спускается в глубины, покоряясь там тому, чего так долго стремился постичь.

В качестве божественного образа фаллос позволяет найти выход из

этого положения. В качестве источника маскулинности фаллос направляет мужчину на путь, возвращающий его в бессознательное без потери его фаллической идентичности. Фаллическая власть оказывается не только ответной реакцией на мать, как считает Нойманн в предлагаемом им процессе двойственного фаллоса. До тех пор, пока фаллос автономно покоится в глубинах бессознательного, не существует источника мужской энергии, от которого бы зависело восстановление маскулинности в процессе ее выхода за пределы досягаемости эго по направлению к своим истокам... в источнике просто отсутствует структура, поддерживающая маскулинность. Именно ее отсутствие заставляет мужчину возвращаться.

Phallos Protos и психоидное бессознательное

В последние годы Юнг исследовал психическую размерность, чтобы восполнить отсутствие первичного фаллоса в теоретических построениях психоанализа. Юнг пришел к концепции, разрешающей запутанный парадокс противоположностей. Эта концепция соответствовала взгляду Нойманна на мифологическую природу этого парадокса.

Здесь я имею в виду нечто, называемое Юнгом психоидным бессознательным. Аниэла Яффе, писательница и аналитик, которая долго была ученицей Юнга, а в последние десять лет его жизни — секретарем, говорит так: "Начиная с 1946 года Юнг описывал [архетипы] как 'пси-хоиды', тем самым говоря, что по своей природе они являются не только психическими, но и физическими объектами"⁴⁷.

Юнг никогда систематически не писал о психоидной природе бессознательного и довольно редко на нее ссылаясь, возможно лишь для того, чтобы читатель, понимавший главное назначение его работы, мог понимать и развитие его мысли. Говоря о психоидной природе, обычно имеют в виду не только психические аспекты и необычные психические или психологические связи. Это очень спорный термин, чтобы его использовать в связи с архетипами или бессознательным, поскольку в общем представлении оба этих понятия определенно относятся к области психики. Употребляя по отношению к архетипам термин "психоид", Юнг хотел особенно отметить тот аспект архетипа, который находит в материальном мире, если можно так выразиться, свое внешнее проявление. Можно попробовать вернуться назад, к буквальному смыслу понятия "психоид", чтобы понять смысл, который вкладывал в него Юнг. Например, "психоид", связанный с фаллосом, означает, что находящийся в состоянии эрекции физический орган

является в то же время органом психическим, что он в одинаковой степени представляет собой и материю, и психику.

Юнг писал:

Психоидная природа архетипа имеет гораздо более богатое содержание, чем может включать в себя психологическое объяснение. Она указывает на область *unus mundus* (мироздания), единого мира, к которому разными путями идут и психолог, и физик-ядерщик, независимо создавая... определенные аналогичные вспомогательные концепции. Несмотря на то, что первый шаг в познавательном процессе связан с разделением и анализом, на втором шаге объединяется все, что прежде было разделено, и объяснение станет удовлетворительным лишь тогда, когда произойдет синтез⁴⁸ (выделено автором).

Мысли Юнга в отношении "психоидной природы архетипа" включают в себя психоидное бессознательное, о котором он подробно упоминает в другой работе⁴⁹. Отношение между двумя концепциями: психоидным бессознательным и *unus mundus*, является обратимым, ибо каждая из них относится к области *coniunctio oppositorum*, единства противоположностей. Этого вполне достаточно чтобы уловить ход мыслей Юнга. Разница, которую я вижу в применении этих концепций, заключается в степени эволюции. Психоидное бессознательное рассматривается мной в качестве основной концепции, содержащей внутри себя потенциальные ростки *unus mundus*. *Unus mundus* — это цель. Идея, которой я сейчас придерживаюсь, заключается в свойственной им обоим парадоксальной природе, то есть в том, что, по словам Яффе, "психика является не только психической, а вместе с тем — и материальной".

Вряд ли можно сказать, что Юнг открыл всеобъемлющую концепцию, названную им психоид/*unus mundus*. Мистики, а также религиозные и поэтически одаренные люди задолго до него интуитивно знали о ее наличии. И действительно, монотеизм может считаться культурным проявлением, существующим в психике в течение тысячелетий. Дело, однако, заключается в том, что Юнг ввел в современную психологию единую концепцию в то время, когда в том же направлении двигались физики. Знаменитое уравнение Эйнштейна $E = mc^2$ (полная энергия E , сосредоточенная в массе m , равна произведению этой массы на квадрат скорости света, c), говорит о том, что энергия и масса не являются "двумя разными лицами вселенной, а только двумя сторонами одного лица"⁵⁰. Заключение Юнга относительно обобщенного единого мира, *unus mundus*, основанное на

психоидном бессознательном, так же важно для психологии, как теория относительности Эйнштейна для физики. Уже отмечалось, что уравнение Эйнштейна указывает на "несказанные богатства... заключенные в окружающей нас повседневности — на новое Эльдorado, гораздо более легендарное, чем все золотые прииски мира, — но при одном условии: наступит время, когда человек научится высвободить свою энергию, чтобы использовать ее себе на благо"⁵¹. То же можно сказать в отношении *unus mundus*.

Относительность между сознанием и скрытыми богатствами бессознательного, и, скажем даже более категорично: взаимно дополняющая связь между материальным и нематериальным миром в психоидном бессознательном, — предвещает еще один подобный скачок в психологическом осознании. Нельзя воспринимать принцип относительности Эйнштейна или психоидное бессознательное Юнга обычным способом через левое полушарие, — здесь опять же становится актуальным предупреждение Хиллмана относительно натуралистической фалличности. Юнг открыл, что психика и материя, а в понятиях Эйнштейна энергия и материя, не такие отдельные сущности. В психоидном бессознательном одно превращается в другое. В точке синтеза, *unus mundus*, имеет место воображаемое соединение: после "первого шага", как называл эту стадию Юнг в приведенной выше цитате, после разделения на субъект и объект, на материю и дух, на мужское и женское, на добро и зло — всю дихотомию, которая является необходимым инструментом сознательной дискриминации, существует "второй шаг" — соединение противоположностей.

Это соединение находит свое проявление в реальном времени в моменты экстатической трансценденции, которую переживают провидцы, а иногда — любовники. Оно служит в качестве основы для всех религиозных систем, считающих переходным мир эго-сознания. Познание и переживание единения — заслуженный и очень ценный "второй шаг" синтеза и индивидуации.

В психоидном бессознательном Юнг определил качество ...как некое нарушение, которое я бы назвал "трансгрессией", поскольку архетипы существуют не только в сфере психики, а часто возникают в обстоятельствах, не имеющих к психике отношения (эквивалентность внешнего физического процесса психическому)⁴.

С психоидной точки зрения то, что считалось исключительно материальным, точно так же может рассматриваться в качестве психической сущности — и наоборот. Так, например, в области тела и

психики мужчины импульс к трансформации пениса в фаллос исходит из глубинных инстинктивных истоков. Согласно Нойманну, глубочайшим инстинктивным источником является царство матриархального уробороса. В то же время оно представляет собой сферу психоидного бессознательного. Так как для психоидного бессознательного характерна архетипическая трансгрессия, физический фаллос, как это ни парадоксально, оказывается духовным фаллосом; "низший" фаллос есть в то же время "высший" фаллос. Так распадается схема Нойманна. Осознание этого обстоятельства придает значение утверждению Элиаде, что сексуальность, которая волей-неволей связана с "низшим" фаллосом, несет в себе смысл иерофании, доносящей до нас познание сакрального. Мужчине не следует отречься от сексуальности и становиться целомудренным ради обретения того, что Нойманн называет "высшей" фаллической маскулинностью. И "высший", и "низший" фаллос представляет собой проявление одной психоидной реальности.

Матриархальный уроборос не принадлежит области инстинкта. Инстинкт, включающий в себя сексуальность, так же является фаллическим, как и утробным, если здесь уместно апеллировать к закону трансгрессии. Подобно тому, как хтонический фаллос и солярный фаллос взаимно друг друга отзеркаливают и взаимно друг на друга влияют, так и в мифическом сексуальном источнике сплетаются между собой маскулинность и женственность. Юнговская концепция психоидной реальности оставляет места для логики Нойманна. Принцип трансгрессии применительно к истокам означает, что психическая матриархальная природа становится оборотной стороной природы патриархальной, несмотря на естественность невидимого фаллоса. Phallos protos или "патрикс" (термин, введенный Марион Вудман)⁵³, имеет такое же право на существование, как "матрикс".

Unus mundus Юнга — это психоидное бессознательное, развившееся в "постсознательном" направлении, находящееся в непосредственной близости с процессом, который Юнг называл индивидуацией. Объединенный мир и присущая ему трансгрессия имеют место и в unus mundus, в психоидном бессознательном, но при наличии существенной разницы. В психоидном бессознательном и объединяющее, и трансгрессивное войства психики существуют в условиях первобытного слияния. Однако unus mundus представляет собой состояние сознания, в котором разделение и соединение в когнитивном процессе больше не считаются только энергетическими потоками, движущимися в противоположных направлениях, как это происходит

по Юнгу на стадии "первого шага". Эти два потока энергии становятся взаимодополняющими, движущимися в одном направлении. С точки зрения индивидуации, unus mundus не образуется без серьезной борьбы и столкновения с жизнью на основе исполнения желаний. Как и в случае с фаллосом, внутреннее побуждение и цель инициируют и поддерживают дальнейшую деятельность.

Психология Юнга в принципе одновременно и аналитическая ("первый шаг"), и синтетическая ("второй шаг"). Она стремится совместить разделенные противоположности в перспективном, объединяющем направлении, предполагая появление того, что можно назвать "новым сознанием". Новое сознание не поворачивается вспять, к старому, а привносит его в процесс юнгианского синтеза, в точку, находящуюся за рамками борьбы за разделение. В unus mundus хтонический фаллос и солярный фаллос становятся, согласно учению Дзен:

Прежде, чем наступит просветление, жуешь древесину
и потягиваешь воду;

После того, как пройдет просветление, жуешь древесину
и потягиваешь воду.

Психоидная аура

Юнг писал о "существовании окружающей сознание психоидной ауры"⁵⁴. Аура — это особая атмосфера или отличительная черта, характерная для личности или объекта. Аура как таковая появлялась в человеческом воображении, но вместе с тем часто чувствовалась или интуитивно ощущалась внутренним зрением. Во время детских переживаний в постели отца восприятие ауры заключалось в том, что за поникшим пенисом, на который упал мой взгляд, я "узрел" в его маскулинности ритуальный фаллос.

Наличие ауры свидетельствует о высшей ценности и важности; она сопровождает нуминозность. Иногда человек действительно видит ауру как едва заметное сияние, окружающее человека или объект. Гораздо чаще она воспринимается внутренним ощущением. Она передается через нюансы, через тон, имеющие определенный смысл лишь для конкретного человека. Аура говорит о том, что, глядя на ту или иную вещь, человек внутренне воспринимает ее по-иному, чем просто вещь. Аура относится к откровению, к переходу целеполагания из одной размерности в другую. Согласно утверждению Юнга, аура дает возможность сознанию выйти за четкие рамки деятельности эго в другую сферу психической реальности, имеющую характерные психоидные черты.

Юнг говорит о психоидной ауре так, будто человеческому восприятию приходится ежедневно с ней сталкиваться, что в действительности и происходит. Так, например, из окна моей кухни в Пенсильвании открывался широкий вид на восток, а именно — на просторную лужайку, окруженную вечнозелеными деревьями, заслонявшими дорогу и соседние дома. Таким образом, я мог наблюдать за изменениями времени года и дневного времени. Утром солнце вставало из-за горизонта, образованного кронами деревьев. Вечерами, в особенности зимой, когда солнце садилось за дом, на лужайке появлялись громадные тени. Особое впечатление производил контраст сочетания черного и серого цветов и белизны снега. Я сидел за нашим круглым столом, напротив окна, глядя на "окружавшую сознание психоидную ауру". Настал момент, когда я заглянул в будущую темноту. Я жил в предвосхищении смерти. В другой раз я ожидал возвращения жены из Скрантона; я знаю, что без нее я мог бы страдать от холода и жары и находясь дома, и оказавшись за порогом. Даже при ее возвращении у меня не было уверенности в том, что холод, ощущаемый мной снаружи, не проникнет в дом, и внешний враждебный мир с его ужасающим одиночеством не поглотит в себя внутреннюю домашнюю атмосферу.

Мое переживание сделало очевидным наличие окружающей сознание психоидной ауры. Я узнаю, кто я такой, только выглянув в окно; мой день был таким, каким он был. Мне, находящемуся там, наверху в доме, по-прежнему нужно было платить налоги. Но когда я сидел и смотрел на солнечный закат и покрывавшую лужайку темноту, передо мной предстала другая реальность. Я смотрел на происходящее в оба глаза, но моему внутреннему зрению открылось куда больше, чем моему невооруженному взгляду. Я ощутил прикосновение бессознательного, полагая, что мое бессознательное — нечто иное по сравнению с моим восприятием через органы чувств. Лужайка так и осталась лужайкой; вечнозеленые деревья ничуть не изменились. Они не превратились ни во что, как это происходит в восприятии наркомана. Единственное, я оказался во власти своего настроения; не того настроения, которое мешает думать, а настроения сродни открывающемуся воображению.

Способность к трансгрессии, к выходу за пределы существующих границ, в восприятии обычных людей становится сердцевинной психоидного бессознательного. Юнг называл человеческую способность к воображаемому движению от одного уровня реальности к другому трансцендентной функцией⁵⁵. Мое переживание при виде

из окна было для меня значительным, но не выходящим из ряда вон. Все разговоры о психоидном бессознательном могут казаться трудными для понимания, даже эзотерическими, как если бы указывали на существование некоего фактора, позволяющего воспринимать явление иначе, по сравнению с обычными людьми. Это не так. Психоидная аура — это повседневное восприятие, которое было свойственно людям на протяжении тысячелетий, едва их касалось бессознательное, побуждавшее их на какой-то момент застыть и осознать, что происходит с ними.

Психоидное бессознательное/или? *mundus* становится связью между потребностью человека выйти за пределы статики и движением по кругу, происходящим в соответствии с определением Нойманна физического фаллоса как матриархальной производной, содержащейся в архети-пической женственности. В психоидном начале и в сфере *unus mundus*, находящегося в конце юнгианской мифологии, не существует окончательного разделения на тело и дух. Каждая из этих субстанций переходит в другую. Невидимый дух, оставаясь архетипически маскулинным, проявляет себя в теле; видимое тело, оставаясь архетипически женственным, открывает фаллос. Фаллос, *membrum virile* (мужской член) представляет собой плоть и дух, то есть — психоид.

Топографическая модель психики, включающая психоидное бессознательное

Предлагаемая ниже схема может помочь читателю осознать место, которое занимает психоидное бессознательное и *unus mundus* в более полном контексте. Она позволяет увидеть, каким образом в первобытной природе психоидного бессознательного, перед ее разделением на мужскую и женскую части, появляется основа для *unus mundus*. Как только это разделение произошло, сначала через матриархат, затем через патриархат, происходит распределение психической энергии по "слоям сознания", в которых и застрял Нойманн в своих рассуждениях о фаллосе. Теория двойственности фаллоса Нойманна оказалась защитой против того, что здесь называется Старым Сознанием — нижним пластом матриархального сознания, оказывающим давление снизу. Теория двойственности фаллоса по сути представляет собой логическое оправдание патриархального превосходства. Концепция Юнга психоидного бессознательного и *unus mundus* лишает необходимости в таком оправдании. Новому Сознанию, выходящему за рамки патриархального сознания, для утверждения фаллоса больше не

требуется принижения роли женственности. Маскулинность обретает свой центр в качестве внутренней реальности фаллоса. Именно эта реальность в совокупности с анимой устанавливает мужскую целостность, ставшую возможной благодаря наличию в психоидном бессознательном структуры первичного фаллоса (*phallos protos*).

Следует заметить, что Новое Сознание — это постсознание в том смысле, что оно не свойственно ни патриархальному, ни матриархальному типу. Оно уже прошло и то, и другое. Оно не предшествует им, как психоидное бессознательное. Новому Сознанию свойственно представление о зле и о тени как о категориях архетипических (подобно представлению первобытного человека), однако, вместе с тем, — и это ключевое обстоятельство, — как о категориях личных. Это совершенно непостижимый шаг, более важный, чем появление матриархального и патриархального сознания. Конфликт, возникающий вследствие полороле-вой борьбы за первичность, создает возможность для интеграции тени. Человек невинен, только если он бессознателен.

Священное бракосочетание (*hierosgamos*) материи и духа в *unus mundus* указывает на существование психоидного начала высшего уровня, которого может достичь человек. Огромный интерес Юнга к *coniunctio oppositorum* (соединение противоположностей) в алхимии приводит нас к такому же заключению, как и открытая им всеобъемлющая перспектива и оптимистическая позиция аналитика. Отсутствие сходства между первобытной трансгрессией и трансгрессией развитой можно уловить, находя определенные психологические различия. Эти различия могут быть между мужчиной с характерной навязчивой гомосексуальностью — например, вследствие вторжения анимы в область эго — и мужчины, способного к выражению своих эротических чувств по отношению к другому, избранному им мужчине, безотносительно к тому, гомосексуалист ли его избранник или же он гетеросексуален. Гетеросексуальный мужчина, прошедший через развивающую трансгрессию, имеет слишком тесную связь со своей анимой, позволяя ей выражаться с той степенью свободы, которая ей требуется, в эротической сфере или любой другой. Такой мужчина больше не подвластен запретам суперэго.

Точно такое же различие имеет место между присущей Новому Сознанию андрогинностью или стадией *unus mundus* и гермафродитом,

существующем в психоидном бессознательном. По существу, гермафродит — это существо с отсутствующей явной половой дифференциацией. Это феномен существования "двух близнецов в одном теле", имеющих "органы", характерные для противоположных полов при полном отсутствии внутреннего или внешнего выражения полоролевого антагонизма. В этом смысле — это жизнеутверждающее и невинное силовое единоборство между матриархальностью и патриархальностью. Это соперничество, которое происходит перед разделением и перед появлением сознания. Андрогинность имеет существенные отличия. Андрогинность уже узнала различие между маскулинностью и женственностью и сделала выбор: включить имеющуюся часть противоположного пола в свою доминирующую идентичность. Андрогинная личность не претендует на то, чтобы сменить пол. Андрогинному мужчине не удастся подавить в себе женственные черты, как бы сильно он иногда к этому ни стремился. Он знает, что они стали его неотъемлемой частью, и работает над сопротивлением эго по отношению к их интеграции. Он знает, что может наступить время, когда он сможет перейти на уровень мышления, а возможно, и поведения, соответствующий своей "внутренней женщине". Поэтому юнговская концепция индивидуации, принятие и проживание своего личного мифа является предпосылкой достижения *unus mundus*.

Алхимический образ гермафродита со смешанной половой

идентичностью (Rosarium philosophorum, в труде Artis auriferae, 1593)

Скажу больше. Я пришел к тому, чтобы оценить по достоинству психическую размерность психоид/ unus mundus, оценив таинство христианской Евхаристии. Во время Евхаристии берутся хлеб и вино и после освящения делятся между всеми прихожанами. Верующий прихожанин получает не только хлеб и вино, а символически — тело и кровь Христа, которые в моем понимании представляют собой символы Самости. Евхаристия является коллективным ритуалом unus mundus, основанном на законе трансгрессии, существующем в психоидном бессознательном. Несмотря на то, что служба Евхаристии слишком стилизована и перегружена вековыми обрядовыми напластованиями, "суть ритуала" крепко выросла в его ядро. Именно поэтому эта служба пользуется уважением многих, включая меня, тогда как множество христианских традиций и обрядов практически уже утратили свое значение. В процессе Евхаристии торжествует парадоксальное совмещение, присущее отношениям между двумя, на первый взгляд, несовместимыми противоположностями: например, сознанием и бессознательным или материей и духом, которое приводит к coniunctio oppositorum (соединению противоположностей).

Axis Mundi в качестве образа Phallos Protos

В концепции axis mundi (оси мира) я нашел образ, сосредоточивший в себе значимость фаллоса как первичного образа маскулинности, ihallos protos. Axis mundi — не самый простой образ, который можно себе представить, поэтому Юнг избегал пользоваться этим понятием, по крайни мере в своих печатных трудах. Совершенно иначе обстояло дело с anima mundi (мировой душой), которой Юнг уделял огромное внимание и важность которой была для него неоспорима.

Из ряда алхимических текстов, в которых авторы связывали свою концепцию anima mundi, с одной стороны, с мировой душой в платоновском Тимее, а с другой стороны, со Святым Духом, становится ясно, кто присутствовал при сотворении Мира и принимал в нем участие, играя роль творца, оплодотворяя воды семенем жизни, и позже он же играл сходную роль в obumbratio (уходе в тень) Девы Марии⁵⁶.

Эта цитата взята из объемного трактата Юнга, посвященного Мер-;урию, которого самого называли anima mundi, согласно одному из приеденных Юнгом алхимических трудов. Нет никаких сомнений в том, что описанный Юнгом процесс в отношении Святого Духа является маскулинным. Выбор таких слов как "творец", "оплодотворение", "семя" и "уход в тень Девы Марии" явно

подтверждает это обстоятельство. Далее, в этом же параграфе, Юнг замечает, что "здесь снова материя и дух являются идентичными", тем самым отражая психоидное качество, обусловленное появлением в бессознательном Меркурия. Лексика, которая активно используется Юнгом при цитировании, прямо свидетельствует о присутствии фаллоса.

Юнг употребляет понятие *anima mundi*, которое относится к женственности, для описания участия в сотворении Мира маскулинности, и такое положение вещей запутывает психоаналитические теории, о чем я уже упоминал ранее. Можно понять, как это случилось. Кажется, что в алхимии не существовало никаких признаков, символизирующих первичный фаллос столь же явно как *anima mundi* представляет первичную душу. Однако в необходимой для сотворения Мира маскулинной энергии востребовано и нечто другое. Появляется потребность в первичном фаллосе (*phallos protos*), который алхимики нашли в Святом Духе. Скорее всего, путаница возникает при включении мужского по своей сущности и деятельности Святого Духа в *anima mundi*. Включение Меркурия в некоторой степени спасает ситуацию, ибо он распространяется и на тело, и на дух, но в моем понимании этого недостаточно. И Святой Дух, и Меркурий — это мужские образы, находящиеся в подчинении у женственной души.

Образ *anima mundi* помогает справиться с этой путаницей. Ось — проходящая через центр линия, вокруг которой совершается некое вращение или существует симметричная структура. Поскольку форма этой оси однозначно фаллическая и несет в себе космический смысл, она представляет собой образ, определяющий изначальное присутствие маскулинности. Она служит необходимым дополнением к великому кругу Нойманна или к матриархальному уроборосу, да и ко всем остальным формам, которым соответствует круглый или овальный символ первичной женственности. Мировая ось пронизывает земной шар, тем самым способствуя установлению связи с космосом.

Axis mundi редко упоминается в качестве архетипического символа в психоаналитической образно-психологической литературе. Я ни разу не видел, чтобы она имела особенную фаллическую интерпретацию. Роджер Кук в книге "Дерево жизни" пишет:

Образ Космического Дерева или Дерева Жизни относится к определенной категории мифов, обрядов, образов и символов, которые в совокупности создают то, что исследователь истории религии Мирча Элиаде назвал "символизмом Центра"... Это особенно заметно по

человеческой одержимости в попытках проникнуть в природу вещей, которая, в конечном счете, свойственна многим мифам. Центр - это, во-первых и главным образом, точка "абсолютного начала", в которой впервые происходит прорыв скрытой энергии таинства... На символическом языке, характерном для мифологии и религии, эта точка часто называется "пуповиной земли",

Axis mundi в качестве Древа Мира (фрагмент обрядового одеяния, Кру, Суматра)

"Божественным Яйцом", "Зародышем" или "Истоком истоков". Ее также можно себе представить в виде вертикальной оси, "космической оси" или "оси мира" (*Axis mundi*), которая расположена в центре Вселенной и проходит через три космические сферы: небо, землю и подземный мир. В небесной сфере она крепится либо к Полярной Звезде, либо к Солнцу, и относительно этих неподвижных точек происходит движение небесных тел. С неба она опускается в подземный мир, пронизывая земную сферу.

Эта идея космической оси... которая является очень древней (четвертое или третье тысячелетие до нашей эры) и распространена везде и всюду, находит свое воплощение преимущественно в трех образах. Это Столб или Полус, Древо и Гора⁵⁷.

Сочетание женского и мужского образов (пуповина и яйцо относятся к женским образам, а семя и исток — к мужским) указывает

на психодные черты символической системы, на которую опираются Элиаде и Кук. Особенность, связанная с наличием оси, ее фаллической формой и фактом проникновения через земную твердь, недвусмысленно указывает на маскулинный аспект "Центра" и мифологемы о его происхождении. В силу существования ядра, вокруг которого вращается весь природный мир, *axis mundi* может содержать у себя внутри предвосхищение патриархального утверждения о своем превосходстве. Однако, с точки зрения развития *unus mundus*, такое патриархальное утверждение является столь же бессмысленным, как и указание на чисто матриархальное происхождение. Кроме того, понимание участия маскулинности в мифологеме о происхождении лишено своей отправной точки в отсутствие первичного символа, способного существовать самостоятельно. Новое Сознание появится у человеческого создания лишь при определенных условиях равенства, и такое появление полностью исключается как реакция на то или иное событие или на его последствие. В последнем случае всегда имеет место подчиненность и вторичность, которые приведут к психологическому противодействию и борьбе за первенство, как это было со Старым Сознанием (матриархальным) и с Актуальным Сознанием (патриархальным).

Возможно, самый значительный вклад в понимание смысла *axis mundi* в современные учения внес Мирча Элиаде в книге "Шаманизм". С античных времен шаманы были целителями, в первую очередь в племенах Индии и Сибири. Они проходили жесткую процедуру обучения и инициации, ибо имели божественное призвание к исполнению миссии целителя. Шаманы использовали *axis mundi* "карабкаясь по ней... и, находясь в состоянии экстаза, совершая странствие к Центру"⁵⁸. Такая возможность существует, поскольку *axis mundi* как Дерево Мира имеет свои корни в мире подземном, ствол — в окружающем нас мире, а крону — в небесной сфере. По словам Элиаде, дерево случайно может быть перевернуто и обращено своими корнями вверх и т. д., что является дополнительным аргументом его натуралистической фалличности⁵⁹. В момент жертвоприношения животного, совершаемого шаманом внутри вигвама, полюса, поддерживающие архитектуру помещения и окружающие отверстие в крыше, через которое выходит жертвенный дым (так шаман возносится на небеса вместе с даром), символизируют *axis mundi* и тем самым подтверждают фаллическую интерпретацию. В этом отношении Элиаде утверждает, что ось, конечно же, проходит сквозь отверстие, через "дыру"; именно через эту дыру боги спускаются на землю, а

мертвые — в потусторонний мир; через эту же дыру душа шамана может в экстазе взлететь ввысь или спуститься вниз во время своего путешествия в ад или в рай⁶⁰.

Да, это фаллос, "совершающий полеты" вверх и вниз в "дыру", пытаясь достичь экстатического состояния, выходящего за границы эго — именно того наслаждения, которое ищет в эротической жизни мужчина и которое является главной причиной того, что принижение роли фаллоса Нойманном до "низшего фаллоса" все-таки оказывается неподходящим.

Axis mundi — древний образ, необходимый современным людям, ибо они в некоторой степени переживают распад патриархального Актуального Сознания. Подчинение возрождающемуся матриархальному сознанию не является ни культурным, ни личностным решением. Оно само по себе регрессивно и естественно приведет к возрождению жесткой патриархальной установки, тщетно защищающей мужскую идентичность. У мужчин нет никакой необходимости опасаться женщин и отреагировать на них свой страх в роли раба или тирана, едва установится первичный процесс внутренней связи с фаллосом, и этот процесс подвергнет-:я определенному воздействию. Axis mundi, имея в виду безусловный и вместе с тем искусный героизм шамана, — это просто входной билет, не более.

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ФАЛЛОСА

Архетипические образы могут послужить в качестве иллюстрации разнообразия деятельности психики. Вообще говоря, процесс восприятия архетипических образов можно представить себе так: на фундаментальном уровне — это психоидное бессознательное, примитивная и недифференцированная энергия, искры которой постепенно развиваются в целый паттерн. Сам паттерн воспринимается людьми в качестве образа: такие образы существуют в древних легендах, которые передаются из уст в уста из поколения в поколение на протяжении столетий и даже целых эпох. Они существуют в сновидениях и постоянных повторениях типичных способов человеческих переживаний. Вместе с рождением человека начинается развитие паттерна в качестве образа "матери", "отца", "голода" и т.п. Если бы в нашей жизни не существовало таких паттернов, история человечества должна была всякий раз создаваться вновь с каждым новым рождением. В связи с этим Юнг предположил

наличие тесной связи между архетипом и инстинктом. Каждый младенец вступает в этот мир с небольшой, но очень важной совокупностью базовых инстинктов. Они ему "даны" от рождения. Точно так же обстоит дело с появлением психических паттернов.

Я рассматриваю тему фаллоса, которая является очень существенной, сопоставимой с матриархальным фактором в фундаментальном психоидном бессознательном. Фаллос оказывается весьма существенным аспектом основного паттерна. Основной паттерн — это источник сакрального и нуминозного компонента человеческого переживания. В каждый момент времени переживание человека переплетается с нуминозностью и смыслом, перекликается с отдельной личностью и народами через мифы, легенды, а также их различные переложения в процессе повседневной человеческой деятельности. Далее я обращусь к некоторым древним историям, в которых архетипические образы действуют как мифические персонажи, воплощающие фаллический паттерн, воспринимаемый нами в качестве бога или героя.

Гермес

Гермес, греческий бог торговли, изобретательности, коварства, воровства, который к тому же был вестником других Олимпийских богов и сопровождал души умерших в царство Гадеса, представляет собой один из примеров и образов фаллоса. Имя Гермеса в древней Греции связывается с грудями камней, служивших указателями границ, пересечения дорог и знаков разделительных межей. Они назывались гермами.

Рафаэль Лопес-Педраса в книге "Гермес и его дети" пишет, что эти каменные груды, гермы, рассеянные по всей стране — точно так же несколько позже в Европе были распространены распятия — эти груды камней были "архетипическими образами Бога. Согласно другому источнику, гермы создавались в силу существовавших тогда обычаев. Каждый прохожий должен был в честь бога Гермеса бросить камень в кучу, которая каждый день увеличивалась"⁶². Таким образом, эрекция возводилась, если можно так выразиться, проходящим мимо мужским братством.

На мужском братстве я делаю акцент. Связываясь между собой, мужчины устанавливают мужскую и фаллическую идентичность. Далеко не все мужчины осознают связь с другими мужчинами и степень ее важности для установления мужской идентичности. Элдер, которого я цитировал ранее, указывал, что если оригинальные гермы представляли собой довольно примитивные каменные груды, со

временем они превратились в каменные столбы, увенчанные сверху головой Гермеса и "демонстрируя впереди эрегированный фаллос с яичками,, который находился в резком контрасте с гладкой и невыразительной окружавшей его поверхностью"⁶³. Такое развитие формы делает фаллическую идентичность "каменной груды" значительно более явной.

Определение границ само по себе является фаллическим проявлением. Пациент вернулся после посещения бунгало, которое они несколько лет назад построили вместе с другом на западном побережье в глухом лесу. Войдя в мой кабинет, он с придыханием сказал: "Мне открылся смысл жизни". Он просто отправился в свое бунгало с подругой. Гордость, которую он почувствовал, воссоединившись со своей собственностью, и пребывание там вместе с женщиной дали ему ощущение "полноты" жизни. Его бунгало представляло собой обыкновенный сельский дом, лишенный городских удобств. Долгое время пациент находил в себе силы сопротивляться множеству предложений по улучшению в доме бытовых условий со стороны своих друзей, которые пользовались этим цомом. Ему доставлял огромное удовлетворение сам факт владения им. На этой земле он установил свой психологический герм, и то, что его герм вызывал к себе уважение и хозяин обладал необходимой властью, чтобы это уважение потребовать, привел его к непосредственному, чувственно воспринимаемому соприкосновению со своей фаллической идентичностью. Посетив этот дом, они вместе с подругой получили большое наслаждение.

Таким образом далеко не всегда можно узнать Гермеса. Еще ребенком Гермес увел у Аполлона стадо коров; богами он считался вестником и посланцем Олимпа; кроме того, он сопровождал души умерших в мир Гадеса. Зачем же тогда он обозначал границы и корежил землю гермами?

Здесь заходит речь о владении и собственности, то есть о внутренних свойствах фаллоса. Развитие фаллического паттерна приводит к развитию / мужчины потребности в том, чтобы завладеть тем местом, куда он вошел. (В русском языке есть очень уместный глагол — "застолбить". — В.М.) Возможность потери фаллоса в процессе проникновения в женщину и пребывания у нее внутри восстанавливает у мужчины потребность в независимости, которую он испытывает, встречаясь со своей матерью. Следствием таких отношений становится кастрация. Мужчине грозит опасность поглощения женщиной, в которую он входит (отсюда появление

символа *vagina dentata*, зубастое влагалище, общеизвестный символ пожирающей матери). С сексуальной точки зрения феномен овладения важен тем, что по аналогии распространяется на любую собственность и богатство, поскольку, согласно "первому шагу" Юнга, земля и все, что она производит, относится к сфере женственности. На этом уровне противоядием от кастрации становится чувство собственности, ощущение находящейся во владении сущности

Слева — мраморный столб с головой Гермеса, VI век до нашей эры (Национальный Музей, Афины); справа — бог войны у индейцев племени Зуни, живших на территории Мексики

Однако кастрация не является единственным следствием. Мужское содружество имеет свои корни в почитании присутствия фаллоса в мужском кругу, которое совершенно отличается от вовлеченности

женственности. После того, как маленький Гермес угнал стадо у Аполлона, тот поймал воришку и привел его к великому Зевсу. Зевс велел вернуть стадо Аполлону, и Гермесу пришлось подчиниться. Скрытый смысл возвращения украденного заключается в признании власти собственника. По сути, в данном случае Зевс выступил в роли судьи, и Аполлон, постоянный носитель конвенций и умозаключений, не упустил случая. Гермес подчинился воле старших богов. Он обуздал свои порывы и ограничил свои прихоти. Принятие ограничений Нойманн включил в описание так называемого высшего фаллического сознания; эти ограничения возникают, когда осознание мужчиной хтонического, импульсивного, "всепоглощающего" ("take-it-all") фаллического поведения требует некой модификации. Мужчины осознают это обстоятельство, открывая для себя удовольствие и чувствуя себя в безопасности в качестве владельцев собственности. Взаимное признание братского собственности приводит к "бросанию каждого камня на растущую в течение дня груду", то есть на создание фаллического герма.

Это вовсе не означает, что хтоническая фаллическая импульсивность оказывается вредной или как бы внутренне "низшей". Позже Гермес станет провожать умерших в очень хорошо известный ему подземный мир. Не зная хтонического подземного мира, нельзя быть там проводником. Поскольку Гермесу знаком хтонический фаллос — как не признает границ вор, похищающий у брата собственность, — он сам становится гермом, знаком, указывающим на признание границ. Гермес служит примером парадоксальной природы психики, как и сами психоаналитики, которые прежде чем стать целителями, должны раскрывать собственные невроты и работать с ними. Никто не может знать того, чего не знает никто.

Меркурий

Гермес и Меркурий — это образы, свойственные одному и тому же паттерну: Гермес — греческому, Меркурий — римскому. Юнг обращал особое внимание на ртуть, алхимическое воплощение Меркурия, придавая ему особое значение. Меркурий не идентичен Гермесу, как не бывает двух одинаковых мифических богов, даже с одним и тем же именем. Различия архетипических образов представляют собой отражение разнообразных проявлений архетипических паттернов в поведении человека. Паттерн имеет характерную структуру, поэтому его можно распознать у совершенно разных людей, несмотря на то, что существующие между людьми различия делают уникальной каждую личность. Архетипические

образы можно сравнить с человеческими лицами. Каждое лицо имеет глаза, нос, рот и т.д., которые являются компонентами одного паттерна. Вместе с тем в совокупности они всякий раз составляют индивидуальное лицо.

Юнг отмечал, что Меркурий "веками, вплоть до нашего времени, живет под странными личинами"⁶⁴. Будучи для Юнга духом деяния средневековых алхимиков (*opus*), он считался открывателем божественных тайн или, принимая форму золота... становился душой металла, сияющего всеми цветами радуги... или делал плодоносным философское дерево... был вестником богов, герменевтом (интерпретатором)... ицифаллическим (находящимся в состоянии эрекции) Гермесом... "постоянное совместное сосуществование", которое в форме слияния имело место в тантрической концепции Шивы-Шакти⁶⁵.

Юнг рассыпается в похвалах скандалисту Гермесу-Меркурию, с самого детства известному своим коварством вору, знакомому с хтоническим подземным миром, обладающему ярко выраженной фалличностью.

Юнг дает такое описание многочисленных качеств обворожительного Меркурия:

(1) Меркурий состоит из всех мыслимых противоположностей. Таким образом, он есть ярко выраженная двойственность, которая при этом постоянно именуется единством, хотя его многочисленные внутренние противоположности в любой миг готовы распасться на столь же многочисленные и с виду совершенно самостоятельные фигуры.

(2) Он и материален, и духовен.

(3) Он — процесс превращения высшего материального в высшее духовное, и наоборот.

(4) Он — черт, спаситель и психопомп, неуловимый "трикстер", и, наконец, он является отражением Бога в материальном мире.

(5) Он к тому же — зеркальное отражение мистического переживания алхимика, которое совпадает с *opus alchymicum* (алхимическим продуктом).

(6) В качестве такого переживания он представляет, с одной стороны, Самость, с другой — индивидуационный процесс, а также, в силу бесконечного числа своих определений, — коллективное бессознательное⁶⁶.

В своем описании Меркурия Юнг проявляет уважение к его ритуальному фаллосу, "подземному богу, 'не названному по имени'" в

своем детском сне, к которому он обращался всю жизнь. Приведенное выше краткое описание выражает психодную природу фаллоса несколько необычным способом. Но читатель может спросить: "А причем здесь фаллос?" Во-первых, Меркурий изображается мужчиной. Он воспринимается как мужчина, даже обладая двойственными мужско-женскими чертами или появляясь в женском обличье, о чем будет сказано ниже. Во-вторых, Меркурий донкихотствует: он приходит и уходит, поднимается и падает так же необъяснимо, как это происходит с фаллосом. В-третьих, Меркурий маскируется и прячется, так что никто не может быть лолностью уверен в том, что это именно он. Он такой же обманщик, как фаллос. Он вялый на вид; он появляется из-под кожного покрова; он вырывается между ног и всем своим видом показывает, что ему ничего не интересно. Играя роль джентельмена, он строит основу для соблазна. Высказывая суждение, он находит любую возможность для отступления, чтобы завлечь свою жертву в удобную для него ситуацию. "Разрешите мне пригласить вас на обед?" "Не желаете что-нибудь выпить?" "Как насчет того, чтобы поехать прогуляться?" У меня есть дочь. Я слышу телефонные разговоры, в которых звучат завуалированные предложения. И у меня есть сын. Его телефонные разговоры с девушками совершенно иные. Девушки интересуются, как он живет, как у него дела, они могут даже манипулировать им, но у них отсутствует имитация фаллоса.

Дух Меркурия — это мужской инстинкт; дух покрыт оболочкой мужского тела и стремится выразить себя через фаллос. Выпущенный на волю Меркурий, согласно Юнгу, "становится одним одухотворяющим началом всего сотворенного на земле"⁶⁷. Женственность ждет одушевления ее потенциальных возможностей, совершения над собой насилия, как выражается Марион Вудман⁶⁸. Семя, которое извергается из фаллоса, приносит новую жизнь, превращая ее потенциал в реальность. Вот почему отцы защищают своих юных дочерей, оттягивая оплодотворение. Отцы знают, что представляют собой молодые люди.

Дух может найти свое проявление, а может, — нет. Одушевленный фаллос становится причиной того, что подростки всегда испытывают смущение, находясь на публике в одиночку, — они оживают, только собравшись в группу, как это произошло с мальчишками, открывшими Великана из Церна. Мальчики никогда не знают, когда фаллос даст о себе знать. Они не уверены в своей способности к эрекции; такая уверенность у них появляется только после объединения в братство.

Во время написания этой книги мне пришлось выступить в Клубе

Аналитической Психологии в Нью-Йорке. В конце выступления встал старый, но периодически практикующий аналитик Эрло Ван Вейверен, сидевший на первом ряду, и горячо воскликнул: "А где же дух? Вы прочитали нам выдержки из вашей книги, но ведь без духа не может быть фаллоса! Дух и фаллос — это одно и то же!"

Я был в ужасе от такой публичной критики, но вдруг почувствовал его правоту. В моем выступлении отсутствовало жизненное начало, основной грех, приписываемый фаллосу. Я засмеялся, согласившись со своим оппонентом, Смеющийся снимает заклятие, наложенное солярной маскулинностью логоса, выступающего в роли суперэго (его часто называют негативным отцовским комплексом). Жизнеутверждающий дух, трансформирующий пенис в фаллос, уже распирало от переполнения, но теперь у него у него появилась возможность вырваться на свободу.

Дух приходит к человеку "прошенный или непрошенный", как написал Юнг над своей дверью в Кюснахте⁶⁹. Но он приходит всякий раз, когда человек остается в одиночестве. Непрошенный, он приходит из бессознательного без предупреждения, быстро превращая пенис в фаллос, мальчика в мужчину, приводя человека в крайнее изумление. Прошенный, он приходит после необходимой подготовки, как это происходит в процессе мужской инициации, рассчитанной на то, чтобы выпарить дух из бессознательного и создать эрекцию, необходимую для эякуляции. Во время своего прихода, прощенного или непрошеного, фаллос придает мужчине ощущение жизни, когда он чувствует трепет от происходящей у него внутри трансформации. Мужчину поражает появление внутренней силы там, где еще совсем недавно ощущалась лишь вялость. Без всяких премудростей фаллический дух исходит от матери как таковой, вне зависимости от его проявления в физиологической эрекции. Это и есть глубинная и архетипическая маскулинность.

*Меркурий в "философском яйце" (алхимическом сосуде).
Он стоит на солнце и луне, соответствующих символах мужского
и женского начала (Mutus liber, 1702)*

Донкихотская черта Меркурия, способность появляться и внезапно исчезать, быть посредником при трансформации духа в материю, позволяет отождествить его с фаллосом. Если влияние ртути чем-то сдерживается, как это случилось во время моего выступления перед аудиторией, мужчина становится импотентом; у него отсутствует дух Меркурия. Выступая перед аудиторией, я был охвачен страхом получить негативную оценку в важной для меня области со стороны присутствующих там авторитетных аналитиков, которых я считал носителями логоса, высшей маскулинности. Это в точности совпадает с утверждением Фрейда относительно кастрации мужчины мужчиной. Работала динамика, описанная Нойманном. Первичный, духовно незрелый фаллос поник. К счастью, пришел в действие противоположный мужской динамический процесс.

Мое признание справедливости критики Ван Вейверена, сходное с положением Гермеса, стоящего перед Зевсом, моя связь с ним через смех, содержащий дыхание хтонического плута, и перемена, обусловленная возникновением ощущения братства в моем контакте с аудиторией, — все это указывало на быстрое возвращение Меркурия, когда из глубин появился фаллический дух.

По словам Юнга, Меркурий является проводником. Если только он

появляется, то ведет себя очень характерно; если исчезает, вместе с ним исчезает и желание, которое невозможно создать искусственно. Дух, ставший активным, означает констелляцию сексуального интереса. Дух, лишенный активности, означает потерю веры. Наличие эрекции свидетельствует о присутствии Меркурия. Присутствие или отсутствие Меркурия становится критичным и в контексте постельных сражений, и в контексте своевременной доставки газеты. Чисто внешне можно говорить о "низшем" фаллосе в постели и "высшем" фаллосе на подиуме, однако за этим противопоставлением, как отметил Ван Вейверен, стоит то же присутствие или отсутствие Меркурия. Основой для существования Меркурия является психоидное бессознательное, и прямо из этого источника движется поток его энергии в хтонический и солярный фаллос, ибо архетипические паттерны строятся на общем основании.

Меркурий как фаллос позволяет понять, что имел в виду Юнг, называя его "оплодотворяющим началом (fructifier) философского дерева". Слово "оплодотворять" (fructify) пришло в английский язык из французского в результате комбинации латинских слов fructus — "плод", и facere — "делать". Фаллос Меркурия — это духовное оплодотворяющее начало философского дерева. Он сначала заставляет дерево расти (эрекция), затем создает семя, которое извергает фаллос, *logos spermatikos*, которое, в свою очередь, открывает доступ к плодам философского дерева, то есть — к знаниям. В дереве также можно увидеть осеменяемое фаллосом материнское начало, а в его плоде — ребенка, рожденного после оплодотворения женщины. Дерево, о котором упоминает Юнг, — это философское дерево, позволяющее ярче проявиться макулиности или логосу. Сопоставление Юнгом оплодотворяющего начала и философского дерева указывает на близость сексуального и интеллектуального образного представления фаллоса. Хтонический фаллос порождает знания как плоды, выросшие из его семени-духа. Это очень хороший пример того, как Юнг строил свои умозаключения на теории сексуальности Фрейда, чтобы исследовать процесс, продолжавший оставаться инстинктивным в образном представлении, но имевший гораздо более широкое приложение⁷⁰.

На иллюстрации XIV столетия, находящейся в Библиотеке Лоренцо Медичи во Флоренции, приведено изображение философского дерева в виде фаллоса⁷¹. На ней показан лежащий на земле мертвый обнаженный мужчина, у которого из промежности растет огромное цветущее дерево. Грудь мужчины пронзает стрела. Юнг называет ее

"стрелой Меркурия" и говорит, что из нее произрастает "arbor philosophica"¹¹.

Здесь нам раскрываются сложные отношения между физиологическим (хтоническим) фаллосом и фаллосом философским (солярным), которые имеют такой вид вследствие необходимости изображения одного через другое. Стрела Меркурия может указывать на необходимость человека в смещении на какое-то время своей физиологической потребности для решения поставленных логосом задач, — в таком случае мы киваем на Нойманна. Я не опровергаю такое смещение акцента, когда оно соответствует действительности. В таком случае я бросаю вызов, отвергая хтонический фаллос в пользу солярного.

Иллюстрация XIV столетия из Библиотеки Лоренцо Медичи

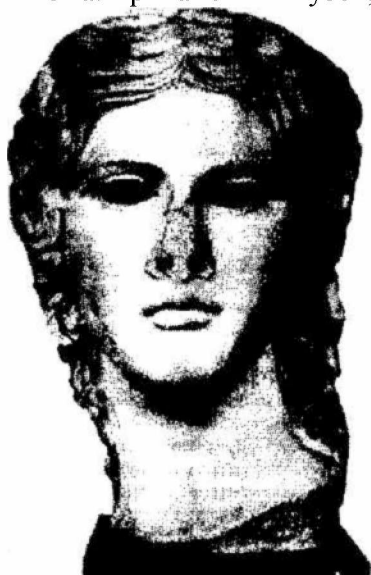
Дионис

Вот описание бога Диониса Вальтером Отто:

Сам Дионис, поднимающий жизнь на вершины экстаза, — это страдающий бог. Переломы, которые он вызывает, появляются вследствие внутренних шевелений во всем живом. Но там, где затрагиваются эти глубины, наряду с рождением и жизненным

переломом, возникают руины и царит ужас".

"Слияние и спутанность мужских и женских черт... выражена в архетипическом образе Диониса" (Резьба по камню эпохи позднего эллинизма. Британский Музей, Лондон)

По сравнению с судьбой Аполлона, тщательно обдумывающего и взвешивающего каждый шаг, Дионис — бог странный. Он немного сумасшедший, импульсивный, неуравновешенный. Согласно Нойманну, Аполлон олицетворяет солярный, "высший" фаллос; его характерная особенность заключается не в погружении в экстаз, а в размеренности и соблюдении порядка. У Диониса все иначе. Внутренняя связь Диониса с женственностью вызывает у него сильные эмоции, он больше склонен чувствовать, чем говорить о чувствах. Чувства Диониса затронуты истерией. Приверженцам Аполлона такая чрезмерность в выражении чувств кажется непереносимой. Поклоняющимся Дионису она свойственна в высшей степени; им даже приходится утомляться, собирая ее по частям. Совершенно очевидно, что Нойманн был приверженцем Аполлона: дионисийский "низший" фаллос должен пройти через трансценденцию (читайте: быть отвергнутым).

Эсхилл называл Диониса "женственным"; Эврипид — "женоподобным скитальцем". Иногда его звали "мужчина-женщина"⁷⁴. Дионис всегда находился в сопровождении свиты окружавших его женщин, демонстрировавших эротическую сторону его жизни и создававших его культ. Его окружение составляли: жена

(Ариадна), мать (Семела), спутница (Афродита), а также его возлюбленные (нимфы и менады). Ему поклонялись женщины, принимавшие участие в ритуальных шествиях и празднествах, которые проявляли дикое возбуждение в присутствии эрегированного фаллоса, находившегося в центре процессии. Во время дионисийских празднеств женщины доходили до крайней степени неистовства, выразившейся в том, что они разрывали на куски и поедали своих детей. Мужчины, присутствующие в мифах о Дионисе, — Сатир, Центавр и Силен; каждый из них является воплощением сладострастия. Доступность женщин вызывала первобытную простоту в обращении с ними; грубая мужская толпа и пьяный Силен (наставник Диониса) были подвержены влиянию присущей Дионису атмосферы подземного мира, — первобытной природной сущности, исходящей, по словам Вальтера Отто, "из первоисточников всего живого"⁷⁵. Таким образом, хтоническая маскулинность (фаллос) и хтоническая женственность (материнская утроба), выражая вместе иррациональность и оргию, слились в единое целое в образе Диониса.

Даже в "Энциклопедии Лярусс" существует предположение, что Платон сравнивал с Сократом старого пьянчужку Силену, ковыляющего туда-сюда верхом на осле, тем самым наделяя мудростью проявлявшийся неоднократно дионисийский бисексуальный фаллос⁷⁶. При всей его дикости, никто не стремится избежать Диониса: его женщин, пребывающих в состоянии экстаза, его обнаженных фаллических мужчин, пьянства его дурацкого наставника, — то есть, всего такого мракобесия. Мифолог Карл Кереньи пишет, что бог-плут (трикстер, такой как Гермес или Дионис) представляет собой трансперсональный источник особого стиля жизни и способа мировосприятия... трансцендентный по отношению к научному взгляду на мир... Этот аспект чрезвычайно реален, оставаясь в сфере естественного переживания... Только в этой точке мы пересекаем границу восприятия, основанного на чувственных ощущениях, не выходя за пределы той сферы, которая, несомненно, относится к фаллической реальности⁷⁷.

Несколько ненормальное поведение Диониса и его свиты относится к психической реальности, в которой им должно быть отведено отдельное помещение, независимо от того, насколько Аполлону и его приверженцам будет приятно такое соседство. То обстоятельство, что у Диониса внутри существует не только фаллос, но и очень сильные характерные черты женственности, заставляет его переживать мучительные страдания, о которых выше говорил Отто. В

архетипическом образе Диониса слияние и спутанность маскулинности и женственности находят свое выражение в психоидном бессознательном.

По сравнению с прямолинейным и непреклонным Аполлоном почитатель Диониса чувствует себя неуверенно. Мужчина испытывает болезненные ощущения, узнав, что в его маскулинности имеются элементы женственности которым на первый взгляд нет места в общепринятых канонах мужского поведения. Он хочет войти в мужское сообщество, но никак не может это сделать. Вместе с тем он не в состоянии отделиться от него совсем. Мужчина дионисийского типа видит себя по близости от того что им ощущается как чисто фаллическая идентичность. У него отсутствуют проблемы связанные с сексуальной идентичностью, как если бы он стремился выполнять одну полоролевою функцию, внутренне ощущая в себе другую. Он знает точно, что он мужчина и чувствует в себе мужское влечение, которое может удовлетворить женщина. Поэтому он общается с женщинами так, как не может общаться ни один мужчина аполлонического типа. Он боится, что существующая в нем примесь женственности вызовет отвержение мужского братства. Его страдания передаются женщинам, которые его любят; подобно менадам, они могут довести себя до сумасшествия, испытывая недостаток определенности.

Как архетипический образ Дионис имеет ряд причин, объясняющих, почему психологическая идентичность гермафродита не требует включения мужчины из мужского сообщества. Во-первых, существует гораздо больше дионисийских мужчин, чем считают бойцы Американского Легиона, и многие из дионисийцев пьют вино своего бога в барах, где собираются американские бизнесмены, спортсмены, политики и рабочие — типичнейшие представители современного аполлонического культа. Во-вторых, как видно из праздничного окружения Диониса, жен-дины больше тянутся к дионисийским мужчинам. Возможно, в наше время женщины любят Диониса больше, чем когда-либо еще, вследствие влияния феминизма, который у некоторых женщин стимулирует новоявленное почитание женственности. Мужчины, привлекающие женщин, состоят в мужском братстве. Более того, как только мужчина приводит к осознанию и уважению своей комплементарной половой составляющей, претерпевает изменения само братство. Третье, и самое важное обстоятельство заключается в трансгрессии, которая стоит за дионисизмом личности мужчины. Соляная маскулинность, так

хорошо совместимая с эго при патриархальном мышлении, ценит прямой и узконаправленный, постоянно определенный, линейный в своей перспективе фаллос. Однако психоидное бессознательное возражает против него, заставляя его сталкиваться с противоположностью и включать ее в себя.

Интеграция хтонического фаллоса (со всеми присущими ему женскими обертонами) и солярного фаллоса — это задача сознания и процесс, внутренне присущий дионисийскому образу. По мере того как этот процесс происходит с мужчиной, он все больше приближается к *unus mundus*, где исполнение желаний является зеркальным отражением страданий. Чем больше личность мужчины принимает Диониса, тем менее сумасшедшим становится его образ.

Зевс и Ганимед

На берегу озера в Цюрихе, где кончается Банхофштрассе, в самом живописном месте города стоит пятнадцатифутовая металлическая скульптура Ганимеда. Когда я приехал в Цюрих в 1972 году, то не обратил на нее никакого внимания. Для меня это была одна из немногих современных скульптур, которых полным-полно в Цюрихе. Кстати говоря, Институт Юнга находится на расстоянии пятнадцати кварталов от этой скульптуры, если идти вдоль озера и острова. Можно спокойно прогуляться к институту от конца озера у Банхофштрассе, что я довольно часто делал: через мост над Лиммат, мимо здания оперы и музея. Сейчас, пока я пишу этот текст, мне ничего не стоит вспомнить почти каждый магазин, любой поворот дороги. В радиусе порядка двадцати кварталов вокруг этой статуи находится центр города, столь же древний, сколь современный. В самом сердце его центра возвышается весьма импозантная скульптура Ганимеда.

Скульптура Ганимеда в Цюрихе

Может быть, читатель точно не знает, кто такой Ганимед и какое особое значение имеет его скульптура? Он там стоит, возвышаясь над толпами людей, снующих туда-сюда, как перевозчики через озеро, — пятнадцатилетний юноша, полный энергии и жизни, поднявший одну руку к небесам, а другую положив на сидящего орла. Он смотрит на орла так, словно перед ним его любимая собака.

Через год после своего прибытия в Цюрих я узнал, кто такой Ганимед. Он был возлюбленным Зевса. Согласно "Энциклопедии Лярусс",

Зевс был им очарован, и в надежде сделать из него своего фаворита, велел орлу его похитить... и доставить на Олимп. Вместе с тем говорится, что Зевс сам принял облик орла, чтобы принести к себе прекрасного юношу⁷⁸.

Я был очень удивлен. Здесь, в самом фокусе самого миролюбивого и конвенционального города западного мира находился мальчик, почти что похищенный высочайшим богом, желавшим навсегда превратить его в своего сексуального партнера и слугу, сделав прислужника богов из юноши, "который всех радовал своей красотой"⁷⁹.

Почему? Мы знаем, что Зевса сильно тянуло к женщинам. Его женами были: Метис (Мудрость, которую он проглотил, прежде чем она родила Афину); Темис (Закон, мать времен года и правосудия); Мнемо-зина (мать Муз), Евронима (мать Граций); и, наконец, Гера, богиня брака и материнства, считавшаяся его законной супругой. Приняв образ быка, он совершил насилие над Деметрой, и в результате этого союза появилась на свет Персефона. Кроме того, он увлекался дочерьми титанов, нимфами и даже смертными женщинами. Но почему Ганимед?

Ключ можно найти в "Энциклопедии Лярусс": "Зевс был высшим богом, соединявшим в себе все божественные атрибуты"⁸⁰. Все атрибуты божественности в основном включают в себя маскулинность и женственность, в том числе черты Гермеса и Диониса, двух представителей олимпийского сонма богов. Находясь под влиянием своей женственности, Зевс, по всей вероятности, был очарован юным и привлекательным Ганимедом. С точки зрения своих качеств Гермеса Зевс мог оказаться под воздействием импульса украсть того, кто принадлежит Аполлону. (Здесь можно поискать объяснение того, почему аполлонические власти Цюриха поместили эту скульптуру в центре города: в силу бессознательной потребности войти в контакт с теневым аспектом своей осмотрительности.) С точки зрения своих

дионисийских качеств Зевс мог случайно ощутить потребность прийти в дикое состояние, почувствовать страдания бога, который проживает свою бисексуальную фаллическую сущность.

На другом уровне влечение Зевса к Ганимеду могло бы найти объяснение в гомосексуальном нарциссизме: в любви к самому себе, отвлекающей мужчину от эротической связи с женщиной и требующей партнера, который является его собственным зеркальным отражением. Известно, что боги в стремлении хорошо выглядеть и склонности к самообожанию нуждаются в обожании простыми смертными, — а это самые характерные черты нарциссизма. Кроме того, несмотря на интерес Зевса к женщинам в небольшом и подзабытом впоследствии открытии Юнга, сделанном в эссе "Рыба в алхимии", предполагается иная возможность. В этом эссе Юнг цитирует средневекового алхимика Арислея, утверждающего, что "очень маленькая рыбка, достигающая центра вселенского океана... обладает силой, способной останавливать огромные корабли"⁸¹.

Эго, которое считает себя большим и важным, обладает гораздо меньшей силой, по сравнению с невидимой и, на первый взгляд, непоследовательной Самостью. Психика парадоксальна. Самость, конечно же, не является непоследовательной, безотносительно к тому, что может про это подумать эго. В соответствии с деятельностью психики, в случае Зевса и Ганимеда последний играет роль маленькой рыбки, а Зевс — огромного корабля. И тогда Ганимед остановил Зевса.

Юнг вновь цитирует Арислея, а вслед за ним другого алхимика — Бернарда Тревизана: "Природа не улучшает саму себя." "Значит, наш материал не может улучшить сам себя"⁸².

Вся картина пропитана идеей улучшения природы. Данная идея позволяет увидеть нарциссический аспект отношений между Зевсом и Ганимедом в совершенно ином свете. (Можно поспорить на тему, возможно ли богу улучшить самого себя, однако при этом мы возвращаемся к парадоксу "маленькая рыбка/большой корабль".) Улучшение могло бы означать для Зевса очень многое. Это может быть связано с отношениями возраста и молодости. Вместо обещанного ореола славы старого мудрого человека мужчины обычно понимают старение как уменьшение энергии и силы и сожалеют об этом. Это потеря юного хтонического фаллоса. Безотносительно к тому, является мужчина гомосексуальным или гетеросексуальным, его привлекают к себе молодые мужчины, какими бы разными эти влечения ни были. Для гомосексуалистов эротическое влечение становится непреодолимым. Но если мужчина является дедушкой,

очарованным своим внуком, или же стареющий гомосексуалист видит в юности свое подобие, архетипическая динамика юности облегчает переживание прожитых лет. На сцене появляется новый фаллос. Точно так же в гомеопатии подобное лечат подобным: *similia similibus curantur*. Мужчина часто испытывает потребность в другом мужчине, способном оказать ему помощь и не имеющем предрассудков относительно его эротического интереса к женщинам. Здесь имеет место связь с фаллосом как с источником жизни и либидо — как с мужским богоподобием, которое может потребоваться даже архетипическому образу бога.

Очень хорошо об этом пишет Д.Х.Лоуренс в своей книге "Влюбленная женщина":

Геральд действительно любил Биркина, хотя совершенно в него не верил. Биркин был слишком нереальный; умный, разборчивый, восхитительный, но совсем не практичный. Геральд чувствовал, что его собственное понимание гораздо более явственно и безопасно. Биркин был прекрасный, восхитительный дух, но вместе с тем его нельзя было принимать всерьез, среди мужчин он не мог считаться равным среди равных...

*Внезапно он [Биркин] ощутил, что столкнулся с другой проблемой — проблемой любви и вечного взаимного единения между двумя мужчинами. Конечно же, это было необходимо — эту необходимость он чувствовал у себя внутри всю жизнь — любить мужчину, любить чисто и всего без остатка. Безусловно, все это время он любил только Геральда, и все время отрицал это*⁸³.

В конце романа Геральд поднимается в швейцарские Альпы, чтобы там умереть в снежной пещере. Урсула, жена Биркина, спрашивает его:

"Тебе нужен Геральд? Тебе недостаточно меня?" "Нет. Тебя мне достаточно, насколько может быть достаточно женщины. Для меня в тебе сосредоточены все женщины мира. Но я хотел иметь мужчину-друга, настолько вечного, насколько вечными являемся мы сами... чтобы обрести полное, истинное счастье. Я хотел, чтобы у меня был вечный союз и с женщиной тоже, чтобы существовала и другая любовь".

"Не бывает двух разновидностей любви... это ложь, это невозможно". "Я этому не верю", — ответил он⁸⁴.

ТЕНЕВАЯ СТОРОНА ФАЛЛОСА

Тень хтонического фаллоса

Разработанная Юнгом концепция тени становится очень важной при исследовании темы фаллоса. Юнг ввел это понятие в отношении личностных аспектов, обладающих преимущественно негативными чертами. По его мнению, тень — это "совокупность всех отрицательных черт, которые мы склонны скрывать, наряду с недостаточно развитыми функциями и содержаниями личного бессознательного"⁸⁵. Это определение приемлемо для личного или индивидуального бессознательного, ибо обычно теневые качества человека вытесняются из его сознания, забываются, становятся скрытыми, а никогда не развиваются полностью. Но вместе с тем Юнг писал, что тень как архетипическая компонента психики представляет собой "угрожающий аспект непризнанной темной стороны личности"⁸⁶. Архетипическая тень включает в себя все, что нами воспринимается как зло и понимается скорее как принцип, чем как личное качество.

Концепция Нойманна о двойственности фаллоса уже по определению помещает в тень хтонический фаллос. Иллюстрацией такой установки может послужить скульптура Эпштейна Св. Михаил и дьявол. Само по себе помещение в тень хтонического фаллоса, как я уже показал, оказывается серьезным искажением психологической реальности. Здесь в полной мере проявляется признак доминирования патриархальной солярной установки. Определения маскулинности, утверждающие эквивалентность хтонического фаллоса и мужской тени, появились совсем недавно.

Итак, хтонический фаллос, безусловно, несет в себе теневой аспект: частично он обусловлен тем, что отвергается как необходимый компонент в развитии сознания, а частично — своей внутренней природой, ибо в архетипических паттернах всегда присутствуют опасность и мрак. Как бы ни было трудно интегрировать в эго-сознание тень, исходная точка зрения Юнга была крайне простой: без тени не бывает света. И хтонический, и солярный фаллос как концепции обладают смыслом только при условии, что в понимание этих концепций входит их антитеза. Рассматривать хтонический фаллос исключительно в качестве тени солярного фаллоса, а не его антитезы — значит совершать большую ошибку. Прямой путь к пониманию хтонического фаллоса — рассматривать его так же, как фаллос солярный, содержащий в себе и добро, и зло. Хтонический

фаллос одновременно оказывается и отстраненным от эго, и эго-синтонным. С другой стороны, в соответствии с точкой зрения Элиаде, физиологический фаллос не может быть средством иерофании.

Тень хтонического фаллоса характеризуется огромными размерами, грубостью и беспардонностью. Ей свойственно ненасытное желание и неумная потребность в грубой неумолимой силе, напоминающей сумасшедшую езду, в военных увечьях и вызываемой ею безжалостной конкуренции. Жизнь полна примеров ее тупого и истощающего поведения, которое мать Юнга в его детском сне называла "людоедством".

Один особенно ядовитый пример попал на страницы журнала, в статью под названием "Конец скачек". В ней шла речь о Лоуренсе Синг-лтоне, мужчине в возрасте пятьдесят один год, и пятнадцатилетней Мэри Винсент, путешествовавшей автостопом, которую 29 сентября 1978 года Лоуренс Синглтон подобрал к себе в машину на дороге, ведущей из области Залива в Лос-Анжелес. Не успел закончиться их первый день совместного пути, как Синглтон подобрал в микроавтобус еще двух мужчин; все трое напились, а затем изнасиловали Мэри Винсент и страшно глумились над ней. Поздно ночью она выбралась из фургона и отправилась умирать в прибрежный каньон: обнаженная, ослепленная, с отрубленными по локоть руками. Той ночью Мэри Винсент выжила. Синглтон очутился в тюрьме.

Статья начинается с того, что Синглтон рассказал о себе в интервью журналу. Он утверждал, что Мэри Винсент была проституткой, что она нашла нож, находившийся в бардачке у него в микроавтобусе, и собиралась его кастрировать, если бы он не подвез ее туда, куда она сказала. Вот его точные слова: "Все, что я сделал, я сделал, чтобы выжить... Это преступление не могло совершиться без ее помощи"⁸⁷. Свое нападение на Мэри Винсент Синглтон считал самозащитой. Вполне возможно, он действительно так думал. Если он страдал от особенно жуткого комплекса пожирающей матери, то мог воспринимать Винсент только как смертельного врага, а потому делал все, чтобы избавиться от этой страшной угрозы. Очевидно, фаллос способен на такие ужасы, в особенности при появлении угрозы кастрации — мнимой или реальной — идущей либо от маскулинности, либо от женственности. Фаллос — бог первобытной ревности, нетерпимый ко всему, таящему в себе серьезную угрозу его власти. Редко можно встретить мужчину, который никогда не чувствовал в себе порыва уничтожить кого-то или что-то, угрожающее ядру его идентичности.

Понимание фаллической тени в связи с мужским импульсом к самозащите не оправдывает поведения Синглтона. Многое из того, что содержится в глубинах тени, относится именно к ним, а не к внешнему поведению человека. Ни поступки Мэри Винсент в тот злополучный день, ни внутренняя психическая динамика Синглтона не могут служить оправданием ужасного преступления, совершенного по отношению к Винсент. Безусловно, имело место помрачение психического состояния Синглтона. Однако здесь скорее следует говорить о помрачении рассудка, чем о поведенческом проявлении тени. Подземный мир мрачен, хтонический фаллос — тоже мрачен, но не все, что связано с подземным миром, относится к тени. Хтонический фаллос является тем средством, с помощью которого человек выходит за рамки границ эго для сексуального экстатического слияния с архетипическим миром. Он представляет собой нуминозный источник маскулинности. Внутри него живет молчаливый бог, побуждающий мужчину к творчеству, определяющий силу эрекции, облегчающий ему оплодотворяющее семяизвержение. Хтонический фаллос — подспудный источник мужской силы, темной из-за ее скрытности, который может вызывать разрушительную ярость, но вместе с тем способен к проявлению нежной любви и острого внимания, основанного на потребности и природе инстинкта. О том, что происходит с мужчиной в царстве мрака, рассказывается в истории о его встрече с божеством, независимо от того, является ли это божество светом, тенью или их сочетанием. Мрак — хтонический феномен. Сам по себе мрак со злом не связан. Темнота — это жилище искры.

Поэт Роберт Блай уловил важный позитивный смысл хтонического фаллоса; в статье, озаглавленной "Что действительно хочет мужчина", Блай пишет:

Глядя на свою аудиторию, я вижу, что, наверное, половина молодых мужчин оказываются так называемыми "мягкими". Они очень приятные и значимые люди — мне они нравятся — и они вовсе не испытывают желаний нанести какой-то ущерб земле или начать войну, или работать только на благо своей корпорации. В основе их настроения и стиля жизни есть нечто благоприятствующее самой жизни. Но все же что-то не так. У них не хватает энергии. Это люди, которые могут сохранять жизнь, но не в состоянии ее давать⁸⁸.

В данном случае Блай говорит о своем впечатлении от десятидневной конференции в Нью-Мексико, на которой присутствовало около сорока молодых людей:

Часто молодые люди открывают рот и могут рыдать, не умолкая в течение пяти минут. Я не перестаю поражаться тому, сколько скорби и тоски они несут в себе! Эта река очень глубока... Они научились быть восприимчивыми, но этого недостаточно, чтобы нести на себе ношу брака. Каждым отношениям раз и навсегда требуется какой-то элемент неистовости; такую неистовость должны в себе иметь и мужчина, и женщина⁸⁹.

Далее в статье Блай обсуждает сказку братьев Гримм "Железный Джон" (в оригинале "Железный Ганс"). Недалеко от королевского замка в лесу происходило что-то странное. Время от времени там исчезали люди. Однажды один охотник с собакой отправился в лес, чтобы узнать причину. Когда они стали перебираться через пруд, оттуда высунулась рука, схватила пса и утащила его вглубь. Вернувшись в деревню, охотник стал звать на помощь. Тогда мужчины, жившие в деревне, собрались и отправились в лес, чтобы осушить этот злосчастный пруд. На самом дне оказался огромный красноволосый великан с шевелюрой цвета ржавого железа. Крестьяне схватили его и привели в дворцовое поместье. Король приказал посадить великана в клетку и поставить ее на дворцовой площади. Однажды рядом с клеткой играл королевский сын. Его золотой мяч оказался в клетке и попал к великану. Узник сказал, что вернет принцу мяч, если тот его освободит. Чтобы это сделать, принц должен был вытащить ключ, который, по словам великана, находился у королевы под подушкой. На беду в тот момент в замке не было ни короля, ни королевы, поэтому принц беспрепятственно взял ключ и открыл клетку. Как только Железный Джон оказался на свободе, принц испугался, что королева сильно на него разозлится. Поэтому великан схватил мальчика, посадил его себе на плечи и отправился с ним в лес, где принц обучился всем мужским таинствам⁹⁰.

Это не полный сюжет сказки, но именно эту часть Блай использует для подтверждения своей мысли. Железный Джон — это хтонический фаллос: дикий, грубый, неистовый, — именно эти качества отсутствуют у мягких молодых мужчин, по мнению Блая. С точки зрения королевы, хтонический фаллос совершенно несовместим с цивилизованной жизнью, поэтому его следует держать взаперти, подальше от ее драгоценного сына. Однако с точки зрения принца общение с Железным Джоном становится существенной частью его мужской целостности, которую символизирует золотой мяч, закатившийся в клетку великана. Согласно Фрейду, необузданный хтонический фаллос, заточенный в клетке материнского жилища,

представляет собой мужской страх феминизации. Фрейд считал, что ид несет в себе непримиримую враждебность по отношению к сознанию. Фрейд лучше, чем Нойманн, осознавал важность физического фаллоса/пениса, однако и ему не удалось разрешить это противоречие. Как уже говорилось, чтобы это сделать, требуется движение в направлении Юнга, состоящее в понимании архетипа и инстинкта как двойственного проявления одной и той же психической энергии.

Проблема хтонического фаллоса оказывается важной для мужчин, имеющих в жизни сильную духовную компоненту и/или доминирующую солярную маскулинность. Что же им делать с потным, волосатым, животным фаллосом, который воплощает Железный Джон? Здесь имеет место не только желание матери держать своего сына взаперти в соответствии со своим стилем жизни, наносящим ущерб хтоническому фаллосу. Отец принимает участие, которое напоминает в сказке роль короля. Отец, потерявший свою силу и дикую энергию хтонического фаллоса, не будет приветствовать ее и у своего сына. С точки зрения практики это может проявляться в игнорировании и непризнании мужского авторитета отца и переходе его к матери. И если отец переживает возвращение фаллической энергии, часто бывает так, что он покидает свой дом, чтобы найти ей применение на стороне. В таких случаях, не имея подходящей мужской ролевой модели, сын остается, защищая себя в материнском — и часто враждебном — окружении.

Основная опасность для сына заключается в бессознательном принятии материнской системы ценностей вместе с ее антагонистической установкой в отношении Железного Джона. Либо сыну становится ближе фрейдовская феминизация, либо он преждевременно становится солярным в достижении своих жизненных целей, адаптируясь к состоянию мужчины, лишённого сексуальности, либо происходит и то, и другое. Его духовность оказывается хрупкой и искусственной в отсутствие горячего дыхания хтонического фаллоса, а также половинчатой, рациональной и лишённой вдохновения. Такова догма, о которой предупреждал Рудольф Отто в своем исследовании нуминозного. Очарование и изумление отошли в прошлое, ибо они оба неразрывно связаны с подъемом и падением, смертью и воскрешением хтонического фаллоса.

Фундаментальное разрешение проблемы тени заключается в интеграции ее эго. Интеграция теневых аспектов личности мужчины означает, что он не отвергает свою тень, какой бы чуждой она ни казалась в связи с его образом персоны или его ощущением

правильности установок эго. Тень просачивается сквозь трещины в панцире эго. Она проступает в неприглядных образах сновидений, которые могут рассматриваться в качестве теневых персонажей сновидца. Очень часто говорит тело, и сказанное им особенно важно в сексуальной сфере. Пенис часто отказывается подниматься или оставаться в возбужденном состоянии; может отказываться извергаться сперма. Еще более важными в отношении тени становятся ситуации, когда Железный Джон начинает извержение в полную силу, вызывая одержимость, которой мужчина не может, а на самом деле и не хочет управлять. У меня был пациент, который беспокоился, что теряется в ситуации интимных отношений, что его бережный и любящий фаллос исчезает и он превращается в сексуальную машину, забывающую и о существующей реальности, и о своем партнере. Он считал, что такая потеря контроля со стороны эго является опасной. Вместе с тем, в таких ситуациях он приближался к состоянию иерофании, о котором писал Элиаде, — он вступал в контакт с находящимся внутри него нуменом. (Каждый мужчина находится "в контакте" с хтоническим фаллосом в процессе наиболее жестокой мастурбации.) Мой пациент ощущал в себе первобытную энергию хтонического фаллоса.

Пациент был удивлен позитивной реакцией своего партнера на произошедшую с ним трансформацию; часто сама женщина находилась под воздействием архетипической размерности: ее хтоническое инь приветствовало его хтоническое ян. Первобытный фаллос может создавать у партнера подобную готовность, а быть может и более высокую, даже в том случае, если в качестве тени он иногда переполняется энергией и разрушается. Жажда экстаза, которую в жизни испытывает мужчина, лучше всего остального подтверждает ошибку, которую совершил Ной-манн, принижая значение хтонического фаллоса. Мужчины постоянно находятся в поиске экстатических ощущений.

Но проблема тени по-прежнему остается неразрешенной, особенно если она связана с насилием, тупым влечением и жестокостью — синдромом Синглтона — и поэтому по-прежнему привлекает наше внимание. Интеграция теневой стороны личности оказывается существенной, если в жизнь мужчины допускается нечто, обладающее полной энергией хтонического фаллоса. Мужчина должен иметь возможность познать первобытную сексуальность и ощутить ее границы. Иначе мы от нее спрячемся, строго ее осудив, и начнем танцевать вокруг, съдаемые чувством вины и пытаясь сделать все

возможное, чтобы превратить ее в солярное фаллическое сознание, а значит, теряя хтонический доступ в божественную размерность. Такой мужчина берет на себя серьезный риск превратиться в ларец, таящий в себе маскулинность, а ключ от переживаний полноты оказывается под подушкой у королевы — заодно с королем, то есть "управляющей доминанты коллективного сознания", как любят выражаться юнгианцы.

Интеграция теневой стороны хтонического фаллоса означает для мужчины принятие в себе насильника со всей свойственной ему злостью и жестокостью. Мужчина должен сознавать, что хтонический фаллос может привести и к экстазу, и к убийству. Он не может досконально осознать близость того и другого, не интегрировав тень — интеллектуальное и экзистенциальное осознание зла в любой сфере своей жизни и деятельности, включая сюда же в качестве иерофании и сексуальность. Иерофания, прежде всего, может оказаться проявлением зла в божественной сфере.

Нет в человеческой психике такого "доброе" начала, которое при любых обстоятельствах несет в себе добро; нет в ней и "злого" начала, которое всегда является злом. Можно справедливо упрекать мужчину за дикое и некультурное поведение, но вместе с тем именно дикость и необузданность хтонического фаллоса подталкивают мужское сознание к глубинному представлению о сакральном. Окультуренное поведение фаллоса никогда не имеет такой судьбы, какими бы наградами за проявление деликатности его не осыпали. Оно несет в себе всего лишь намек. Юному принцу просто необходимо отправиться в лес и провести там с Железным Джоном столько времени, сколько нужно. Джентельмен должен знать, что он и животное тоже, и должен знать подходящее время, чтобы становиться этим животным, — вот что означает интеграция теневого хтонического фаллоса. Разумеется, в конце концов, принц должен выйти из леса, но с открытыми глазами на двойственность человеческой природы.

Пациент, о котором упоминалось ранее, занимался духовными поисками и многие годы находился в состоянии запутанности из-за своего исключительного усердия и способностей в любовных утехх, словно одно противоречит другому. Он внутренне чувствовал себя обязанным сделать выбор между необузданной сексуальностью и духовным совершенствованием. Косо смотреть на секс заставил его не сам по себе хтонический фаллос, а связанные с ним влияния фаллической тени: власть, наслаждение, похоть и потеря границ эго во время погружения в экстаз.

Традиционное христианское учение обладает точно таким же воздействием, разделяя духовность и чувственное наслаждение. Однако этот мужчина не был христианином-ортодоксом, он вырос при сильном влиянии церкви и жил в культуре, насквозь пропитанной разнообразными возможностями противопоставления сексуальности и духовности. Чтение юнгианской литературы не слишком помогло ему разрешить эту проблему, ибо часто подтверждало необходимость совершения выбора. Скорее всего, ему могло помочь принятие на личном уровне неизбежного существования в его хтонической сексуальности определенных теневых элементов вместе с пониманием того, как эти элементы могут его продвинуть в направлении духовного совершенства ближе, чем он себе представлял.

Можно найти примеры христианской духовной литературы, в которых для описания настойчивого Божественного преследования человечества действительно используется образ опустошающего теневого хтонического фаллоса. В "Священном XIV сонете", написанном Джоном Донном в XVII столетии, человеческая душа, добыча фаллического божества, считается женственной по отношению к нему. Я привожу цитату, в которой выделил тенеподобные образы:

Порази меня в сердце, Бог триединый, ведь ты Не только гремишь, дышишь, сияешь и ищешь, что нужно исправить.

Тогда я подняться могу и стоять, ниспровергни меня и согни Силой своею, способной сломать меня, сдуть, испепелить и возродить. А я, как захваченный город, подчиненный кому-то иному, Все делаю, чтобы открыться тебе, — нет попыткам конца! Причина тому — твой бывший правитель во мне, который был должен меня защитить,

Но вот, очутившись в плену, показал себя слабым и лживым. Я же люблю тебя с радостью и любви твоей жажду, Хотя обручен я с врагом твоим крепко.

Разлучи меня с ним, распутай, а нет — разруби этот узел опять, Возьми же к себе меня, дай мне уйти из темницы, поскольку Лишь только тобой очарован, могу обрести я свободу, Достичь целомудрия можно, лишь если ты меня опустошаешь.

Опустошить — значит одному человеку произвести на другого такое впечатление, что тот настолько выйдет из себя и станет так разрываться на части, что в этом процессе произойдет внутренняя трансформация⁹². В результате наступления ночного мрака рождается новое творение, которое больше не является невинным или связанным с детскими ожиданиями и материнским комфортом и заботой: ласковый шлепок, нежное дыхание, обнадеживающий утренний свет,

поглаживание, указание верного пути и исправление ошибок. Для трансформации и возрождения требуется прорыв хтонического фаллоса, включая все его теневые аспекты. Распрявление, разрыв, приложение сил, взятие приступом — это действия, присущие природе фаллоса. Парадоксальное опустошение, необходимое как средство достижения целомудрия, объясняет настойчивость Юнга в отношении необходимости интеграции тени. Никто не может быть чистым, не познав на собственном опыте, что такое грязь; без распознавания в себе зла можно обрести только наивное просветление.

Желание прорыва божественной реальности нельзя отнести к мазохистскому, пока человек понимает угрожающее эго-переживание как внутренне присущее человеку и в результате вызывающее разрушение личности. Ни одному религиозному человеку этого делать не следует. Мазохизм находит удовольствие в страдании, а не в необходимости подчинения страданиям ради психологического развития и роста. В этом смысле отказ от страданий гораздо больше связан с невротической защитой эго, с безысходностью и тревожностью. С точки зрения психологии тревожность — страдание искусственное, периодически овладевающее человеком, а вовсе не добровольное желание подвергнуться ужасным страданиям, необходимым для рождения или возрождения. Таким образом, человечность по отношению к фаллической божественности можно понимать как архетипическую женственность: ожидающую и даже требующую проникновения фаллоса, которое приводит к творению нового.

Тень солярного фаллоса

Можно даже не подозревать о том, что солярный фаллос также имеет теневую размерность, — настолько общим является наше представление о том, что носителем теневого аспекта мужского просветления является хтонический фаллос. В Нью-Йорк Тайме недавно (по тем временам. — В.М.) появилась статья о ректоре мужского колледжа штата Массачусетс, обладавшем высоким авторитетом среди своих коллег и всего научного сообщества. Ему было предъявлено обвинение в сексуальных домогательствах по отношению к двум юношам-студентам, а также в том, что он заплатил семье одного из студентов 10000 долларов, чтобы случай домогательства остался в тайне⁹³.

Что касается социальных последствий этой статьи, — на карьере ректора, а возможно, и на всей его жизни был поставлен крест. Разрушающая ненависть, обладающая ненасытным аппетитом и

отсутствием всяческого уважения к границам, практически всегда находит себе место у подножия хтонического фаллоса. Низший фаллос Нойманна преимущественно считался подспудным тeneвым злом мужчины, например, того, о котором говорилось выше. Мы видим его портрет, с точки зрения совета директоров колледжа: "одаренного", "уважаемого человека", "пользующегося доверием", уважаемого преподавателя, вытацившего из кризиса возглавляемый им колледж, церковного органиста, прекрасного семьянина, отца пятерых детей, причем двух из них — приемных, и так далее, и так далее. Этот мужчина обладал полноценными чертами солярной маскулинности.

Очень важно понимать, что история ректора колледжа не может служить примером проявления тени солярного фаллоса. Здесь речь идет о неприглядной стороне хтонического фаллоса, возможно, вследствие существующей тенденции солярного фаллоса к очернению фаллоса хтонического. Из этой истории может быть видно, насколько опасной может быть эта тенденция. В силу того, что мужчина считается "понимающим" (ироническое указание на присутствие солярного фаллоса), подчиняясь диктату патриархата, он может быть несовместим с хтоническим фаллосом. Хтонический фаллос становится функциональной тенью солярного фаллоса даже в том случае, когда не является его психологической тенью.

Но что же в таком случае представляет из себя тень солярного фаллоса?

"Солярность" в переводе с латыни означает "просветленность" и, согласно Нойманну, — результат огромных мужских усилий, затраченных, чтобы выбраться из влажного первобытного убежища материнской утробы. В обычной жизни просветленность переходит в гордость мужчины своей общественной репутацией, его способностью занимать высокую социальную ступень, в перечисления его достижений и заслуг, которые он должен иметь в своем некрологе, в важные разговоры на вечерних коктейлях (прежде чем алкоголь доведет его до хтонических фантазий). Солярный фаллос — это политическая партия, к которой принадлежит мужчина, газеты, которые он читает, связи со своими бывшими сокурсниками, которые он поддерживает, контракты и договоры, которые он подписывает, а на более высоком уровне обобщения, — его слово, такое же доброе и надежное, как и его связи. Солярный фаллос — это профессия мужчины и его соответствующая финансовая помощь и моральная поддержка своей женщине и своему потомству. Солярный фаллос — способность мужчины заботиться о своем доме, внимание, которое он

уделяет своей состоятельности, тщательность, с которой он проверяет свою машину и доводит ее до блеска. Солярный фаллос — это достижение целей, которые он ставит перед своими детьми, в первую очередь, перед мальчиками. Это то, как мужчина говорит, о чем он говорит, и как его слова сочетаются с делом.

Солярный фаллос — это фактически *logos* (в переводе с греческого "слово"), которое, по мнению Юнга, обладает мужской сущностью. Согласно Юнгу, логос так же относится к маскулинности, как эрос — к женственности. Там где логос мыслит, превращает мысль в слово и считает дело сделанным, эрос чувствует, превращает чувство в отношение и на этом ставит точку. Для солярной маскулинности ничего не может быть решено до тех пор, пока не реализовано в жизни. Эта реализация (эстеблишмент), с патриархальной точки зрения, является победой солярного фаллоса над хтоническим — и это одна из причин существования общепринятого взгляда, что хтонический фаллос является тенью солярного фаллоса.

Солярные мужчины любят упорядоченность; это их нарциссизм, отражение их мировоззрения. Дайте мужчине организацию, дайте ему над ней власть, и он увидит законное подтверждение своего существования. Женщины и их привлекательность, даже его собственные дети становятся всего лишь декорацией, когда мужчина дорывается до организации, фактически до доказательства своей целостности, даже если таковая отсутствует.

Теневой аспект солярного фаллоса — это пренебрежение отцовским долгом. Отец будет прилагать много усилий, чтобы, веря в будущее своего ребенка, поставить его на ноги и одновременно так его подавлять, что сын или дочь с трудом могут подумать или почувствовать что-то, кроме перспективы, которую определил им отец. Устанавливая границы возможностей, отец определяет свыше, что есть правда, а что ложь, на что ребенок способен в своей жизни, а на что нет, на ком он может жениться (или выйти замуж), а на ком нет. В одном известном мне случае такой патриарх пытался диктовать взрослой дочери своего друга, что она может есть. В присутствии множества людей он громко и требовательно сказал: "Джоан, что с тобой случилось? Ты сошла с ума?" Будучи независимой женщиной, дочь его друга в свои неполные пятьдесят стояла перед ним, не говоря ни слова, что происходит довольно часто при встрече человека с тенью солярной маскулинности.

Бессознательная цель тени солярного фаллоса — лишить гражданских прав, кастрировать буйного, недостойно себя ведущего и

находящегося (или находящуюся) у него в подчинении мужчину или женщину, — именно так, как это делает мать-ведьма. (В случае женщины вред, который наносится ее анимусу, оказывается столь же опустошительным, как более явный ущерб, причиненный ощущению мужской фаллической власти.) Мне вспоминается посещение офиса старшего пастора Нью-Йорка, чей приход давал существенную материальную поддержку церкви Св. Климента в самые ранние и наиболее тяжелые годы ее существования. Едва я вошел в его комнату, он широко улыбнулся, приветствуя меня: "Как дела, мой мальчик?" Поскольку его финансовая поддержка нашей церкви придала мне смелости, я должен был ответить: "Прекрасно, трахающая мамуля (Just fine, mother-fucker)". Моя ярость не знала границ. Я ее чувствую и сегодня, хотя прошло уже двадцать лет. Уже тогда, имея небольшое психоаналитическое образование, я знал, что он стремился меня принизить, дать мне понять, что я — подчиненный ему "ниггер". Сейчас я называю такое отношение кастрацией мужчины мужчиной. Тогда мне не требовалось ни Фрейда, ни Юнга, чтобы понять свое унижение.

Установка покровителя — это явное указание на тень солярного фаллоса. Покровитель садится на заднее сиденье автомобиля, заработав свой мандат соответствующим подчинением такому же властному покровительственному поведению, которое он сам теперь демонстрирует по отношению к подчиненному ему объекту. Вместо того, чтобы дать комфортнее себя почувствовать молодому или слабому человеку, он переносит на него свои унижения в прошлом; именно такое отношение Юнг называл проекцией. Если человек оказывается ранимым и ему наносится травма, патрон получает удовлетворение. Семейные терапевты называют эту динамику системой негативного взаимодействия, распознавая и работая с ней в процессе прямой конфронтации в присутствии всей семьи. Обладают ли подобной эффективностью внутрисемейной терапевтической интервенции действия супервизора по отношению к начинающему терапевту или даже президента Соединенных Штатов, которые могут указывать на существование тени солярного фаллоса? Увы, архетипы находят свое проявление именно в результате такой инфляции, вызывающей у множества людей отреагирование вовне паттернов солярной маскулинности в процессе межличностного взаимодействия.

Солярный фаллос знает сам, какое поведение является правильным, и доказывает это в завершенности своей организации. Таким образом, здесь просматривается связь со светом,

поднимающимся над горизонтом из темноты царства бессознательного. На свету никто не может потеряться в тени невежества; мужчина ради сохранения чести готов пройти через лишения и тяжелые испытания. Солярному мужчине нужны факты. Фактические доказательства и техническая эффективность, которая приходит из опыта, дает солярному мужскому сознанию иллюзию силы и незыблемости, которая кажется неуязвимой, имея в своем основании рациональный порядок. Сентиментальность не оказывает ни малейшего влияния. Отношение к женщине должно занять свое место на боковой полке плацкартного вагона (the back seat of the bus). Отношения хороши, если устанавливаются с дружественными партиями, браки — если строятся между подходящими семьями; здесь, конечно же, занимают свое место рождественские открытки, почитание семейных традиций и даже, в некоторых случаях, возникновение некоего братства, например, совместные походы в баню или в клуб здоровья после длительной ночной работы.

Солярный руководитель хочет обладать направляющей силой, архетипической фаллической установкой. Мотивация теневого фаллоса: и хтонического, и солярного, — связана с конкуренцией, безотносительно к тому, является ли объект психикой или телом. Там, где тень хтонического фаллоса следует преодолеть с помощью физической силы, солярный фаллос ищет, какая духовность или идея оказывается для него приемлемой, чтобы можно было им довериться в интересах "истины". То, что проявляется в виде великодушия покровителя, имеет несколько незримых нитей, связывающих подчиненного с покровителем и нарушающих независимость. Неблагодарность окружающих — это жалобный стон солярной фаллической тени. Не сработал грандиозный план; великодушие объекта оказалось мнимым и поэтому он должен быть наказан. Сколько раз муж и отец семейства, совершавший огромные жертвы по отношению к своей жене и детям, вступает с ними в конфликт, как только чувствует, что они перестают ему подчиняться и не признают его авторитета. Как они посмели! Становится очевидно, что его интерес состоял в том, чтобы в своей профессиональной и личной жизни разговаривать с позиции силы, чтобы не выпускать из-под контроля зависимость, в которой от него находятся. Он чувствует свой долг, свое право управлять ими. Для него первичны не личности в его семье или его фирме. Первична власть, которая содержится в его статусе и его должности.

Тень солярного фаллоса представляет собой подспудную,

навязчивую силу аполлонического порядка и закономерности. Доминирование логоса может привести к такой степени разрушения, на которую содержится лишь намек в поведении, свойственном тени хтонического фаллоса. Высший потенциал мужского солярного сознания — духовность, интеллектуальное и упорядоченное лидерство — может задушить все, что ему покажется ошибочным, недоступным "измерению" (здесь содержится косвенный намек на интерес мужчин к размерам своего фаллоса). Тирания становится все более опустошающей благодаря культурному обожанию атрибутов солярной маскулинности, за которыми скрываются гнойники. Классическим примером коллективной солярной тени является гражданская война в США, происходившая в 1861 — 1865 годы, во время которой были убиты тысячи молодых сельских ребят новой нации, защищавших, с одной стороны, права союза, а с другой — права штата. Идеологические принципы относятся именно к солярной маскулинности. Сверху они увенчаны неоспоримой истиной, но в глубине, в тени этих чистых и праведных идей скрыты увечья и смерть.

Солярное патриархальное превосходство постоянно находится под угрозой нападения. Феминизм, борьба за мир, за охрану окружающей среды, за права сексуальных меньшинств, за гражданские права и даже за права животных, — все это, по-своему, несет угрозу власти великого фаллического солнечного бога. Для мужчины очень расточительно защищать свою фаллическую власть неопределенным способом, как если бы вся критика патриархального порядка представляла собой угрозу буквальной кастрации, от которой следовало защищаться любой ценой. Как много лет назад отмечал Юнг, быть психологически односторонним — значит подвергнуть себя риску психического или (и) физиологического заболевания — или даже хуже: заражать окружающих болезнью, которой удалось избежать самому. Уклонение от теневого аспекта фаллоса, хтонического или солярного, свидетельствует о невежестве и трусости мужчины, а вовсе не о мудрости и мужестве, которые обязательно приходят вместе с интеграцией тени. Парадоксально, но это действительно так: признание слабости придает силу.

Малая толика покорности не нарушает эффективность деятельности фаллоса. Наиболее эксцентричным и презренным персонажем является Приап, римский бог аномальной, постоянной, никогда не пропадающей эрекции. Мужчины, оказывающие серьезное сопротивление процессу рефлексии по отношению к напыщенности и

инфляции, свойственных патриархальному превосходству, психологически относятся к приапизму. Не знающая устали психологическая эрекция превращает их в мишень для насмешек. По большому счету, очарование обернулось черной смертельной комедией. Народы создают один ядерный фаллос за другим, нацеливая их друг на друга, играя в детские игры, кто лучше: сравнивая, чья ракета может залететь дальше. Такова смертельная опасность тени, уверенной в своей правоте солярной маскулинности.

Напоследок несколько слов в отношении мужских различий и анимы. Юнг писал, что в мужском бессознательном за тенью стоит фигура анимы, женственный, противоположный и дополняющий по отношению к полу образ души, а позади анимы находится архетипическая фигура мудрого старца, образ аутентичной солярной мужской утонченности. Чтобы достичь зрелости в юнгианском смысле, мужчине сначала необходимо работать со своей тенью: с аспектами добра и зла хтонического и солярного фаллоса. Затем ему следует повернуться к своей внутренней женственности и ее требованиям к межличностным отношениям. За этими двумя неимоверно сложными психологическими задачами скрыта возможность обретения мудрости, знания и роста, которые приходят лишь с возрастом и длительной саморефлексией.

Мудрость у мужчины не появится без этих двух главных столкновений с бессознательным, каждое из которых бросает серьезный вызов твердости мужского эго. Эти трудности, заключающиеся в том, что Юнг называл *auseinandersetzung* — "разборкой" ("having-it-out") с тенью и анимой, — трудно переоценить. Часто мужчина чувствует себя так, будто его ночное странствие закончится для него плачевно, что его эго, его личность, насколько он их осознает, не выживут. Самое ужасное — одиночество этого внутреннего конфликта; здесь вряд ли может кто-нибудь

помочь, иногда это не в состоянии сделать даже аналитик. Разновидности зла и женственности, присутствующие в качестве личностных аспектов, могут погубить даже самого сильного мужчину. В разгар хаоса может возникнуть желание упрямо сопротивляться переменам в жизни, которая до сих пор была неуклонно фаллической без малейшей примеси страха. Юнг называл такой случай "регрессивным восстановлением персоны", существенным отступлением и смертельной ошибкой⁹⁴. Без прощания с инфляционной фаллической гордыней невозможно наступление мудрости. Человек продолжает делать бомбы: чем больше, тем лучше.

ФАЛЛОС ЗА РАМКАМИ ОБЫЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Два мужских сновидения

Юнгианскому аналитику невозможно работать с содержанием психики, не касаясь сновидений, которые ежедневно приходят к человеку с наступлением покрова темноты. Темнота предполагает наличие иного мира, и тогда сны становятся бесценными источниками информации о человеческой жизни, скрытой во время бодрствования, когда набирает силу эго вместе с присущими ему защитами. Анализ невозможен без работы со сновидениями, поскольку они как бы становятся "третьим голосом", присутствующим между аналитиком и пациентом, корректируя их обоих.

Сны представляют собой переработку событий, происшедших в текущей жизни пациента; наряду с этим они становятся основой, позволяющей войти в настоящее самым древним психическим пластам, архетипам и психоидному бессознательному. Они имеют важность для любого современного человека, стремящегося к серьезному восприятию жизни во всей ее целостности. Соответствие старого и нового в рамках структуры и сюжета сновидения становится способом, позволяющим любому из нас познать трансгрессивные черты психоидного бессознательного.

Два представленных здесь сна нельзя в чистом виде назвать архети-пическими или отражающими психоидное бессознательное, как это было в сновидении Юнга или в моем сне, о которых говорилось выше. Сны, приведенные в этой главе, наполнены более опосредованным материалом, связанным-с-жизнью-сновидца. В них присутствуют фаллические божественные образы, и хотя они скрыты под поверхностью, мне приходилось иметь дело именно с ними. Связи, существующие между материалом сновидений и жизнью сновидца, несколько облегчают наложение этих двух сфер в человеческом сознании, помогают уловить архети-пическое содержание, которое иначе можно бы воспринимать как банальную повседневность. В процессе аналитической работы сны подвергаются значительно более серьезному исследованию по сравнению с тем, как описано здесь, ибо я намеренно ограничился рассмотрением, присутствия образа фаллоса.

Сон первый

Он представляет собой некую странную смесь поклонения герою, моего любимого инструмента и транссексуальных идентичностей.

Он начинается с моей встречи в старом особняке, принадлежавшем Бетховену, который ведет себя, как маленький шалун. Во сне ему

двадцать один год, он обрюзгший, с всклокоченными волосами и очень неосторожный. Мое впечатление о нем сложилось в результате моего восприятия образа Моцарта из Амадея — фильма и спектакля. Но при этом имела место одна особенность: могу поклясться, что в последний раз эту роль играла молодая женщина. Это мой герой, ибо я однажды написал о Бетховене целую телевизионную пьесу, но он был косматым нечесаным юнцом, а здесь его представили чуть ли не женщиной! Затем я сажусь за пианино и что-то играю по нескольким нотным листам, написанным от руки сидящим рядом мужчиной. Это современный композитор... ему за тридцать, он темноволосый и привлекательный. Однако он чересчур назойлив и капризен в отношении моего исполнения его произведения. Его записи либо незаметны совсем, либо настолько запутаны, что их трудно прочесть. Поэтому он постоянно вызывает у меня проклятия в отношении моей музыки.

Наступила пауза. Теперь я сижу за столом и снова слушаю какую-то музыку. А этот человек (композитор) подходит к столу и выкладывает на него, напротив меня, свои гениталии; на столе не только член и яички, но и вся основа члена, вплоть до самых корней! Я, конечно же, удивлен, поскольку его действия свидетельствуют о том, что он транссексуал (как персонаж Бетховена), и фактически у него есть отверстие, то есть влагалище, куда может проникать его член.

Главный образ этого сновидения — выставяемые мужские гениталии этого проклятого композитора, чью музыку нельзя играть из-за отсутствия партитуры. Выложенные на стол гениталии являются вызовом к соперничеству. Все сновидение в целом несет в себе определенный дио-нисийский дух — маскулинность, пропитанную находящейся-прямо-под-поверхностью женственностью, которую сновидец признает открыто, говоря о транссексуальных идентичностях. В полной мере находит свое проявление трикстер, вызывающе играя своими гениталиями и выставяя их на всеобщее обозрение. Мужские половые органы напоминают нос Грушо Маркса, который в основном использовался для поражения неприятеля и который при желании можно было снять. Это трикстер до мозга костей, обладающий сумасшедшей способностью играть со своей сексуальностью.

Здесь появляется Меркурий в своей обычной роли трикстера, реально внедряющегося в сферу сновидений современного мужчины в качестве одной из составных частей его бессознательной личности. Меркурий — это описанный во сне композитор. Но звучит это так,

будто кто-то еще дает описание самого сновидца. Таким образом, сновидец зеркально отражает бога. Бог является ему замаскированным, в качестве образа его личного мифа.

Трикстер, возникающий здесь под личиной "типичного жителя запада", имеет у сновидца ассоциацию с трикстером, воздействующим на его психику. "Типичный житель запада" — это не объективное определение трикстера. В Скрэнтоне трикстером может оказаться "типичный житель юга", в каком-то другом городе — "типичный житель востока". Суть заключается в том, что трикстер обманывает и запутывает, и кто бы ни явился сновидцу в образе плута, он становится образом, которым пользуется трикстер, заявляя о своем присутствии.

Причина обманчивой сущности трикстера заключается в том, что эго считает себя слишком умным. В действительности эго довольно глупое. Вследствие того, что оно родилось из Самости, эго уверено, что обладает всеми ее качествами, считая их собственными. (На приверженцев школы эго-психологии этот аспект не производит никакого впечатления, и они приветствуют всяческое стремление эго добиться всего что может, ради так называемого "образа эго".) Бессознательное возражает этому; оно представляет событие таким, какое оно в действительности. "Вы считаете свою связь с маскулинностью крепкой, достаточно крепкой, чтобы называть другого назойливым, капризным, опрометчивым? Вы только посмотрите на него! Посмотрите, с какой легкостью вылетает ваш член и ваши яйца! Посмотрите на вашу тщательно скрываемую установку превосходства".

Трикстер — это бессознательное суждение оценок эго. Трикстер проделывает отверстия в инфляции эго. Через образ мужского полового члена трикстер требует от сновидца учитывать существующее в нем иррациональное начало, а не просто поиграть с ним безо всяких последствий. Фактически сновидец окружен дионисийской атмосферой, которой он избегает в интересах социальных условностей. Как человек, которого вдруг взяли и стали учить, он наслаждается античностью тайно, как бы в шутку, бросая вызов условностям. Как только представится случай, он, следуя свой прихоти, занимается с подружкой любовью в каморке, находящейся на тридцатом этаже небоскреба, где хранятся средства противопожарной безопасности. Это шалость Диониса, однако она не свидетельствует о сознательном намерении включения в свою жизнь этого бога. Подобные ситуации в жизни сновидца говорят о том, что он искусственноотреагирует вовне (или отыгрывает) все, что не одобряет

солярный фаллос. Импульсивность лишает его истинных переживаний страданий Диониса. В таком случае избегается мучительная борьба бога, происходящая у него внутри, между маскулинностью и женственностью. Сон привлекает внимание к отказу сновидца от серьезного овладения диоци-сийскими чертами, так как в сновидении он наделяет ими юного Бетховена или другого капризного композитора.

Как мы заметили, бегло взглянув на Диониса, в сосуществовании в мужчине маскулинности и женственности кроется великая мудрость. Это не та мудрость, которой можно набраться в солярной маскулинности логоса, ибо она не находит серьезного подкрепления в модели патриархальной роли. Смирненное противостояние трикстера, позволяющее проявиться дионисийским качествам, его внутренней тайне, предполагает серьезное признание собственного мифа независимо от ожиданий окружающих. Это путь индивидуации. Это путь Меркурия, действующего лица сновиденческой драмы и посланца богов. Меркурий сообщает сновидцу, что находится во власти Диониса, и говорит Дионису, как это и было, что в будущем сновидец станет сознательным последователем бога в качестве внутреннего дьявола.

Говоря о боге, который появляется в сновидении, юнгианцы относят его к проявлениям, подобным тому, которое мы только что обсуждали. Меркурий или Дионис совершенно не обязательно появляются в сновидениях, как это можно было бы предположить. Более того, наверное Христу следовало бы чаще, чем это бывает, появляться в снах в собственном облике. Присутствие бога узнается по паттерну сновидения; чтобы увидеть его образ, скрытый, скажем, под личиной привередливого композитора, следует знать паттерн сна. Бессознательному не мешает потерянная современным мужчиной связь с народной мудростью, которая служила ему источником знаний психических паттернов наших предков. Оно кивает на реальность нашего эго в мизансцене, в аналитической ситуации или в личностной драме (*dramatis personae*). В последнем случае существенную роль играют ассоциации сновидца, как в случае "типичного жителя запада". Конечно же, современному человеку очень трудно без посторонней помощи распознать Диониса в своих ассоциациях. Но можно увидеть, насколько важной для самоосознания сновидца становится идентификация с этим фаллическим богом. Перед эго стоит задача: тем или иным путем получить весть.

Сон второй

Громадная церковь, не лишенная эстетизма. Служба проходит, если можно так выразиться, на прилегающей территории. Джин (имеется в виду автор книги Eugene, Эжен. — В.М.) собирается быть пастором. На лужайке стоит алтарь и много рядов скамеек. Я сел в самый последний ряд. В целом служба проводилась в очень свободной тональности, и я подумал, что это присуще англиканской церкви.

Мы начали с длинного гимна. Мне было очень трудно петь, поэтому я только открывал рот, имитируя песнопение. Джин вышел из алтаря, обошел кругом все скамьи и удалился. Вскоре он вернулся, и гимн закончился.

Мимо проходили прихожане, и мне пришлось посторониться. Я понял, что у меня на голове шляпа. Я подумал, что окружающие считают меня евреем. Я снял шляпу, поскольку ее не подобает носить, присутствуя на службе в англиканской церкви.

Сцена меняется. Теперь я нахожусь в помещении. Со мной в комнате находятся еще четыре или пять человек. Они выглядят старше меня. У меня появляется желание мастурбировать, словно меня одолело сильное сексуальное напряжение. Я стараюсь незаметно уйти, но чувствую, что это слишком рискованно. Сон заканчивается тем, что я роюсь в ящиках, чтобы выбрать себе одежду.

Здесь я хочу в первую очередь обратить внимание на "сильное сексуальное напряжение", одолевавшее сновидца во время подготовки к службе, которую я должен был проводить в качестве пастора. В бессознательном сновидца установилась связь между его личным анализом и церковным ритуалом. Сновидец принадлежал к римской католической церкви и очень хорошо знал ее учение. Он продолжал исповедовать эту религию, особенно в критические периоды своей жизни. Я же принадлежу к англиканской церкви.

Юнг очень много писал о ритуальном значении службы в психологической трансформации человека⁹⁵. Осознание сексуального напряжения стало первым сигналом, который получает мужчина во время приближения фаллоса, предвосхищая превращение мягкого пениса в эрегированный член. На горизонте появился Бог. То, что это осознание совпало с отправлением службы, могло бы показаться странным, пока человек не осознает, что служба представляет собой средство соединения с динамикой трансгрессии, происходящей в психоидном бессознательном. В коллективном способе выражения — церковной службе, отражающей таинство соединения противоположностей в *in us mundus* — чувствуются автономные

шевеления фаллоса. Фаллос начинает просыпаться от своей спячки точно так же, как стряхивает с себя сон тантрическая змея кундалини, свившаяся в кольца, как внутренний лингам¹¹⁶.

Тантрические религии основываются на общем переживании связи между сексуальностью и божественностью⁹⁷. Тантристы приходят вместе как любовники, соединяют свои тела в половом акте, а затем останавливаются, ибо тогда, на самом пороге соединения, раскрываются двери к величайшему из таинств. Здесь им открывается святыня. Поэтому тантристы превращают сексуальную активность в обожание и восхищение, чтобы, поклоняясь, вступить в священное пространство в тот момент, когда между партнерами уже нашла свое проявление сексуальная энергия. Тантра — это физиологически-духовная религиозная практика, которой свойственна исключительно высокая дисциплина; ее нельзя постичь, не имея ни знаний, ни соответствующей подготовки. Вместе с тем каждый любовник имеет кое-какое представление об истине тантрического открытия. Однако любовники не готовы предъявить к себе необходимые требования, вовремя друг от друга отстраниться, медитировать и поклоняться тому, что открывает им возможность погружения в наслаждение, как это получается у тантристов. Они не готовы участвовать в космическом действе, куда их принесло эротическое влечение. На западе церковь благословляет браки, но, по всей вероятности, она имеет не очень большое представление о том таинстве, в которое предполагает посвятить будущих супругов.

Второй сновидец в перспективе может все это понять, как видно из материала сновидения, где указывается на появление в разгар службы фаллического шевеления. Согласно сновидению ему осталось совсем немного, чтобы установить связь между сексуальным и святым. Вот почему человеку приснился этот сон.

А что можно сказать в отношении возникшей у сновидца "потребности мастурбировать"? Занимаясь мастурбацией, мужчины часто испытывают чувство вины, поскольку онанизм накладывает клеймо самоудовлетворения. Тем не менее мастурбация — нормальное и повсеместное явление: согласно опросу многих женщин, мужчины мастурбируют перед половым актом намного чаще, чем это можно себе представить. Мастурбацию можно понимать как мужское признание и наслаждение фаллосом, которое существует само по себе и ради самого себя.

В последнем сне желание мастурбировать возникает у сновидца в процессе свободно протекающей службы. Во время причастия

верующие и поклоняющиеся Богу приобщаются к таинству, вкушая хлеб и вино. При мастурбации невидимый фаллос становится фаллосом осязаемым, а потому — собственной принадлежностью и доверенным лицом. Бог наслаждается, даже согласно пресвитерианскому "Краткому катехизису", который учит нас "прославлять Бога и всегда наслаждаться Им"⁹. Во время причастия ритуальные действия сопровождаются трансформацией. То же самое справедливо в отношении мастурбации. Это деяние тайное, а не коллективное, как церковная служба. Психологи больше, чем кто-либо иной осознают то богатое ритуальное окружение, которое создают мужчины для мастурбации и в реальности, и в фантазии. Сегодня поклонение фаллосу в качестве личного и вполне осязаемого проявления мужского почтения к своей внутренней жизненной силе принимает форму мастурбации. Таким образом, вполне приемлемо, что "потребность в мастурбации" сновидца вписывается в контекст церковной службы. И в причастии, то есть в ритуальном действе, где происходит движение психической энергии из внешней сферы во внутреннюю, и в потребности в мастурбации, где движение психической энергии происходит изнутри вовне, она сливается с энергией трансперсональной, священное заземляется. И вновь мы видим здесь соединение противоположностей, указание на психоидное бессознательное, предшествующее *unus mundus*.

Появление фаллоса в мужской сексуальности связано с получением удовольствия и удовлетворения инстинктивной потребности. В области секса и религии для описания возникающих состояний принято употреблять обычный язык. Общепринятыми терминами являются прорыв, экстаз, блаженство. Мастурбация редко позволяет достичь больше, чем предполагает соответствующий ей уровень удовлетворения. Только сексуальное взаимодействие с партнером, когда происходит преодоление границ эго в слиянии с другим, дает ощущение древнего архетипического присутствия: прорыва, экстаза, блаженства. Ничего похожего не происходит на причастии — настолько подобные общественные ритуалы являются структурированными и синтонными эго. Религиозный прорыв обычно случается в таком же одиночестве, в котором происходит мастурбация. И тогда мастурбация во сне указывает на личную связь с богом, которая во время причастия устанавливается коллективно. Мастурбация и причастие находятся в обратной зависимости. Однако и в том, и в другом случае общим является воспоминание и обещание, воспоминания о событиях прошлого или анамнез, и указание на

возможность, то есть надежда. Поскольку инстинкт и архетип неразрывно связаны, не должно быть никакого сюрприза в том, что предполагается наличие того и другого и в религии, и в сексуальности, что видно в материале данного сновидения. Рождение и возрождение — вот мотивы, которые связывают их между собой.

Гомосексуальность

Является ли гомосексуальность патологичной?

Патологичной может быть любая сексуальность, как и вообще отсутствие сексуальности. Убедительным доказательством этого утверждения является случай с директором колледжа, о котором шла речь в шестой главе. Но что же можно сказать именно о гомосексуальности? Сам вопрос связан с представлением о фаллосе, ибо сильное гомосексуальное влечение к фаллосу само по себе указывает на скрытую гомосексуальность. Историк Джон Босуэлл из Йельского университета утверждал, что общественная проблема, связанная с гомосексуализмом, заключается в том, что гомосексуалисты не являются ни "людьми второго сорта, принимаемыми обществом", как женщины, ни "людьми второго сорта, отвергаемыми обществом", как негры. Это люди, которых нельзя отнести ни к одной из категорий, когда-либо существовавших в истории. Гомосексуалисты воспринимаются не как полноправные члены определенной общественной субгруппы, а как такие же люди, как остальные, но лишенные полноценного выражения своих сексуальных интересов". Такой анализ учитывает наличие страха, существующего у мужчин перед тем, что Ванггаард назвал внутренним гомосексуальным радикалом (о нем шла речь во второй главе)¹⁰⁰. Гомосексуальность исключает существование на уровне коллектива, отрицая и эго, и Самость.

В своем основополагающем труде "Христианство, социальная терпимость и гомосексуализм" Босуэлл рассматривал исторические причины для возникновения такого исключения. В этой книге меня привлекает, что очарование фаллосом наступает у мужчин, имеющих тесную связь со своим гомосексуальным радикалом. Является ли фаллическая ориентация таких мужчин развращенной, патологической и противозаконной, как указывается в постановлении Верховного Суда Соединенных Штатов, поддерживающего принятый в штате Джоржия закон, запрещающий педерастию?¹⁰¹

Там, где фаллос становится лишь средством служения Великой Матери, своей производной, который возвращается к ней, подчиняясь магнетическому притяжению ее истоков, может возникнуть ситуация,

когда гомосексуализм рассматривается как искажение энергии основного инстинкта. Целью гомосексуального фаллоса, как и для всех прочих фаллосов, остается проникновение, но не проникновение в женщину. Можно сказать, что совокупление с женщиной мужчины-гомосексуалиста представляет собой приукрашивание очевидного, поскольку в его эго и так уже присутствуют ярко выраженные женские черты. Обычный взгляд на гомосексуализм как раз связан с избытком женственности в мужском эго, направляющей в качестве компенсации либидо в сторону мужчины. В сексуальном желании человек ищет то, что отсутствует у него в эго. Всемогущая Великая Мать гомосексуалиста, находящаяся у него в бессознательном, вторгается в эго, пронизывает его, делает его женственным и гомосексуальным. Следовательно, существует общая вера в то, что у мужчин-гомосексуалистов имеются проблемы с нестабильной структурой эго и его границами, и терапия, укрепляющая эго, приведет к гетеросексуальности. Тогда эго освободится от излишней женственности, которая вернется в бессознательное, откуда, собственно, она и берет свое начало. В таком случае подобающее место занимает и патриархальность с соответствующим ей солярным фаллосом.

Образ педерасти в виде оплодотворения мужского духа (из "Архитектуры" Витрувия, 1511 г.)

Здесь следует отметить, что в такой оценке содержится определенная правда. Опытный аналитик может выявить гомосексуальность, существующую просто как искажение, как следствие слишком женственного эго, и найти терапевтический подход, позволяющий укрепить маскулинность. Однако следует заметить, что даже самое строгое психоаналитическое лечение редко лишает фаллос активного интереса по отношению к мужчинам с сильным гомосексуальным радикалом. Если психологическая ситуация заключается лишь в отделении пациента от матери, и тот разрешает эту проблему поднимая дубину и встав в героическую позу, коэффициент "исцеления" предполагается гораздо выше, чем в действительности. Дело заключается в том, что мужчина, будь он гомосексуальным, бисексуальным или гетеросексуальным, имеет архетипическую связь с фаллосом, который не может — а на самом деле и не должен — быть исцелен, поскольку не является больным. Именно отношение мужчины к своей сексуальности в первую очередь влияет на патологию. Этот вопрос, по мнению Босуэлла, включает в себя общественные ожидания и суждения, а также их влияние на суть рассматриваемой проблемы. Сама по себе сексуальность, включая вездесущий гомосексуальный мужской радикал, не является и никогда не была патологичной. Где это не так, изображение Эпштейна победы духа-Михаила над дьяволом-чувственностью должно быть совершенно точным.

Психоаналитику было бы столь же некорректно рассуждать о том, к какой части шкалы следует относить того или иного мужчину в отношении гомосексуального радикала, сколь судить о степени его маскулинности по размерам его пениса. Культурные нормы, сравнения, статистические исследования, соизмерение физической длины так же, как и соотнесение с любой шкалой, представляют собой натуралистическую фалличность. Психоаналитический аспект связан с присутствием фаллоса в психической жизни мужчины, с тем, что требует бог и как отвечает на это требование эго, — то есть с процессом индивидуации. Включаясь в этот процесс, мужчине приходится пройти через все, что от него требует окружающая его действительность. Она заставляет его чувствовать свою патологию вследствие имеющейся у него психологической связи с фаллосом. И тогда происходит рождение новой установки относительно внутренних и внешних требований, которой способствуют существующие в бессознательном знания *phallos protos*.

Власть *phallos protos*, присущая мужской психике, является признаком того, что бог считает его своей собственностью. Таково

понимание с точки зрения религии. Бог указывает на мужчину перстом и требует его личного отклика. И иудейское, и христианское Священные Писания наполнены примерами проявляемой богом инициативы. Выбор, вставший перед пророком Исайей, голос, называвший Иисуса Сыном Божиим во время его крещения, пелена, спавшая с глаз Ап. Павла на его пути в Дамаск, — вот, наверное, самые известные из таких примеров. Динамика божественного преследования сама по себе является фаллической, независимо от того, принимает ли агрессивный бог образ, распространенный в западных религиозных конфессиях, или же мужчина ощущает его непосредственно как порыв инстинктивного фаллоса. В последнем случае — это прямое переживание нуминозного; в первом — переживание, опосредованное традицией. Все человечество в целом и вся церковь в перспективе понимаются Св. Павлом как Христова невеста, и здесь еще раз подчеркивается фаллическая черта божественной воли¹⁰². Именем похищенного Зевсом юноши Ганимеда в средние века называли гомосексуалистов, находя таким образом выражение для фаллоса в качестве божественного образа, преследующего избранного мужчину¹⁰³. То, что гомосексуалисты считают себя в какой-то степени изгоями общества, оказывается несколько более существенным, чем показная компенсация осложнений, связанных с их социальным статусом.

В газете Нью-Йорк Тайме было напечатано соглашение, принятое Американской Психологической Ассоциацией (АРА), в Лос-Анжелесе в 1985 году¹⁰⁴. В 1973 году АРА изменила классификацию гомосексуализма, переведя его из разряда "психической болезни" в "психологическое нарушение". Это сравнительно мягкое переопределение не принесло заметного облегчения. В 1985 году имело место весьма представительное обсуждение темы "Родительская поддержка детей-гомосексуалистов: реальная, экспериментальная и организационная перспектива". Родители отвергали "широко распространенную веру, что причиной детского гомосексуализма является доминирование матери и отсутствие отца... При исследовании нескольких тысяч семей, по словам участников дискуссии, не удалось определить никакого объяснимого психологического паттерна, имеющего отношение к родителям гомосексуалистов".

Вот что сказал выступающий от имени родителей: "Теперь мы узнали, что у нас нет выбора. Никто сознательно не хочет стать гомосексуалистом. Мы верим в то, что наши дети-гомосексуалисты стали ими именно поэтому, что гомосексуальность, как и

гетеросексуальность, является врожденной". Можно сказать, что такое наблюдение отчасти является самооправданием. Совершенно очевидно, что оно слишком упрощает проблему. Вместе с тем эта точка зрения заслуживает внимания в отношении архетипической фаллической инициативы, ибо в позиции родителей есть указание на источник и направляющий вектор либидо вместо детских травматических переживаний. Заключение Юнга, что динамика бессознательного не зависит от установок и накопленного опыта эго — что она проявляется, как писал Элиаде, в качестве "независимого способа познания", или, как считал Отто, оказывается источником нуми-нозного таинственного ужаса, внушающего трепет (*numinosum mysterium tremendum*) — указывает на сходный способ осознания этой динамики. Врожденные черты не следует понимать только биологически. Теоретически врожденные черты относятся к связующей концепции соединяющего инстинкта, которая является и биологической, и — одновременно — архетипом, а значит — психологической. Трансгрессивные или нарушающие границы черты психоидного бессознательного указывают на то, что биологическая и психологическая наследственность представляют собой две "стороны одной медали".

При объяснении юнгианской идеи коллективного бессознательного и его архетипических паттернов я обычно использую доморощенную метафору корабля в качестве образа индивидуального эго, пересекающего океан — символ бессознательного. В соответствии с этой картиной архетипические паттерны бессознательного образуются на дне океана, на разной глубине, имеют разную структуру и разный состав поверхности, а также различную растительность и животный мир. Находящийся на поверхности океана корабль-эго снабжен сканирующим устройством, позволяющим улавливать изменения в топографии и растительном и животном мире океанического дна, тем самым оказывая влияние на движение корабля-эго относительно основных ориентиров, находящихся где-то глубоко внизу. Вместе с тем архетипическое дно не ограничивает курс корабля-эго. Это происходит потому, что на капитанском мостике корабля находится капитан — сила воли, который принимает решения в пределах возможностей, предоставляемых базовой архетипической структурой. Корабль плывет, и движение изменяет его связь с архетипическими паттернами, находящимися на морском дне. Однако дно океана постоянно ощущается; капитан никогда не упускает из виду его существование. Капитан лишь принимает решения, связанные с

особенностями архетипической структуры дна.

Данная метафора имеет совершенно определенные ограничения. Корабль не зависит от океанического дна так, как от бессознательного зависит эго. Однако предполагается, что цель психоанализа заключается в том, чтобы помочь кораблю-эго и его воле в благоразумном и осторожном плавании в контексте личностной архетипической структуры. Игнорировать архетипическую основу и ее структуру — значит играть с огнем. Пренебрежение ей можно назвать "комплексом Титаника". Хвастливое эго может превратиться в ничто.

Когда бог-фаллос вступает на ограниченную территорию корабля-эго, его появление становится мощным фактором, влияющим на направление движения корабля. Здесь нет никакой ущербности ни в самом корабле-эго, ни вины его строителей (родителей, имея в виду сказанное выше), ни вины капитана (силы воли). Это "ущербность" архетипа. Именно это имеют в виду родители гомосексуалистов, независимо от степени своего осознания говоря о врожденности гомосексуальных черт. Несмотря на закономерную заинтересованность в таком решении вопроса они отметили очень важный момент, на который АРА при своем весьма незатейливом определении гомосексуальности как "психологического нарушения" могла бы обратить больше внимания.

Архетипы обязательно имеют "недостатки", в особенности с точки зрения корабля-эго и его Капитана — Силы Воли Титаника. Внезапно возникающие порывы шторма, айсберги, подступающие к кораблю под покровом тумана, появляющиеся внезапно скалы и рифы, извержения вулканов, непредвиденные штили — все эти напасти возникают "по вине" архетипов и происходят изо дня в день в обычной человеческой жизни. Пока корабль остается в тихой портовой гавани, нанесенный ему вред может быть минимальным. Есть мужчины, которые никогда не выходят из такого убежища, спасаясь от превратностей жизни. К ним относятся те из них, которые находились в заточении у Великой Матери, вселившей в них иллюзию безопасности, подобно герою Т.С.Эллиота Альфреду Пруфроку, впадавшему в сомнения даже перед риском съесть персик¹⁰⁵. Ценой, которую пришлось заплатить Альфреду Пруфроку за такой покой, стала робость — парализованная доблесть фаллической эрекции.

Вступление в царство бога-фаллоса может оказаться опасным предприятием, ибо ошибка бога может перевернуть человеческую личность и привести к одержимости — навязчивым и повторяющимся порывам страсти. Так солярная маскулинность эго предпринимает все

меры предосторожности в отношении хтонического фаллоса, ибо фаллос сам по себе может привести к одержимости, требуя от эго безусловного поклонения, когда ничто не может сравниться с фаллическим удовлетворением от оргазма. Очевидно, это обстоятельство беспокоило Нойманна и привело его к концепции превращения "низшего" фаллоса в "высший" фаллос. Он стремился максимально увеличить дистанцию между мужским эго-сознанием и ненасытным аппетитом Великой Матери, которую наделил ответственностью за существование хтонического фаллоса. Это не обязательно так. Фаллос имеет свою собственную расщепленную личину: с одной стороны, — творческую, с другой — буйную и не знающую никаких границ. Фаллос приближается к своему наилучшему и наихудшему пределам, когда является тараном, дьявольским искушением экстатического оргазма, разрушающим защитные барьеры, сохраняющие в безопасности эго.

Возлагать на фаллос такую тяжкую ношу патологии имеет не больше смысла, чем возложить ее на женскую грудь. Будет ли кто-то из мужчин больше находиться на привязи у Великой Матери в силу избегания ее земного двойника, а кто-то меньше, поскольку не может без нее жить? Замерзнет ли кто-то из мужчин в объятиях Великой Матери, не дотянувшись до ее груди, а кто-то вырвется из ее пут, если ему все-таки удастся до нее дотянуться?

Я бы очень изумился, если проблема сексуального предпочтения могла найти свое разрешение в такой простой формуле: "Если мужчина испытывает больше потребности в отце, он является гомосексуалистом; если мужчина испытывает больше потребности в матери, он гетеросексуален; если испытывает потребность в обоих родителях, он бисексуален". Сила диктата, кого мужчине следует любить, — это теология, вывернутая наизнанку. Это психологическое дополнение монотеизма, находящееся в подчинении патриархального триумфаторства, требующего поклонения одному истинному патриархальному богу.

Однажды во время утомительной прогулки перед следующей аналитической сессией в Цюрихе случилось так, что я был погружен в разрешение этой проблемы: я решил, что никогда не пойду на сессию, обремененный патологическим желанием есть на завтрак вместо полноценных зерен кукурузные хлопья. Самосохранение и сохранение рода, еда и секс — это два основных биологически-архетипических инстинкта. Один из них занимает в терапии почти все время, пока имеет место такое нарушение. Другой требует огромного времени,

независимо от того, есть ли нарушение или нет. Что-то неладно (в Датском Королевстве. — В.М.).

Анимус: фаллическая энергия женщины

В этой книге рассматриваются основы мужской психологии. Однако необходимо сказать несколько слов о том, как может появиться фаллос в женской психологии. Ни один архетип, независимо от его полоролевой идентичности, не становится исключительным переживанием, присущим тому или иному полу. Несмотря на то, что тело говорит нам, что мы являемся мужчинами или женщинами и не стоит усложнять жизнь, происходящие в психике процессы оказываются намного сложнее. И такое усложнение делает ситуацию куда интереснее. Скажу больше: так как на маскулинность накладываются высшие патриархальные ценности, женщины могут считать это непростое обстоятельство неким даром, хотя мужчин оно может обескураживать.

Мои наблюдения, конечно же, исходят из контекста, в основе которого лежит мужская точка зрения; их ни в коем случае нельзя назвать аутентичными в смысле непосредственного женского переживания. Тем не менее их можно рассматривать как дополнение ко всему, о чем говорилось выше, для получения максимальной полноты картины. Они ни в коем случае не являются определяющими или даже правильными по своей сути. В психологии всегда наилучшим критерием является опыт.

Юнг назвал мужскую часть, существующую в психике женщины, анимусом, что в переводе с латыни означает дух или разум. Это понятие эквивалентно его концепции анимы или женского аспекта мужской психики. В переводе с латыни анима означает душа; согласно описанию Юнга, она представляет собой скрытую, второстепенную, чувственную часть мужской психики. Несмотря на то, что теоретически она определенно занимает второе место в мужском (или лучше — в фаллическом) эго, ее присутствие чувствуется по настроению мужчины и его эмоциональным реакциям. Юнг изучал аниму изнутри, такой, какой она у него была. Но он не мог точно так же исследовать анимус. Он полагал, что женский анимус функционально соответствует мужской аниме, каждый раз компенсируя доминирующие черты, связанные с полоролевой личностной идентичностью¹⁰.

Однако Юнг был не из тех, кто проводит такие сопоставления, исходя из их очевидности, просто потому, что они дополняют картину. Он наблюдал так называемые мужские черты в знакомых женщинах и

увидел, что, как правило, они играют второстепенную роль по сравнению с такими же чертами, существующими у мужчин. У него было очень непростое отношение к женским чертам, которые он видел в себе и других мужчинах.

Юнг связывал "второстепенность" черт противоположного пола у мужчин и женщин с пренебрежением ими или их вытеснением. Все потенциальные аспекты человеческой личности, не соответствующие полоролевой модели, проваливаются в бессознательное. Время от времени они появляются как типичные, но не прошедшие полного развития характеристики противоположного пола. С прекращением бдительной охраняющей функции эго мужчины становятся сентиментальными, суетливыми, болтливыми, ворчливыми, — то есть налицо все признаки проявления анимы. В то же время женщины могут быть властными, навязывающими собственное мнение, доминирующими, поверхностно мыслящими, — здесь все признаки "одержимости анимусом". В женщине, которая, как предполагается, является хранительницей домашнего очага и семейных отношений, такие качества становятся особенно разрушительными. Они направлены против естественной заботы о своем женском эросе, точно так же, как жалость к самому себе, повышенная истеричность эмоциональных реакций и драматизация жизненных ситуаций направлены против солярного мужского сознания или мужского логоса.

До тех пор, пока в юнгианских сообществах росло осознание анимуса, последующие поколения юнгианцев считали, что он принижает существующие у женщин мужские качества. Второстепенные черты противоположного пола действительно оказываются довольно болезненной реальностью. Однако новое поколение юнгианских аналитиков — с их духовными наставниками Ирэн Клермон де Кастильо и Эстер Хардинг — решили, что именно женщины являются владелицами наследства, не оставляя патриархальности ни гроша¹⁰⁷.

Дьявол как неземной дух и проклятый богом разум, воплощение негативного анимуса. Иллюстрация Эжена Делакруа, 1799—1863 (Хэридейдж Клуб, Нью-Йорк)

Особую важность представляет для меня Клермон де Кастильо. Ее голос был первым, услышанным мной, протестующим против того, чтобы считать анимус женской душой. В своей книге "Знающая женщина" автор утверждает, что женская душа тоже является женственной¹⁰⁸. По ее мнению, душа всегда женственна. Я понимаю это так: душа отдает женственности свою власть, ибо содержимое и содержание суть одно и то же. Женщина должна заглянуть глубоко в себя, чтобы найти образ своей души.

Анимус не выражает существенные черты женской психики больше, чем анима выражает существенные черты психики мужской. Анимус женщины больше не считается обязательно негативно окрашенным, а обладает всей многогранностью мужской духовности. Так называемый негативный анимус — всего лишь шаг на протяжении целого пути. Несмотря на то, что этот шаг является ключевым, анимус все равно нечто большее, чем описанная выше раздраженная второстепенная маскулинность. Анимус создает женщине энергетическую основу, когда она учится и овладевает определенными нормами, готовя себя к такой же солярной ответственности, как самая истовая патриархальность. Анимус может думать; он не является поверхностным, когда у него есть время и энергия, необходимая для развитого мышления. Женщины часто преподносят суждения, выражающие коллективные ценности, и имеют общие мнения — но и

мужчины тоже. Фактически, как мужчины начинают эмоционально развиваться, перестав видеть в женщинах носителей эроса, так и женщины начинают думать самостоятельно, перестав зависеть от мужчин как обладателей логоса.

Какое же место в таком случае занимает фаллос-анимус в творческой жизни женщины, если она не обращается за помощью к мужчине или мужскому образу, на который она может проецировать свои фаллические черты?

Фаллос может стать путеводителем женщины в той же степени, как и мужчины. Если использовать метафору, его шевеление позволяет женщине почувствовать, что наступает пора творческой деятельности. Эрекция или же предшествующий ей импульс (подобно "потребности в мастурбации" в приведенном выше сновидении) для мужчины является знаком наступления чего-то нового, признаком того, что бог очнулся от дремоты. Женщина не чувствует давления со стороны фаллоса, как его чувствует мужчина, хотя существует некое сходство. Шевеление фаллоса в мужчине свидетельствует о его немедленной готовности к семяизвержению, позитивный аспект анимуса у женщины проявляется в импульсах, позволяющих ей относиться творчески к окружающему миру.

Так, например, именно анимус женщины подсказывает ей после многих лет рутинной бумажной работы, поддерживающей патриархальную структуру, что она имеет все способности для собственной профессиональной деятельности. Именно анимус толкает женщину от домашних забот и стереотипно-добровольных "женских" дел заняться всерьез своим образованием, закончить школу и начать делать собственную карьеру. Именно анимус движет ей в процессе создания таких планов и придает ей необходимую энергию для их завершения. Фаллос-анимус может внезапно восстать, как это происходит ранним утром при эрекции, провоцируемой Меркурием, испытывая острое желание немедленного удовлетворения. Вместе с тем он может подниматься медленно, под воздействием волевых усилий. Женщине никогда не знакомо ощущение фаллоса как личной принадлежности, поэтому она должна быть спокойна. У нее на первом плане может быть исполнение своих женских обязанностей, таких как, например, материнство. Но когда анимус начинает себя показывать, он, безусловно, становится фаллическим. Женщине с хорошо приземленной женственностью анимус не придает мужественности. В ее восприимчивой женской природе властный элемент фаллоса остается вторичным. И все же он присутствует и проявляет себя в ее

достижениях.

Развитие внутреннего женского фаллоса-анимуса увеличивает независимость женщины как личности, особенно в ее отношениях с мужчинами. Если женщина тесно связана с собственными источниками маскулинности, она будет значительно меньше зависеть от фаллической поддержки находящегося рядом мужчины.

Проснувшись летним утром, чтобы написать этот параграф, и размышляя над тем, что я могу сказать для иллюстрации черт, определяющих независимость женского анимуса, я услышал по местному радио Скрэнтона интервью с женщинами, в котором шла речь о проблеме поддержки детей после их отделения от родителей. Часть этой проблемы заключалась в получении ребенком адекватной поддержки так, чтобы держать о ней в неведении упрямого отца. Женщины, которые давали интервью, обладали независимостью, обернувшейся против них самих. Ни один отец, ни патриархальные социальные структуры не могли терять свою независимость, чтобы обеспечить детям поддержку. Эти женщины не только хорошо справлялись сами, причем некоторые из них имели несколько детей, но при этом еще участвовали в организации национальных ассоциаций, оказывающих давление на реформы. Женские голоса звучали по радио громко, наполненные гордостью и уверенностью в своей правоте. Мне вспомнилась горбатая старуха с выступающими челюстями за рулем искарженного шевроле, которую я недавно видел на трассе между Нью-Йорком и Скрэнтонем. У нее на заднем стекле виднелся один из предупредительных желтых восьмиугольных дорожных знаков-факсимиле. Но это был не обычный знак: "Внимание, в машине ребенок". Знак был такой: "Машину разбил бывший муж". Она мне испортила весь день.

Независимость женщины включает в себя преодоление ограничений, наложенных негативным анимусом. Негативный анимус — это, по сути, интрапсихический голос или присутствие маскулинности. Хотя он может проявляться и в качестве всевозможных вспышек неприемлемого поведения, нарушающих покой окружающих, его подлинный спектр зла известен только самой женщине. Негативный анимус нашептывает женщине во внутреннее ухо, что она полная и окончательная идиотка, не способная выйти из своего зажатого состояния в некое возвышенное состояние, каким, например, является "мир мужчин". Если женщина знает, что для нее хорошо, она лучше будет пребывать в безопасности, привязанная к тому, что для нее хорошо. Она зашла слишком далеко и, конечно же,

потерпит неудачу; она лишь хотела поддержать мужа и ничего не хотела для себя; она очень слабая и робкая, ах, ах, ах... Негативный анимус действует как фаллос-наильник, цель которого заключается в том, чтобы держать женщину в подчинении, покорить ее и отомстить ей за эротическую власть, которую она над ним имеет. Это патриархальность, существующая в условиях доминирующего матриархата¹⁰⁹. Развитие негативного анимуса часто можно проследить по травмирующему влиянию родного отца (или отца-суррогата, каковым, например, является материнский анимус), но, тем не менее, так можно полностью проследить лишь динамику интроекции. За родным отцом стоит целый мир архетипической маскулинности.

Архетипический фаллос содержит в себе безжалостный, животный аспект, требующий удовлетворения. Моя пациентка принесла сон, в котором на цветной мантии классической древнегреческой женской статуи совокуплялись жуки. Это был взгляд на филогенетическое развитие в первобытной стадии, наложенный на произведение высочайшей культуры. Сновидица себе сказала во сне: "Чтобы проникнуть в женщину, мужчине нужно распороть ей кожу своим фаллосом".

Лисистрата

Эту интерпретацию внутри сновидения можно было рассматривать с разных точек зрения. В данном случае в контексте аналитической

терапии этой пациентки оказалось, что сам по себе аспект негативного анимуса нашел свое проявление патриархально животным способом — "пропарывая ее кожу" и при этом как бы имея на это полное биологическое право. Женщину постоянно ранит такое предположение, ибо она принимает за чистую монету, что ее внутренний мужской голос обладает властью, которая не подлежит сомнению. Архетипическая близость к биологии заставляет женщин сносить физические и психологические оскорбления, исходящие от негативного анимуса.

Это не женские черты, а качества анимуса, находящегося в ее бессознательных владениях. И действительно, Юнг считал, что анимус чаще появляется в качестве мужского хора, имея при этом в виду, что негативный анимус может пребывать в непосредственной близости от положительных мужских образов. Поэтому женщина, видящая во сне положительный мужской образ, получает хороший совет встроить потенциал этого образа в свою психику так, чтобы он мог ей помочь, чтобы сосчитать внутренние мужские голоса, которые в состоянии разорвать ее на части. Такие образы обязательно появляются. Одна женщина, удрученная приступами депрессии, во время которых испытывала сильную тревогу в отношении своей способности стать эффективным руководителем, увидела следующий сон, в котором появился позитивный образ анимуса. Поскольку этот сон был типичным, она знала мужчину, которого там увидела, но сознательно не считала его способным оказать ей помощь.

Я нахожусь на большом приеме с танцами. Мужчина приглашает меня на танец, и я соглашаюсь. У нас хорошо получается, он очень сильный. Во время танца он поднимает меня на плечи, и это просто великолепно. Я очень рада, что он достаточно большой и сильный, чтобы меня вести и так поднять (выделено самой пациенткой).

Здесь фаллос-анимус демонстрирует мужское поведение: он самостоятельно вступает на сцену, прощенный или непрощенный, — в данном случае непрощенный. Мужчина во сне, который считается субъективным образом анимуса сновидицы, укрепляя ее женственность, ведет ее, опираясь на ее внутреннюю фаллическую силу. Задача для женщины заключается в том, чтобы поверить этому "очень сильному" анимусу, как мужчина должен верить порывам и влечению фаллоса.

Существуют внутренние ограничения того, что мужчины могут с уверенностью сказать о женском анимусе, будь он негативным или, как в данном случае, фаллически-позитивным. Приведенные здесь

рассуждения, хотя и были основаны на том, что написали сами женщины, а также на моем личном опыте, все равно определяются моей мужской идентичностью, как бы моя анима ни испытывала точно такие же вмешательства патриархальности, стремящиеся или помешать, или поддержать. Я ожидаю дальнейшего развития темы самими женщинами, как женственность воспринимает фаллическую энергию.

ЭПИЛОГ

Все, что я написал, обусловлено той важностью, которой обладает религиозное значение фаллоса. Теоретически юнгианцы имеют подход к его пониманию. Он остается зримым, тогда как другие подходы будут устанавливать связь с религией принудительно или даже стараясь ее постичь.

Может оказаться полезным вспомнить, что с юнгианской точки зрения на психику, религия является не теологическим конструктом, а творческим проявлением "не-я", как назвала бессознательное Эстер Хардинг¹¹⁰. Будучи таким же источником, как материнство, нуминозный фаллос, объект очарования и поклонения, определяющий признак половой идентичности половины человечества требует своего места внутри этого конструкта, способного содержать и развивать все его атрибуты.

На протяжении всей книги рассматриваются возможные применения образа фаллоса в психотерапии. Здесь я лишь могу сказать, что принятие фаллоса в качестве фундаментального образа психики делает анализ более честным процессом, менее склонным к повороту в сторону матриархата и существенно облегчает сознательную интеграцию — и у мужчин, и у женщин — архетипических мужских качеств.

Существует и более широкое применение. В то время, когда уходят патриархальные ценности, развитие культуры совершается в одном громадном потоке. Может случиться так, что человечество неизбежно движется по направлению к *units mundus*, новому соединению противоположностей, постматриархальных и постпатриархальных, что придает равный вес маскулинности и женственности. Если это так, чтобы завершить эволюцию, следует привести сознательно части психологического фундамента, которыми долго пренебрегали. Я считаю, что понимание *phallos protos* или патрикса, а также женственности или матрикса станет ключевым для

людей новой эпохи.

ЗАМЕЧАНИЯ

— Собрание сочинений К.Г. Юнга

1. Theodor Reik, *Listening with the Third Ear*, p. XI.
2. George Elder, "Phallus", p. 1.
3. Jung, *Symbols of Transformation*, CW 5, par. 669 and note.
4. См.: Arnold Mindell, *Dreambody*.
5. Jung, *Two Essays on Analytical Psychology*, p. 123.
6. Mircea Eliade, *Images and Symbols*, p. 9.
7. *Ibid.*, p. 14.
8. См. выше, замечание 1.
9. Jung, *Psychological Types*, CW 6, par. 789.
10. Rudolf Otto, *The Idea of the Holy*, p. XVI (предисловие переводчика).
11. *Ibid.*, p. 7.
12. *Ibid.*, p. XVI.
13. *Ibid.*, chapters 4—6.
- H. Thomas Wright, "A Worship of the Generative Powers", p. 28.
15. Jung, *Symbols of Transformation*, CW 5, par. 146.
16. Alain Danielou, *Shiva and Dionysus*, p. 56.
17. *Ibid.*
18. *Ibid.*
19. *Ibid.*
20. *Ibid.*, p. 58.
21. См. выше, замечание 15.
22. Thorkil Vanggaard, *Phallos*, p. 16.
23. John Sharkey, *Celtic Mysteries: The Ancient Religion*, text for plate 9.
24. Galatians 5:16—17; Authorized (King James) Version.

25. См.: Jung, "Answer to Job", *Psychology and Religion*, CW 11.
26. Sigmund Freud, "Analysis Terminable and Interminable", p. 250—252.
27. См.: Marie-Louise von Franz, *Puer Aeternus: The Adult Struggle with the Paradise of Childhood*, and Daryl Sharp, *The Secret Raven: Conflict and Transformation*.
28. Jung, *Memories, Dreams, Reflections*, p. 26—27.
29. *Ibid.*, p. 27-28. ;
30. Наиболее подробно взгляд Юнга на эту тему нашел свое отражение в книге *Symbols of Transformation*, CW 5; в особенности, в ее второй части, главы 4—8.
31. В книге C.G. Jung: *His Myth in Our Time* (p. 15—37) Мария-Луиза фон Франц дает подробный комментарий детского фаллического сна Юнга. Она видит в нем указание на его сильный эротический фактор, его любовь к людям, его особый взгляд на религию, который появился у него с детского возраста, и, пожалуй, самое важное, она рассматривает этот сон как противоядие по отношению к его благодарности "природному свету", то есть инстинктивному бессознательному. Она также рассматривает этот сон как раннее указание на существовавшее у Юнга убеждение, что Бог не умер, а похоронен в бессознательном в ожидании открытия его человеком. Фон Франц не уделяет много места истолкованию сексуального смысла этого сна, а делает акцент на символическом выражении творческого начала и мужском духовном оплодотворении.
32. См.: Erich Neumann, *The Origins and History of Consciousness*, p. 42.
33. Цитируется из того же источника, с. 47—48.
34. Freud, *The Future of an Illusion*, p. 26.
35. George Hogenson, *Jung's Struggle with Freud*, p. 84—85.
36. James Hillman, *Re-Visioning Psychology*, p. 84ff.
37. John Money and Anke Ehrhardt, *Man and Woman, Boy and Girl*, p. 7,
38. Jung, *Memories, Dreams, Reflections*, p. 182.
39. Считалось, что в среднем возрасте у Юнга существовали некоторые проблемы в регулировании своей сексуальной жизни. См., напр.: Aldo Carotenuto, >4 *Secret Symmetry: Sabina Spielrein Between*

Jung and Freud.

40. Три основных труда Эриха Нойманна: "Природа и история сознания", "Великая Мать и глубинная психология" и "Глубинная психология и новая этика". Несмотря на то, что они были опубликованы в США более 25 лет тому назад, их еще придется заново открыть американскому психоаналитическому сообществу. Нойманн родился в Берлине в 1905 году, покинул Германию в 1933 году и умер в Израиле в 1960 году (на год раньше Юнга). Его ранняя смерть стала величайшей потерей для аналитической психологии.

41. Neumann, *The Origins and History of Consciousness*, p. 92.

42. *Ibid.*, p. 309.

43. *Ibid.*

44. *Ibid.*, p. 10.

45. Neumann, *The Great Mother*, p. 294.

46. T.S. Eliot, "Little Gidding", *Four Quartets*.

47. Aniela Jaffe, *Jung's Last Years and Other Essays*, p. 7.

125

48. Jung, "A Psychological View of Conscience", *Civilization in Transition*,

CW 10, par. 852.

49. Jung, *Mysterium Coniunctionis*, CW 14, par. 788: "Мне кажется... вполне разумным принять во внимание тот факт, что здесь существует не только психическое, но и психоидное бессознательное".

50. Mitchell Wilson and the editors of *Life magazine*, *Energy*, p. 143.

51. *Ibid.*, p. 144.

52. Jung, "Synchronicity: An Acausal Connecting Principle", *The Structure and Dynamics of the Psyche*, CW 8, par. 964.

53. Marion Woodman, *The Pregnant Virgin*, p. 39.

54. Jung, *Mysterium Coniunctionis*, CW 14, par. 786.

55. См.: Jung, "The Transcendent Function", *The Structure and Dynamics*

of the Psyche, CW 8.

56. Jung, "The Spirit Mercurius", *Alchemical Studies*, CW 13, par. 263.

57. Roger Cook, *The Tree of Life*, p. 9.

58. Mircea Eliade, *Shamanism*, p. 210.

59. *Ibid.*, p. 169.

60. *Ibid.*, p. 259.

61. Rafael Lopez-Pedraza, *Hermes and His Children*, p. 3.

62. Hodder M. Westropp and C. Stanaland Wake, *Phallicism in Ancient Worship*, p.50.
63. George Elder, "Phallus", p. 5.
64. Jung, "The Spirit Mercurius", *Alchemical Studies*, CW 13, par. 239.
65. *Ibid.*, par. 278.
66. *Ibid.*, par. 284.
67. *Ibid.*, par. 287.
68. См.: Marion Woodman, *Addiction to Perfection*, chapter 8, "The Ravished Bride".
69. *Vocatus atque поп vocatus, Deus aderit.* (Зови — не зови, Бог все равно будет с тобой.)
70. Юнг тоже воспроизводит в "Психологии и алхимии" (CW 12, рис. 231) рисунок XVI столетия, на котором изображен Меркурий в виде девственницы, находящийся в состоянии эрекции, с ветвями философского дерева (*arbor philosophica*), растущего из его (ее) головы. Здесь, по мнению Юнга, бисексуальный Меркурий состоит "изо всех постижимых противоположностей". Полагается, что в качестве девственницы Меркурий идентифицируется с плодоносной матерью, и вместе с этим данного сопоставления очень трудно избежать. Что касается самого Меркурия, существующая у него предрасположенность к трансформации в женщину служит еще одним дополнением к тому, чтобы рассматривать его в качестве образа